

ОГОНЁК
№ 18 АПРЕЛЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

УТРО РОДИНЫ

Михаил СВЕТЛОВ

Мелкие росинки на заре
Всю планету держат в серебре,
Но внезапно отблеск золотой
Вспыхнул над серебряной землей...
Выйди в этот час и собери
Серебро и золото зари.

Небеса, как синий шелк, висят
От Владивостока до Карпат,
Мимо городов и деревень
Путешествует весенний день,
Пробуждает молодость в ручьях,
Открывает окна в поездах...

Вышел на просторы площадей
Первомайский день страны моей!
«Мир народам!» — он пером луча
Пишет на страницах кумача.
Дышат и поля и города
Благородным воздухом труда.

Ты прими, мой друг, товарищ мой,
Это поздравление с весной!..
Солнце низвергается с высот,
Светлый путешественник идет
Мимо городов и деревень —
Мирный день, весенний день, советский день!

№ 18 (1195) 30 АПРЕЛЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Фото Н. Петрова

УТРО РОДИНЫ

Быстро бегут по земле лучи восходящего солнца. Но пройдет десять часов, пока они пересекут с востока на запад необъятные просторы Советской державы.

Нет в мире государства могущественнее нашего, нет на земном шаре страны обширнее Союза ССР, нет на белом свете людей счастливее советских. И где бы ни застал их золотящий луч восходящего солнца — на Камчатке или в Калининграде, в Мурманске или в Тбилиси, — они начинают свой трудовой день с думой об Отчизне, о ее счастье и процветании.

Устремленный вперед, полный непоколебимой веры в торжество бессмертных идей коммунизма, вступает в новый день советский человек. Горняк спускается в шахту, чтобы выдать сегодня на-гора уголь сверх задания, ученый садится за письменный стол — он готовит новое исследование, бригада колхозников выходит в поле засеять последние гектары, учительница направляется в школу, студенты — в институт, экспедиция геологов взбирается на горные кручи, машинист повел в дальний рейс эшелон нефти...

О светлом утре нашей Отчизны, ее сынов и дочерей рассказывают в этом номере корреспонденты «Огонька».

Голос Москвы

— Говорит Москва! Доброе утро, товарищи!

На какой бы широте ни застигло советского человека это теплое слово привета, перед мысленным взором его встает широко раскинувшаяся на холмах красавица Москва. Видится ему Кремль, опоясанный красной крепостной стеной, высокие башни, рубиновые звезды и комната, где лишь недавно погас свет. В эту комнату, к Сталину, идут со всех концов Союза донесения о славных делах людей державной мысли, большого ума и железной воли. Сюда со всего земного шара шлют слова благодарности все, кому дорог мир во всем мире. В Кремлевском дворце собираются на сессии Верховного Совета избранники народа, чтобы разрешать вопросы государственной важности. С трибуны белокаменного зала раздаются мудрые речи, которым внимает передовое человечество, ибо это говорит его совесть.

С Кремля будто просматривается вся — от края до края — советская земля. И нет на ней такого уголка, из которого не был бы виден зубчатый Кремль. Кажется, что за тысячи верст, далеко-далеко от Москвы, слышно, как промчалась по пустынной Красной площади машина и, глухо печатая шаг на холодной, еще не согретой ранним солнцем брусчатке, прошли часовые, чтобы занять свое почетное место у дверей ленинского мавзолея.

Солнце взошло. Пора сменить на вахте сталеваров «Серпа и молота», ткачей «Трехгорки», сборщиков автомобилей завода имени Сталина, мастеров хлебозаводов, слесарей паровозных депо. Ребятам время собираться в школу, юношам и девушкам — в институты.

...Шесть часов сорок минут. На Курский вокзал прибыл поезд из Минеральных Вод. Фото Н. Маторина

Говорит Москва! На русском и китайском, английском и французском, турецком и финском, чешском и польском, румынском и венгерском, немецком, болгарском и многих других языках радио передает слово Москвы. Ее слушает весь мир. Для правды нет границ и расстояний.

Слова Москвы, слова большевистской правды! Отлитые в свинцовые строки, они легли на миллионы бумажных листов. Грохочут мощные ротационные машины. По конвейеру вверх в экспедицию поднимаются пахнущие типографской краской газеты. Десятки автомобилей, груженных кипами газет, в предрассветный час мчатся из столичных типографий на аэродромы к первым машинам, стартующим на Хабаровск, Ташкент, Тбилиси, Алма-Ату, Фрунзе, Якутск. Самолетами отправляются и матрицы. Во многих городах страны сегодня к вечеру выйдут напечатанные в местных типографиях центральные газеты. Улетели самолеты с «Правдой» и «Известиями» за рубежи страны.

...Экспедиция типографии «Правды». Движутся по конвейеру пачки только что вышедших из печати центральных газет. Фото А. Гостева

А в это же время из ворот центрального газетно-журнального почтамта выходят автомобили. В кузовах — аккуратно прошитые мешки с газетами, которые почтамт отправляет первыми утренними поездами. Последуем и мы на вокзал.

...Умытая весенними дождями, широко раскинулась привокзальная площадь — Комсомольская. Жизнь тут не утихает круглые сутки.

Казанский вокзал. 6 часов 20 минут. Приходит челябинский поезд. Кто они, эти люди, вышедшие из вагонов? Здесь и гости столицы, прибывшие издалека, и москвичи, вернувшиеся из командировки.

...Взяв под руку старую женщину, продвигается к выходу офицер, москвич, он приехал в отпуск и проведет праздник в кругу близких, с друзьями. Рядом с ним шагают его спутники по дальней дороге: конструктор одного из челябинских заводов; ленинградский ученый; агроном-мичуринец — он выращивает новые сорта винограда для Урала и в Москве хочет получить совет в Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина. «Матушка Москва, она мудрая!» — говорит агроном.

Москва, она мудрая! Отсюда партия большевиков, Сталин направляют наше движение к коммунизму. Сюда, в столицу, ежедневно прибывает много тысяч людей, чтобы получить совет, доброе напутствие и помощь в осуществлении своих смелых замыслов; принять участие в совещании, научной конференции; рассказать на коллегии министерства о подвигах новаторов, имена которых через неделю — другую узнает вся страна; утвердить планы нового крупного строительства...

Сюда, в столицу советского государства, с запада и востока, с севера и юга приезжают на поезде, прилетают на самолете наши зарубежные друзья. Солдаты несокрушимой многомиллионной армии борцов за мир, демократию и социализм, они знают: наш народ — авангард этой армии. Советская страна желает счастья и успеха всем тем, кто стоит за мир, против войны, за мирный труд, против гонки вооружений.

...Один за другим приходят издалека утренние поезда. Курский вокзал принял поезд из Минеральных Вод — москвичи вернулись с курорта. В 8 часов 20 минут на Ярославский вокзал прибыл поезд из Костромы. К справочному бюро подошла женщина с легкой белой шалью на голове. Колхозница — она впервые в столице — спрашивает, как проехать в Министерство сельского хозяйства.

Сегодня в полдень или, может быть, завтра мы увидим ее на Красной площади. Рядом с ней будут стоять шахтер из Донбасса, хлопкороб из Ташкента, нефтяник из Баку. Все они только что побывали в ленинском мавзолее и сейчас разглядывают площадь. Просветленные их лица обращены к Кремлю, к Сталину.

Л. Леров

Без четверти шесть

Так повелось: когда еще не проснулся Киев и часовая стрелка показывает только без четверти шесть, Максим Власьевич осторожно, чтобы не разбудить домашних, идет к кабинету. Он и не смотрит на циферблат. Более чем пятьдесят лет встает Луговцов в одно и то же время. С годами стало непонятно, как можно ошибиться хотя бы на минуту. Если он идет к кабинету,— значит, без четверти шесть.

Когда ныне известному советскому ученому, действительному члену Академии наук Украинской ССР М. В. Луговцову было от роду 13 лет и он работал рассыльным в заводской лаборатории, подросток старался полежать в кровати подольше и выкрасть у утра хоть несколько мгновений. Но надо было успеть покушать и ровно в шесть, по гудку, вместе с отцом — юзовским доменщиком — спешить на работу. В свободную минуту рассыльный любил заглянуть в доменный цех и полюбоваться тем, как его отец командует огнедышащей печью. Влас Луговцов как-то спросил сына:

— Мечтаешь стать горновым, сынок?

— Нет, — тряхнул головой Максим, — хочу инженером быть и строить домны!

Отец крайне удивился. Но упрямый сын все-таки добился своего. А скольких это стоило трудов!

И вот теперь на письменном столе его ждут чертежи, книги, аккуратно исписанные блокноты. Все они посвящены одному — домнам. Отец простоял у них больше пятидесяти лет, столько же посвятил им и сын. Многие годы он был главным инженером, а затем сменил завод на лабораторию. Но, собственно говоря, институт черной металлургии Академии наук Украины, которым руководит М. В. Луговцов, неотделим от заводов республики. Более сорока из них пользуются его неустанной помощью.

Ученый точно распределяет свое время. С 6 до 8 он готовится к семинару, а затем занимается научно-исследовательской работой.

...Стенные часы гулко отсчитали восемь ударов. Перерыв. Луговцов проходит в соседнюю комнату, где, собираясь в школу, складывает учебники его внучка Мила. Она соглашается сегодня выполнить просьбу дедушки. Мила садится за пианино, и по квартире разносятся звуки шопеновского вальса.

Прослушан вальс, политы цветы, и снова склоняется над письменным столом седая голова. Луговцов разрабатывает новый метод получения высококачественного чугуна.

Тихо в квартире ученого. Внук его Юрий работает над картиной, посвященной Владимиру Ильичу Ленину. В 12 часов, перед выездом в институт, Максим Власьевич непременно взглянет, как подвинулось произведение художника. Но до того, как Максим Власьевич покинет свой рабочий кабинет, он сам сложит блокноты, книги, вытрет тряпочкой пыль с чугунной звезды, которая прикреплена к медной пластине. На меди выгравировано:

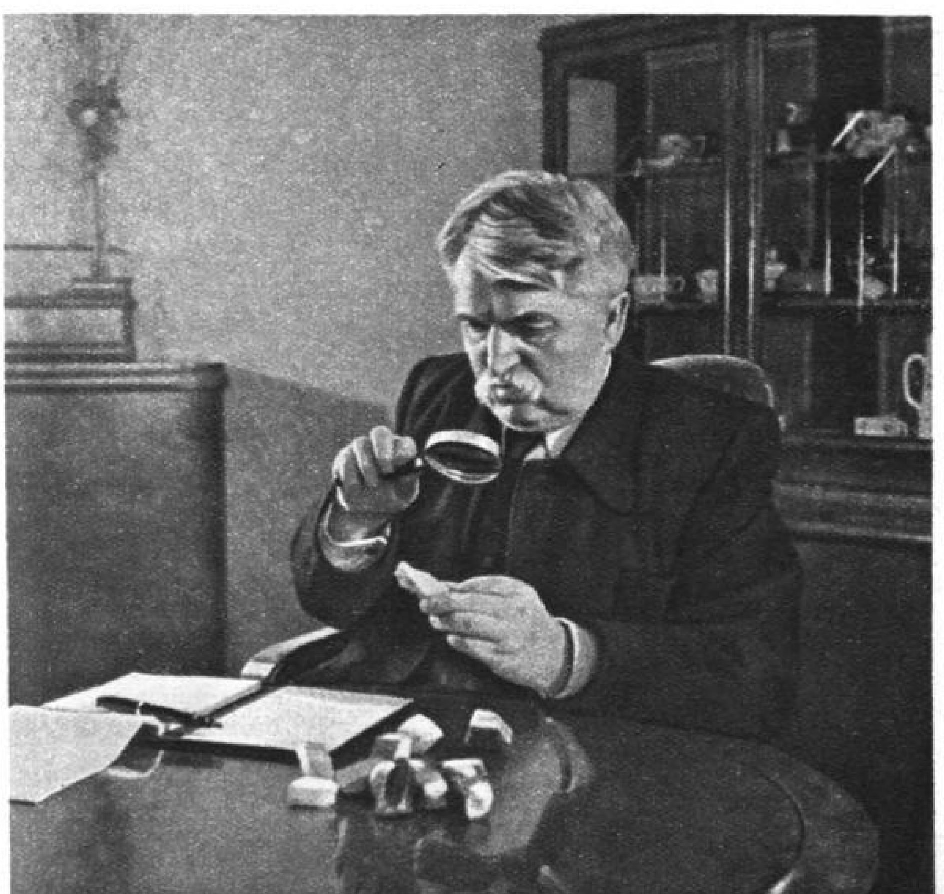
«Из первого чугуна восстановленной доменной печи № 2 завода имени С. М. Кирова в г. Макеевка 21 июля 1944 года — старейшему металлургу, выдающемуся доменщику, строителю макеевских доменных печей Максиму Власьевичу Луговцову».

Е. Брагин.

Киев.

...Шесть часов утра. Действительный член Академии наук Украинской ССР М. В. Луговцов уже работает в своем кабинете.

Фото Н. Козловского

На сборке металлического кузова вагона в вагоносборочном цехе ленинградского завода имени Егорова. Конструктор Виктор Михайлович Алексеев пришел к работающему здесь отцу — технологу Михаилу Петровичу.

Фото Д. Трахтенберга

У заводской проходной

Никогда Международный проспект не бывает столь многолюдным, как в утренние часы. Выходят, не торопясь, из заводских домов, что построены тут же, недалеко от предприятий. Приезжают на автобусах, троллейбусах, трамваях. У заводской проходной тормозят «москвичи» и «победы».

Подойдем и мы к зданию, на ажурных воротах которого выделяется барельеф ордена Красной звезды. Это завод имени электромонтера И. Е. Егорова, родина многих тысяч пассажирских, грузовых, почтовых вагонов. Добрая слава об этих вагонах идет и на железных дорогах Союза и за пределами страны: на Международной выставке в Париже им присудили Большую золотую медаль. Егоровские вагоны!.. Вагоны завода имени И. Е. Егорова, рабочего, большевика, организатора первомайских забастовок, красногвардейца, героя гражданской войны...

Встанем в сторонке и посмотрим, кто проходит в заводские ворота.

Вот подъехал инженер М. П. Алексеев, товарищ Егорова по подполью, коммунист с 1914 года, поступивший на завод «Международного общества спальных вагонов» почти сорок лет назад столяром-краснодеревщиком. С ним идет сын Виктор, талантливый конструктор, родившийся в год, когда заводу присвоили имя Егорова. Проходят П. Г. Пазенков, лучший кузнец Ленинграда, и совсем еще молодая Вера Павлова, лучший токарь завода.

Бережно несет какой-то сверток, из которого торчат металлические пластинки, подвижной, худощавый Кузьма Крючок — знаменитый разметчик; он ездил вчера со своим новым рейсмусом в Технологический институт. Подкатила машина. Невысокого роста человек в серой шляпе направился в бюро пропусков — лауреат Сталинской премии профессор Л. В. Канторович приехал на завод проверять, как внедряется предложенный институтом математики метод экономного раскроя металла.

А кто этот старик, с которым все почтительно здороваются? О, это живая история завода, старожил из старожилов В. В. Кузнецов, руками которого собраны первые образцы почти всех серий вагонов...

Гудок возвещает начало трудового дня. Проспект опустел, и мы последуем на завод. Зайдем к отцу и сыну Алексеевым, с которыми повстречались у проходной.

Михаил Петрович Алексеев работает технологом в сборочном цехе. Сюда начали поступать чертежи нового мягкого вагона. На многих чертежах знакомая подпись: «В. М. Алексеев» — сын руководит конструкторской группой. За чертежами встает облик будущего вагона, значительно лучшего, чем тот, что удостоен в Париже золотой медали. Простота, прочность сочетаются в нем с удобствами и красотой; нижнее сиденье с откидывающейся спинкой ночью превращается в постель; мебель, обитая плюшем, стены, отделанные особыми обоями, ковры, зеркала, занавески, лампа — она же репродуктор.

Алексеев младший, сдавая цехам чертежи нового вагона, считает, что с «мягким» покончено, и вместе с другими конструкторами озабочен программой будущего года: цельнометаллический пассажирский вагон первого класса, вагон-ресторан, межобластной вагон, где в креслах будет одинаково удобно и посидеть и поспать...

А. Старков, М. Фролов.

Ленинград.

Когда горняки спускаются в шахту

По дощатому тротуару, проложенному на склонах холма, спешат шахтеры. Глухая их поступь нарушает предутреннюю тишину. Со звоном ломается ледок, затянувший за ночь первые весенние лужицы...

А ночь еще борется с днем. Многоэтажное, увенчанное башней надшахтное здание, за которым выглядывают стальной каркас копра и тупая пирамида террикона, погружено во мглу. В окнах всех этажей свет, а на башне пламенеет звезда: план добычи угля шахта «Северная» перевыполняет.

Все нарастает гул человеческих голосов внутри большого дома. В четырех залах столовой официантки в белых наколках обслуживают нетерпеливых клиентов, в большинстве — шумную молодежь. Клубы пара поднимаются к высокому потолку в душевых залах, рядом с которыми сотни человеческих тел облучаются горным солнцем. Работает водолечебница, где горняки принимают по назначению врачей процедуры.

Этажом выше — раскомандировочный зал и длинный коридор, в который выходят двери контор всех участков шахты. В диспетчерской на щите горит, не мигая, лампочка; это означает, что скиповый подъем работает, и уголь идет на-гора непрерывным потоком.

«Северная» дает тысячи тонн угля в сутки. По европейским масштабам она могла бы сойти за шахту-гигант, но тут «Северную» считают средней шахтой. Таких в Кузбассе много.

Зайдем в контору одного из двенадцати участков. Пусть это будет шестой. Начальник его техник Александр Глебович Щукин принимает по телефону рапорт горного мастера. Ночная смена работала хорошо. Норма — 75 двухтонных вагонов, наряд был дан на 85 вагонов, добыто же за ночь — 101... Вот заходят в контору и сами герои истекшей ночи — забойщики Иван Лысенко, Андрей Рыбко, бригадир комсомольско-молодежной бригады Николай Смирнов. Поздоровавшись, они молча садятся на длинную скамью, тянущуюся вдоль стены.

— Пятая и третья лавы на подготовке! — заявляет вошедший вслед за ними пожилой шахтер Михаил Григорьевич Ушаков, самый неугомонный человек на участке.

— Лесу надо бы подбросить, иначе утренней смене круто придется,— добавляет он.

Вступив в предмайское соревнование, шестой участок обязался дать к празднику сверх плана две тысячи тонн угля. Начальник участка раскрывает свою испещренную цифрами, смятую записную книжку. Вписав в нее добычу ночной смены, Щукин гордо говорит:

— 700 тонн сверх плана уже есть. А лесу, — добавляет он уже другим тоном,— лесу действительно надо подбросить побольше! Ты, Михаил Григорьевич, — верный товарищ: не только о себе заботишься, но и об успехе другой смены...

И начальник участка отдает распоряжение о доставке леса.

...Утренняя смена уже спустилась в шахту. Опустел раскомандировочный зал. Тихо в конторах участков. Появляются люди в лабораториях. А еще выше, в комнатах башни, сидят над чертежами маркшейдеры и работники горной инспекции.

Е. Аралов

Кузбасс.

На берегах Мокрой балки

Спозаранку, как и было намечено с вечера, Петр Алексеевич Юрков, депутат Бессергеневского сельсовета, он же председатель колхоза имени Кагановича, отправился к виноградникам на паре запряженных в линейку гнедых маштачков.

Утро занималось теплое, по-весеннему яркое, мягкое. Синие дали просторного займища светлели. Сквозь серую щетинистую стену кустарников поблескивал широкий лампас полноводного в эти дни Дона. «Хороша погодка!» — думает Юрков, соскакивает с линейки, останавливается и рассматривает озимь. Она шелковистая, густая. Юрков опять садится в линейку и торопит лошадей. За курганом раскинувшиеся ковром колхозные поля. Радуют они сердце хлебороба.

Председатель колхоза поднимается на взгорье. На двадцати гектарах виноградника кипит работа. Бригадир М. И. Буданов доложил Юркову о ходе дел, и теперь они вместе идут по плантации, осматривают лозу, по известным им приметам определяют: «Лоза сильна, даст богатый урожай, ежели приложить труд да науку». В прошлом году получено было по 65 центнеров винограда с гектара, в этом году наметили снять по 70.

Через полчаса Петр Алексеевич уже в полевом стане. Руководитель полеводческой бригады И. А. Черемисов и вожак тракторного отряда П. А. Шелемякин у сеялочного агрегата: здесь досеваются последние гектары подсолнечника. И. А. Черемисов проверяет качество, интересуется этим и П. А. Шелемякин, ревниво оберегающий честь отряда. Посеяно хорошо.

И, присев на корточки, друзья делятся мыслями о структуре почвы. Черемисов набирает в горсть жирную, комковатую землю, мнет ее, разглядывает и говорит Шелемякину: «Не зря вам техника доверена! Сработали — загляденье!» Шелемякин скромно молчит.

Отсюда Петр Юрков направляется к берегам Мокрой балки, где теперь плещется большое озеро, глубиною свыше пяти метров. Это колхозный пруд. Его берега засадят дубовыми деревьями. Вот об этом и идет разговор с колхозным лесомелиоратором Евстратовым. Совет, как лучше разбить рощу, держат «на местности».

У Петра Алексеевича сегодня и объезд бригад, и наряды, и беседа со специалистом об электрификации колхоза...

Н. Петров

Ростовская область.

За асфальтированным шоссе, ведущим к Риге, начинаются поля латвийского колхоза имени Сталина. Сегодня — воскресенье. Но все люди с утра вышли в поле. По бригадам стройными рядами расположены плуги, бороны, культиваторы, сеялки. Рядом стоят колхозники, сосредоточенные, немного взволнованные. Приехала комиссия из представителей соревнующейся с ними соседней артели проверять готовность сельскохозяйственного инвентаря колхоза имени Сталина к весеннему севу.

Фото А. Моклецова

Алупка. Утренняя прогулка курортников.

Фото Л. Яблонского

Крымская весна

Клубится туман на вершинах гор. По дорогам в Ялту мчатся машины с отдыхающими. Едут москвичи, ленинградцы, киевляне, сибиряки, туляки.

Ялта встречает дорогих гостей зеленью молодых эвкалиптов, яркими цветами, ароматом моря.

Город хорошо подготовился к летнему сезону. Заново покрыта асфальтом красивая набережная, посажены тысячи декоративных деревьев. Еще нарядней и красивей стали Мисхор, Алупка, Симеиз.

...Девять часов утра. Курортники вышли на берег. На море сегодня штиль. Сотни белых чаек кружат над бухтой. Под тенью огромного дерева группа отдыхающих из санатория «Художник» беседует с пожилой женщиной. На груди у нее орден Ленина. Это местная жительница, известный табаковод Пелагея Ивановна Рожнова. Она с гордостью рассказывает о высоких урожаях знаменитых крымских табаков.

Молодежь из санатория «Орлиное гнездо» направилась в Никитский ботанический сад имени Молотова. Как всегда, многолюдно в домике-музее А. П. Чехова.

Далеко в море виден силуэт приближающегося корабля. Это пароход «Советская Россия». На его борту около пятисот тонн продуктов для местных курортов. Пароход примет здесь большую партию вин Массандры.

На почтамте разобрана утренняя почта. Сегодня, как всегда, много писем и бандеролей для депутата Верховного Совета СССР писателя Петра Андреевича Павленко. В адрес единственного в мире Государственного института климато-терапии прибыла новая литература. Заслуженный врач РСФСР Д. П. Мухин получил письма с благодарностью от своих бывших пациентов...

М. Щелоков

Ялта.

Высота 4.200

В горах Памира на леднике Федченко расположена метеорологическая станция.

Внизу, в долинах Таджикистана, весна в полном разгаре. Скоро наступит знойное лето, а вокруг станции, на высоте 4200 метров над уровнем моря, бушует метель. В расстоянии трехсот метров от площадки метеонаблюдений уже ничего нельзя рассмотреть: кругом белесая мгла.

В определенные промежутки времени научные работники записывают показания приборов: температуру, влажность и давление воздуха, силу ветра, количество осадков, высоту снегового покрова.

В восемь утра в домике, где живут зимовщики, прозвучал сигнал побудки. Хоть за окнами попрежнему бело от бешено крутящихся облаков снега, все вышли к завтраку в отличном настроении. Как всегда, объектом дружеских шуток и острот был наш зимовочный повар.

После утренней трапезы сотрудники разошлись по своим местам и начали обработку результатов наблюдений.

Свободные от работы зимовщики склонились над книгами. «Жестокие схватки» разгораются за шахматной доской и на зеленом поле бильярда.

Метель не утихает, но она не нарушает приподнятой атмосферы, которая царит в маленьком коллективе накануне великого праздника.

Передано «Огоньку» по радио начальником метеорологической станции Г. С. Волковым

Ворота в Тихий океан

Владивостокский торговый порт — ворота Советского Союза в Тихий океан. Выходит в очередной рейс пассажирский пароход «Сибирь». На борту парохода пассажиры, направляющиеся на Камчатку. Среди них ученые и рыбаки, лесорубы и студенты, колхозники и строители. Океанское судно ведет знатный капитан дальнего плавания депутат Верховного Совета СССР Николай Никитич Малахов.

По бухте Золотой Рог медленно движется к пирсу порта громадный плавучий кран. На его палубе хлопочет убеленный сединой старейший кранмейстер страны Илья Евдокимович Богдашевский. Сорок семь лет он трудится во Владивостокском порту. Илья Евдокимович первым в Советском Союзе освоил разгрузку железнодорожных паровозов с борта пароходов в неразобранном виде.

...С запада на восток по великой Транссибирской магистрали прибывает тяжеловесный состав. Перед будкой машиниста-пятисотника Якова Скопа промелькнул последний километровый столб с цифрой «9324». 9324 километра — расстояние от Москвы до Владивостока. Поезд проходит мимо здания Владивостокского вокзала и прибывает на конечную станцию, что на мысе Эгершельд, глубоко врезающемся в Амурский залив. Раскрылись двери вагонов. По конвейеру в трюм парохода, готовящегося к отплытию, идут непрерывным потоком грузы.

Из бухты Золотой Рог, дав прощальный гудок, вышли на промысел краболовные и китобойные суда. На борту китобойца «Трудфронт» возле своей пушки стоит прославленный гарпунер Герой Социалистического Труда Федор Денисович Прокопенко. В прошлом году он убил 257 китов, превзойдя все мировые рекорды...

Счастливого плавания!

Вл. Чухланцев, Вл. Киселев

Владивосток.

Флаг поднят!

На море шторм. Движение гигантских масс воды отдается даже в закрытой бухте.

Светает. Погасли якорные огни. Волны глухо бьются о борта стоящего на рейде линкора.

На первый взгляд кажется, что на корабле ни души. И вдруг, нарушив утреннюю тишину, раздаются звонкие переливы горна. Время — 6.00. Подъем. Сигнал дает старшина 2-й статьи Анатолий Бурый: «Команде вставать, койки убрать!» Радиорепродукторы доносят сигнал во все кубрики, он повторяется голосом, звонком, свистом боцманских дудок.

Проходит несколько минут, и на правом шкафуте линкора «Севастополь» запестрели тельняшки матросов. Рослые, крепкие, они выстраиваются на утреннюю физзарядку.

Офицер Николай Шмаль подходит к микрофону и подает команду: «Начали!». Оркестр играет марш, под который так легко выполнять упражнения.

Размеренная жизнь корабля. Пульс его бьется ровно, минута в минуту. Строг и нерушим уставной порядок. Умывание, завтрак и первая с утра работа. Отдраены горловины, вооружились шлангами трюмные. На боевом корабле не должно быть ни единой пылинки, на металлических частях — ни одного пятнышка окиси. Вот почему с таким старанием действует на баке корабля группа комендоров.

Начался большой сбор, торжественный момент подъема флага. Застыли на палубе шеренги моряков. Сияет на бескозырках горделивая надпись: «Черноморский флот». Весенний ветер треплет черные ленточки с золотыми якорьками. Сверкают на солнце до блеска начищенные пряжки ремней.

Раздается команда:

— На флаг и гюйс, смирно!

Шеренга матросов берет винтовки на караул. Запели горны. Вверх по флагштоку устремилось полотнище с изображением звезды, серпа и молота и ордена Красного Знамени, заслуженного экипажем линкора в героической битве за свободу и независимость нашей Родины.

Флаг поднял сегодня сигнальщик Михаил Курлынов. На линкоре об этом знает каждый. Поднять корабельное знамя — большая честь. Бывший слесарь комсомолец Курлынов заслужил ее отличной учебой, самоотверженным трудом.

...Над слегка присмиревшими волнами кружатся, обещая хорошую погоду, белокрылые чайки.

Горнист Анатолий Бурый дает очередной сигнал: «Вооружение и механизмы осмотреть и проверить». День напряженной учебы начался...

Капитан-лейтенант Н. Зотов

На линкоре. Физкультурная зарядка матросов.
Фото мичмана Ю. Каменецкого

Три сестры

Сестры Хотулевы вышли из дома и направились в школу. Времени оставалось достаточно, чтобы проводить Шуру до сквера. Оля и Тамара делают это охотно: они любят старшую сестру. Она первая осуществила заветную мечту трех сестер: стала учительницей. Нынешний учебный год — ее дебют.

Сестры идут мимо больших и красивых домов, выстроенных в Смоленске после войны.

Сквер показался девушкам ближе обычного. Они уже видят массивную фигуру бронзового оленя с большими ветвистыми рогами. Вокруг оленя резвятся ребятишки.

Возле оленя сестры расстались. Шура свернула к себе в школу, где она преподает физику ученикам шестых и девятых классов.

Оля и Тамара пошли вместе — их школа в другом районе города. По-разному воспринимаются сестрами слова «наша школа». Оля окончила ее в 1947 году, и сейчас она, студентка третьего курса педагогического института, проходит в родной школе практику. Двенадцатилетняя Тамара учится здесь же в шестом классе.

— У тебя сегодня математика или физика? — спрашивает она сестру.

— Математика, и даже в шестом классе, но, к сожалению, не в твоем.

Оля, как и Шура, избрала физико-математический факультет. Увлекается математикой и маленькая Тамара — она мечтает о том же факультете. Три сестры — дочери железнодорожника — три математички.

Сестры Хотулевы расходятся по классам. Одна — учить, другая — учиться...

Звонок возвещает о начале учебного дня. В Смоленске садятся за парты тысячи мальчиков и девочек.

Я. Яковлев

Смоленск.

С новорождённым!

Он прибыл сюда на своей машине «победе» в предрассветный час, хотя ему сказали, что надо приезжать не раньше десяти. Но разве может выдержать сердце отца!

Абдурахман Мусаев — председатель богатого хлопководческого колхоза имени Сталина — стоит в саду, что раскинулся вокруг белого здания Андижанского родильного дома. Лицо Мусаева озарено радостью. Более недели назад вот в такой же чудесный ранний час вместе с новым днем началась жизнь его сына.

Мусаев входит в вестибюль родильного дома. Его встречает дежурный врач Халима Усманова.

— Вы что-то очень рано приехали, товарищ отец.

— Понимаете, не могу дождаться. Хочу скорее взять сына на руки. Настоящего богатыря родила моя Мухаббат, до четырех килограммов тянет. Весь в меня. Верно?

Врач не успела ответить. К подъезду подкатила легковая машина-такси. Молодой человек бережно провел под руку женщину в приемную. Это железнодорожник Гафурджан Бабаматов и его двадцатилетняя жена Абидахон. Они взволнованы. У молодой четы будет первый ребенок. Акушерка Малика Азизова приняла вновь прибывшую.

— Много у вас работы? — спросил Мусаев.

— Хватает, — улыбаясь, отвечает Азизова. — Не так давно некоторых узбечек нельзя было убедить рожать в родильном доме. А теперь готовы пешком придти... Пожалуйста, всех примем!

— «Одевают» вашего наследника, — услышал колхозник голос дежурного врача. — Заходите в гостиную...

Усманова тепло прощается со счастливыми супругами, а затем отправляется в кабинет главного врача родильного дома, депутата Верховного Совета Узбекской ССР Тины Ивановны Шушаричевой. Усманова докладывает:

— За ночь было семь родов. Вновь поступило пять человек. С утра родили трое, все благополучно.

Н. Валин

Ташкент.

* * *

Утро Родины! Занимается новый день вдохновенного труда строителей коммунистического общества. Безмерно много богатства создадут, много прекрасного и доброго для прогрессивного человечества сделают они в предстоящие часы творческой работы. Большие подвиги дано им совершить, ибо великая цель стоит перед ними.

МОГУЧИЙ ФРОНТ БОРЬБЫ ЗА МИР

Вступила в свои права пятая послевоенная весна. В природе она являет свои неизменные признаки: тают снега, очищаются ото льда реки, просыпаются от зимней спячки леса и поля, птицы совершают перелеты к своим летним гнездовьям.

В человеческом обществе наступившая весна также отмечена многими признаками, и признаки эти глубоко различны для лагеря мира и социализма и для лагеря капитализма и войны.

Великая страна социализма — Союз Советских Социалистических Республик — встречает пятую после победы весну напряжением всенародных творчески-созидательных усилий, направленных к завершению плана великих работ послевоенной сталинской пятилетки. На полную мощность работает могучая социалистическая промышленность. Вступают в строй новые заводы, фабрики, шахты, нефтяные скважины.

В больших и малых городах Союза начало весеннего сезона знаменуется широким размахом строительных работ. В столице Союза Москве со сказочной быстротой поднимаются к небу стальные каркасы высотных зданий. Каменщики-скоростники возводят всюду благоустроенные жилые дома для трудящихся. Гул стройки стоит и в городах, не обожженных испепеляющим дыханием войны, и в городах, где неиссякаемая энергия строителей отвоевывает у пустырей, покрытых бурьяном и каменным щебнем, все новые улицы и кварталы, возвращаемые к жизни.

На необозримых просторах советских колхозных полей с юга на север движется посевная. Миллионы колхозников штурмуют подступы к обильному урожаю последнего года пятилетки. Тянутся к солнцу молодые побеги новых лесопосадок, которым суждено в будущем встать зелеными заслонами против суховеев, оберегать плодородную почву колхозных полей от иссыхания и выветривания. Множится число колхозных водоемов. В степях и полупустынях, еще вчера бесплодных, коллективный труд советских землеробов прокладывает голубые дороги изобилия — каналы и арыки новых оросительных систем.

Огромная армия стальных машин — братский дар советского города советской деревне, сила рек и горных потоков, превращаемая в электрическую энергию,— все это увеличивает мощь тружеников земли, снова и снова утверждая великие преимущества колхозного строя.

Все отряды великой армии строителей коммунизма — рабочие, колхозники, интеллигенция — под мудрым водительством Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), выполняя гениальные предначертания своего великого вождя и учителя товарища Сталина, встретили пятую послевоенную весну, полные уверенности в победоносном завершении своих трудовых усилий. Беснование империалистических атомщиков, стремящихся своей подлой политикой «холодной войны» сковать волю народов к труду и жизни, не ослабляет, а удесятеряет творческую энергию народов нашей Родины. Умудренные тридцатитрехлетним опытом борьбы за социализм, советские люди твердо убеждены в исторической правоте своего дела и знают, что непрерывный рост экономической мощи Советского Союза, укрепление морально-политического единства советских народов есть единственная гарантия мира и безопасности их Родины.

Под знаком растущего морально-политического единства, под знаком дружного творческого труда, отметая со своего пути все попытки мировой реакции помешать строительству социализма, встретили пятую послевоенную весну трудящиеся стран народной демократии. Они, бдительностью парализуя происки врагов, своими экономическими победами укрепляют основы нового общественного строя.

Великий исторический опыт Советского Союза помогает этим народам в их творчески созидательном труде, в их социалистическом государственном и культурном строительстве. Сознание того, что в мире существует могучий оплот социализма — Советский Союз, всегда готовый оказать и политическую поддержку и бескорыстную экономическую помощь старшего брата, укрепляет народы этих стран в их непреклонном стремлении строить и построить в срок социализм.

Радостное чувство победы правого дела царит в сердцах китайского народа. Изгнав продажных прихвостней американского империализма — Чан Кай-ши и его гоминдановскую разбойничью банду,— народ демократического Китая встречает нынешнюю весну в труде. Он ликвидирует страшные последствия, которые принесли стране длившаяся десятилетиями кровавая война, хозяйничанье гоминдановских хищников и их империалистических боссов.

Исторический договор, заключенный между СССР и демократическим Китаем, и последовавшие за этим договором новые соглашения по хозяйственным вопросам воочию показали китайскому народу, что в своих великих созидательных усилиях он имеет возможность опереться на поддержку и помощь своего великого северного соседа. Видя в СССР своего давнего, бескорыстного друга, китайский народ с негодованием и презрением отвергает жалкие попытки империалистических политиканов посеять, пользуясь клеветой и грязными измышлениями, ядовитые семена недоверия и подозрительности в отношениях между двумя великими народами.

Иные картины пятой послевоенной весны рисуются нам, когда мы обращаем свои взгляды туда, где еще до сих пор хищники капитализма, при помощи своих наемников, торгуют судьбами и кровью народов.

Приход прошлой весны мясники в дипломатических фраках и генеральских мундирах ознаменовали оформлением преступного заговора против мира и безопасности народов, в виде позорного агрессивного Атлантического пакта. Вслед за «планом Маршалла» — первым звеном экономического и политического закабаления американскими империалистами «облагодетельствованных» ими стран — Атлантический пакт был новым шагом в сторону лишения этих стран последних остатков видимой государственной самостоятельности. В страхе перед растущей силой демократического лагеря внутри своих стран, в страхе перед неизбежно надвигающимся экономическим кризисом продажные правители государств «атлантического содружества» и иных стран, впряженных в ярмо «плана Маршалла», пошли на открытое предательство интересов своих народов. Они сделали независимость и государственный суверенитет разменной монетой в постыдных сделках с заокеанскими ростовщиками.

Атлантический пакт, по замыслу его инициаторов, должен был превратиться в новое агрессивное оружие «холодной войны» против СССР и стран народной демократии. Для народов стран, впряженных в колесницу заокеанских атомщиков, этот пакт должен был стать железными наручниками, сковывающими волю трудящихся к борьбе с неофашизмом, их стремление отстоять демократические права, их сопротивление темным проискам поджигателей войны.

Двухлетняя практика «плана Маршалла» принесла «облагодетельствованным» странам новые тяготы и лишения. Именно за эти годы в странах капитализма катастрофически выросла армия безработных. Именно в эти годы, в силу подавления американским бросовым экспортом отечественной промышленности «маршаллизованных стран», чудовищного роста их военных бюджетов, увеличилось в этих странах обнищание трудящихся города и деревни, усилилось у простых людей чувство неуверенности в завтрашнем дне. А всевозможные «драконовские» и «зверские» законы, принимаемые обанкротившимися правителями капиталистических государств против трудящихся, еще больше увеличили силу сопротивления.

Нынешняя весна снова ознаменована ростом преступной активности поджигателей войны. Чувствуя усиливающееся день ото дня сопротивление народных масс их преступным замыслам, империалистические хищники пускаются на новые рискованные авантюры. Чтобы вновь подогреть атмосферу «военного психоза», они учинили крикливую рекламную шумиху с «водородной бомбой», садистски смакуя и расписывая бедствия, которые она обрушит на головы людей. Чтобы держать нервы народов своих стран в состоянии крайнего напряжения, они изо дня в день измышляют несусветные басни об «агрессивных намерениях» СССР, распространяют сказки о всяких «летающих тарелочках», о «советских подводных лодках у берегов Америки» и прочую дурно пахнущую чушь. Под аккомпанемент этой лжи они проводят в конгрессах и парламентах ограбляющие народы военные бюджеты, лихорадочно строят новые базы во всех частях света.

Нынешней весной империалисты направляют транспорты с оружием и боеприпасами от берегов Америки к портам вассальных стран Европы и Азии. Как зловещие черные вороны, снуют по материкам американские генералы и дипломаты, заставляя своих наемников посулами, а чаще всего угрозами и фельдфебельскими окриками служить черному делу ускорения подготовки новой мировой бойни. Подступающий к горлу капитализма экономический кризис толкает этих «торговцев смертью» на самоубийственные авантюры. Спадают с них пышные одежды «мирной», «демократической» фразеологии. Народы мира все отчетливее видят перед собой оскаленную морду хищника, готового, чтобы оттянуть час своей неизбежной гибели, обрушить на человечество ужасы новой, невиданной истребительной войны.

Привыкнув хозяйничать на территории любой из вассальных стран, как у себя дома, заокеанские авантюристы обнаглели до того, что отправили свою «летающую крепость» в разведывательный полет над советским побережьем Балтики. Отпор, который получили над советской землей крылатые авантюристы, явился напоминанием о том, что есть в мире границы наглому хозяйничанью зарвавшихся «тотальных» агрессоров, что есть в мире народы, способные твердо и решительно напомнить о существовании международных правил и норм.

Новым взрывом военной истерии, новыми авантюрами встречают поджигатели войны пятую послевоенную весну.

Но народы мира зорко следят за их преступными махинациями. Во всеоружии бдительности, безграничной готовности защищать дело мира следит за происками поджигателей войны треть человечества в странах, сбросивших империалистическую кабалу.

Крепнет всемирный фронт сторонников мира, вербуя в свои ряды новые миллионы людей, понявших истинную природу вашингтонских и иных «миротворцев» из лагеря поджигателей войны.

В десятках европейских портов мужественные пролетарии-грузчики говорят свое решительное «НЕТ!» войне, отказываясь выгружать «дары из-за океана» — самолеты, пушки, танки. Их поддерживают миллионы людей труда забастовками солидарности, бурными, многолюдными демонстрациями за мир.

Сотни миллионов подписей уже легли под обращением Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, требующим запрещения атомного оружия, разоружения и объявления военными преступниками тех, кто первыми применят атомную бомбу.

Движение сторонников мира перед лицом угрозы войны превращается в движение миллионов людей труда, науки, культуры против нового гигантского человекоистребления, замышляемого кучкой финансовых воротил и бизнесменов в генеральских эполетах.

Во главе этого движения, величайшего общественного движения современности, стоит Советский Союз, могучая социалистическая держава, мудрая внешняя политика которой, вдохновляемая гением Сталина, находит поддержку все новых и новых миллионов людей во всех странах земного шара.

Верный сын французского народа

(К 50-летию со дня рождения Мориса Тореза)

Назовите имя Тореза в рабочем предместье Парижа, у ворот шахты в Па-де-Кале, в бедной лотарингской деревушке или в порту Марселя — повсюду навстречу этому имени расцветает дружеская улыбка простого человека и раздаются теплые слова: «Наш Морис!» И наоборот: одно упоминание о Торезе в аристократических гостиных Елисейских полей, в редакциях растленных американизированных газет, среди маршаллизованных политиканов сразу вызывает судороги бешенства и бессильную брань. Имя Мориса Тореза окружено во Франции любовью трудящихся и почетной для коммуниста ненавистью реакционеров и их слуг. Иначе и быть не может, ибо Торез — выдающийся представитель той партии, которая борется за подлинную свободу, независимость и счастье французского народа.

О высоком звании члена коммунистической партии товарищ Сталин говорил: «Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны неимоверных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии». Морис Торез — один из тех, кто пришел в великую армию борцов за коммунизм из самой гущи рабочего класса. Сын и внук французских шахтеров, он с самых ранних лет познал горечь и тяготы беспросветной жизни рабочей семьи в условиях капитализма. «Много горя, мало радостей», — так рисует свое детство сам Морис Торез в автобиографической книге «Сын народа».

Морис Торез родился в самом начале века — 28 апреля 1900 года. Первая мировая война застигла его в четырнадцатилетнем возрасте, но к этому времени он успел уже два года проработать сортировщиком угля на шахте. В годы войны, скитаясь вместе с дедом — они были эвакуированы из занятого немецкими войсками севера Франции,— Торез прошел через профессии батрака на крестьянской ферме и рыбака. Тогда же, прислушиваясь в долгие зимние вечера к разговорам взрослых о войне, он впервые услышал о Ленине. Великая Октябрьская социалистическая революция была для юноши Тореза решающим толчком, определившим весь его жизненный путь. «Русская пролетарская революция, — пишет он, — наполнила меня энтузиазмом, я твердо решил посвятить себя революционной работе».

Вернувшись после войны в родной город, он начал с малого — с распространения рабочей профсоюзной газеты «Трибуна». В марте 1919 года Торез вступил в ряды социалистической партии и с первых шагов начал борьбу за ее присоединение к III Коммунистическому Интернационалу. Конгресс в Туре принес победу сторонникам последовательной революционной классовой борьбы. На арену политической жизни Франции вышла партия рабочего класса — коммунистическая партия. «Это была победа пролетарского интернационализма,— пишет Торез в своей книге. — Французский рабочий класс снова двинулся вперед. И мы, молодые, вдыхали полными легкими этот бодрый ветер, который пронесся по стране...»

Морис Торез формировался как пролетарский революционер под влиянием гениальных трудов и великого личного примера Ленина и Сталина. В 1925 году, будучи уже членом Политбюро ЦК французской компартии, Торез впервые попал в страну своей мечты — в Советский Союз. «С бьющимся сердцем, — говорит он, — вступил я в этот новый мир, столь желанный для трудящихся и созидаемый ими самими». Объезжая Советскую страну, бывая среди своих братьев — шахтеров Донбасса, — Морис Торез воочию увидел социализм в действии.

«Во время моей первой поездки в Москву,— продолжает Торез, — мне выпало большое счастье видеть и слышать товарища Сталина. Его выступление, такое простое и в то же время глубокое, произвело незабываемое впечатление на меня и на всех рабочих-коммунистов, принимавших участие в заседании исполкома Коминтерна. Накануне отъезда наша французская делегация была принята товарищем Сталиным. Его сердечная теплота захватила нас всех...»

Морису Торезу принадлежат большие заслуги в борьбе за единство рабочего класса Франции. Он всегда ратовал за монолитность рядов партии на ленинско-сталинской основе, воевал против оппортунизма, против авантюризма «левых» сектантов, против троцкистских предателей, закономерно ставших агентами гитлеровской охранки. Верный ученик Ленина и Сталина, следуя исторической стратегии большевистской партии, Торез отдает всю свою страсть борца, весь свой талант народного трибуна мобилизации сил пролетариата и всех трудящихся против диктатуры финансовой олигархии.

Реакция преследовала Тореза по пятам, продажные газеты обливали его имя грязью и клеветой. Не раз приходилось ему представать перед буржуазным судом по обвинению в «подрывной деятельности». Много раз Тореза укрывала от рук жандармов бдительность и забота революционных рабочих. 1 августа 1929 года Морис Торез был арестован вместе с другими членами Центрального Комитета. В тюремной камере он штудировал экономические, исторические и философские работы Маркса и Энгельса, теоретические труды Ленина и Сталина. С особой жадностью впитывал Морис Торез страницы гениального труда товарища Сталина «Вопросы ленинизма». Здесь каждая строка была для него оружием борьбы против малейшего искажения ленинизма, руководством к действию, советом и указанием в борьбе.

Год за годом Морис Торез настойчиво вел партию по пути борьбы за боевое рабочее единство. Его выступления против раскольников рабочего класса, лакеев буржуазии из клики Блюма полны благородного гнева и разящего сарказма. Одна из ярких черт Тореза — его глубокий революционный оптимизм и безграничная вера в силы рабочего класса. Когда в феврале 1934 года французские фашисты, вскормленные гитлеровским нацизмом, двинули на улицы Парижа банды «боевых крестов», «королевских молодчиков» и прочего реакционного отребья, Тореза ни на минуту не покидала уверенность, что дело демократии непобедимо. Он писал об этом фашистском путче: «Последствия 6 февраля были прямо противоположны намерениям реакции. Нечто новое должно было родиться в свете пожаров, зажженных фашистскими бандами. Не диктатура Петэна и де-ля-Рокка, а единство действий пролетариата, Народный фронт!» Народный фронт, созданный двумя годами позднее, был детищем французской коммунистической партии. Это была первая проба сил французских коммунистов как представителей интересов всего французского народа.

В преддверии второй мировой войны Морис Торез вместе со всей французской компартией подымает голос решительного протеста против мюнхенского предательства. Торез разоблачает гнусный план империалистов западных держав: отдав на съедение Гитлеру малые страны Европы, направить фашистские вооруженные орды против страны социализма — Советского Союза.

На французскую коммунистическую партию обрушивается неслыханный полицейский террор французских союзников гитлеризма, торговцев кровью, честью и достоинством Франции. Коммунистическая партия была поставлена вне закона, сотни ее лучших бойцов брошены в тюрьмы. Морису Торезу, уничтожение которого было заветной мечтой мюнхенцев, удается избежать ареста. Он возглавляет борьбу партии, загнанной в подполье, — борьбу против ставленников 200 семейств, уже готовых отдать Францию без боя гитлеровским завоевателям.

Морис Торез всегда воспитывал членов партии в духе подлинного народного патриотизма. Он неоднократно напоминал, что империалистическая буржуазия лишена малейших признаков патриотизма, что капиталисты-космополиты всегда готовы в интересах наживы в любой момент предать свой народ и свою страну. Только французские коммунисты являются подлинными носителями и защитниками великих исторических традиций французского народа, наследия энциклопедистов XVIII века, патриотов 1792 года, славных героев Парижской Коммуны. В годы войны, когда Франция лежала растерзанная гитлеровскими разбойниками, именно французская коммунистическая партия стала во главе всенародного сопротивления захватчикам. Она дала миру незабываемый патриотический пример 75 тысяч коммунистов, погибших за интересы Франции.

Самоотверженную борьбу за свободу и независимость Франции коммунисты продолжают под руководством Мориса Тореза и в послевоенные годы. Они борются против грабительского «плана Маршалла», против голода и нищеты, на которые обрекают французский народ правящие партии «американского блока». Это — неустанная борьба за мир, против превращения французского народа в пушечное мясо для новых военных авантюр англо-американских империалистов. На недавнем XII съезде французской коммунистической партии Морис Торез сформулировал политическую программу, которую партия предлагает французскому народу. Эта программа требует отказа от «плана Маршалла» и расторжения агрессивного Атлантического пакта. Она зовет к активному участию Франции в установлении демократического мира, к подтверждению франко-советского союза, к абсолютному запрещению атомного оружия, к выполнению Потсдамских соглашений о Германии. Французская компартия требует прекращения «грязной войны» против Вьетнама. Она настаивает на удовлетворении справедливых требований рабочих и всех трудящихся. Коммунисты выступают в защиту французской экономики от посягательств американского империализма. Они добиваются восстановления нормальных торговых отношений со странами Центральной и Восточной Европы. Они требуют защиты республиканских свобод и обуздания фашистской реакции. Эта программа вытекает из всей героической борьбы, которую ведет в послевоенные годы под руководством Мориса Тореза коммунистическая партия Франции.

Во всей своей политической деятельности Морис Торез остается неизменно верным принципам пролетарского интернационализма — этой основе боевого сотрудничества всех борющихся за демократию и социализм сил мира.

Как пролетарский интернационалист, как верный ученик Ленина и Сталина, Торез беспощадно разоблачает перед французским народом мерзкое предательство клики Тито, этой банды фашистов, лакеев империализма, изменивших собственному народу и всему международному антиимпериалистическому фронту.

Свою верность высшему долгу революционера-интернационалиста Морис Торез выразил в прозвучавшем на весь мир заявлении о том, что народ Франции никогда не будет воевать против Советского Союза! Эти слова вызвали взрыв дикой злобы в стане империалистических атомщиков и гнусную травлю Тореза, но они нашли сочувственный отклик в народе Франции.

Французский народ любит Мориса Тореза, как одного из лучших своих сыновей. В этом сказывается вера трудящихся Франции в коммунистическую партию, на которую народ возлагает свои надежды.

Советские люди видят в Морисе Торезе выдающегося борца за дело мира, демократии и социализма. Они видят в нем пламенного и верного друга нашей социалистической Родины, своего товарища и собрата в борьбе за осуществление великих идей коммунизма. Советские люди шлют Морису Торезу в день его пятидесятилетия свой горячий братский привет!

Морис ТОРЕЗ.

Лауреат Сталинской премии токарь Ленинградского металлического завода имени И. В. Сталина В. М. Бирюков со своими учениками.

Фото Д. Трахтенберга

СВОБОДНЫЙ КИТАЙ—ЗА МИР

Эми СЯО,
член Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира

На плечах китайского народа лежали две огромные горы: феодализм и империализм. Китайцы гнули спину на помещиков, фабрикантов, купцов — своих и чужеземных. Но народ никогда не мирился с навязанным ему режимом, стремился к свободе, боролся за нее. Сто лет продолжалась эта героическая борьба за национальную независимость Китая. Произошли восстания и революции, но они терпели поражение из-за интервенций империалистов и предательства китайских реакционеров.

Самый ненавистный, коварный изменник китайского народа, верный пес японских и американских империалистов, Чан Кай-ши воплощал в себе все черные силы помещиков, бюрократического капитала. Выполняя их волю, он хотел поработить китайский народ, держать его в вечном страхе и подчинении. Но Чан Кай-ши ничего не мог бы сделать, если бы американские империалисты не поддерживали его, не помогали ему деньгами и вооружением. Чан Кай-ши и его заморские хозяева — поджигатели войны на Дальнем Востоке.

Китайский народ под руководством славной коммунистической партии Китая и вождя Мао Цзе-дуна одержал блестящую победу над реакционной гоминдановской кликой Чан Кай-ши и американскими империалистами, создал независимую демократическую, народную республику. Американские реакционеры в смятении говорят, что Китай потерян для них, что он потерян для «западной культуры». Да, Китай потерян навсегда для поджигателей войны, для чужеземных захватчиков, авантюристов, охотников поживиться чужим добром!

Китайский народ хочет мира. Он хочет в дружбе с другими народами строить свое новое государство, развивать свою экономику и культуру. Но это очень не нравится поджигателям войны.

Ныне весь континентальный Китай очищен от чанкайшистских банд. Сбежав на остров Тайвань, Чан Кай-ши продолжает бесполезное сопротивление Китайской народной республике. Он не мог бы делать этого, если бы американские империалисты не помогали ему и в последнее время. США продолжают снабжать Чан Кай-ши деньгами, танками, самолетами, боеприпасами. Американские и японские летчики на американских самолетах, американскими бомбами зверски убивают женщин, детей и стариков в мирных городах Китая. Бандитские налеты разрушают тысячи домов, превращают в развалины многие китайские села, целые кварталы городов. Это вызывает гнев и возмущение китайского народа империалистической политикой США.

В то время, как летчики, обученные в Америке, сбрасывают бомбы на Шанхай и другие мирные города Китая, государственный секретарь США Ачесон смеет утверждать, что американское правительство хочет оказать нашей стране помощь. Мы теперь хорошо знаем, что представляет собой эта «помощь»!

В День мира, 2 октября прошлого года, в Пекине был созван Всекитайский конгресс сторонников мира. В работе этого конгресса приняли участие советская делегация деятелей культуры, корейская делегация и представители итальянского народа. Горячие речи наших гостей, полные веры в победу дела мира, убеждали в том, что ни дальние расстояния, ни границы не смогут помешать единству народов.

Представители всех слоев китайского народа на Пекинском конгрессе выразили свою волю и решимость бороться за мир, за дружбу и сотрудничество народов. Конгресс создал Всекитайский комитет сторонников мира.

Комитет развернул активную деятельность. В городах и селах создаются местные комитеты, поднимающие на борьбу за мир новые широкие слои народа.

Массовые митинги и демонстрации в защиту мира, против происков поджигателей войны прошли с огромным энтузиазмом в Пекине, Тяньцзине, Шанхае и других городах Китая.

Многие годы наш народ страдал от войн, навязанных ему империалистами и их лакеями — китайскими реакционерами. Последние 30 лет одна война в Китае сменялась другой. О, мы хорошо знаем, сколько горя несет простому человеку война!

Именно поэтому китайский народ так горячо приветствовал заключение китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. Мы с гордостью сознаем, что этот братский союз, объединяющий 700 миллионов человек, служит делу мира, что он укрепляет в сердцах миллионов и миллионов людей веру в победу этого благородного дела.

В предмайские дни трудовой Китай обсуждал воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира ко всем народам, воззвание, в котором говорится: «Мы будем считать военным преступником то правительство, которое первое применит атомное оружие против какой-либо страны».

На последнем заседании Всекитайского комитета сторонников мира рассматривался вопрос о расширении деятельности комитета в борьбе против поджигателей войны на Дальнем Востоке. В специальном воззвании Всекитайский комитет призывает весь народ Китая поддержать решения стокгольмской сессии Постоянного комитета. Эти решения отвечают жизненным интересам народов.

Новый этап в движении сторонников мира, нашедший наиболее яркое проявление во Франции и Италии, где докеры отказываются грузить американское вооружение для захватнических колониальных войн, находит горячую поддержку у всех миролюбивых китайцев. Героические подвиги рабочих Франции и Италии, подвергающихся репрессиям, рискующих часто своей жизнью, но благородно исполняющих свой долг, вызывают восхищение у всех народов Азии. Во Вьетнаме с благодарностью и большой сердечной теплотой произносят имена тех французских докеров, которые показали пример международной солидарности, первыми отказавшись грузить на пароходы американское вооружение для грабительской войны против свободолюбивого вьетнамского народа.

Народы Индии, Бирмы, Цейлона также поднимаются на борьбу за мир. Все чаще простые трудовые люди этих стран выходят на улицы своих городов с лозунгами, клеймящими поджигателей войны.

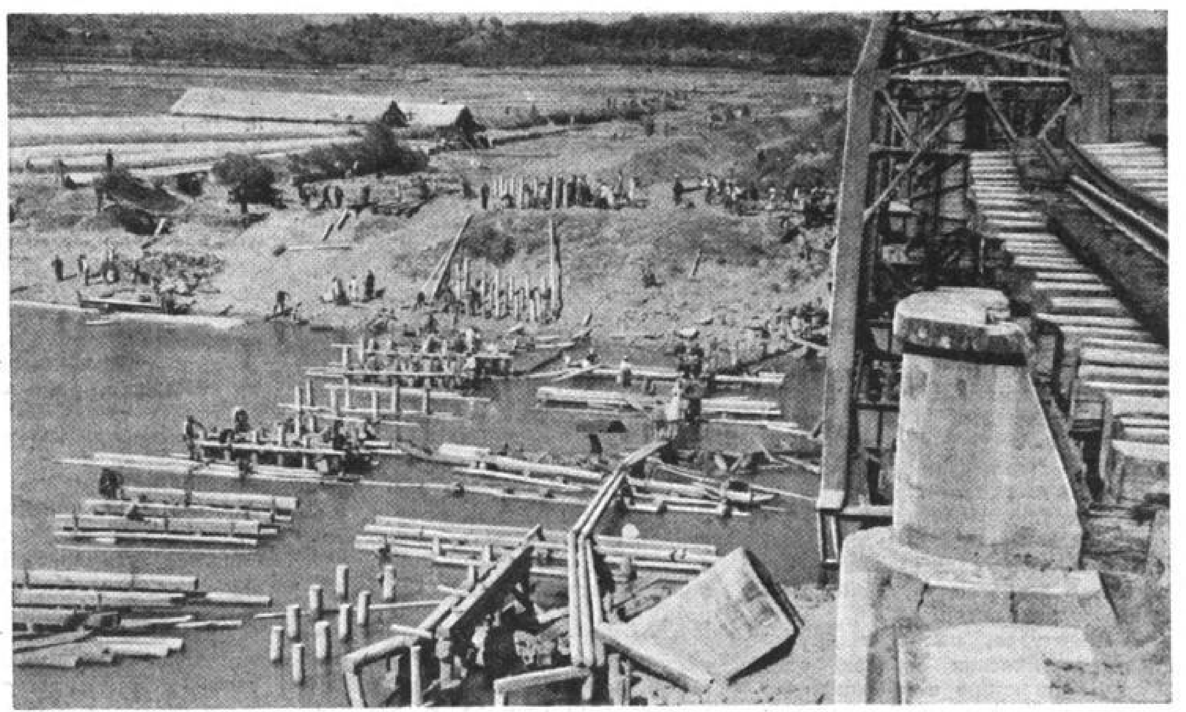
Эми Сяо.

Народы стран Азии выступают за сотрудничество с великой страной социализма — СССР. «Мы никогда не будем воевать с Советским Союзом!» — эти слова становятся боевым девизом всех простых людей мира.

1 Мая народы колониальных стран выступают с новыми демонстрациями в защиту мира. День солидарности трудящихся в этом году проходит под знаком усиления борьбы за мир. В этой борьбе народы вдохновляет прекрасный пример Советского Союза — самого последовательного и непримиримого борца за мир.

Негр с берегов африканского озера Чад, японец с Хоккайдо, житель Цейлона или Австралии, простые люди всего мира видят в миролюбивой политике Советского Союза, в успехах стран народной демократии, в их крепнущей день ото дня дружбе залог победы дела сторонников мира — величайшего из всех движений народных масс, какое когда-либо знала история человечества. На наших знаменах написаны слова: «Мир, дружба народов, Сталин». Имя великого Сталина вдохновляет миллионы людей, сплачивает их и ведет вперед за дело мира, демократии и прогресса.

Число сторонников мира возрастает. Силы демократического лагеря, возглавляемого Советским Союзом, крепнут. Но опасность войны все же существует, и мы должны быть всегда готовы к тому, чтобы предотвратить эту опасность, отстоять дело мира от любых посягательств поджигателей войны.

Китайская народная республика. Восстановление разрушенного моста через реку Жемчужную.
Фото А. Воронцова (ТАСС)

Москва — ГОРОД ЧЕЛОВЕКА

Карлос Аугусто ЛЕОН

Карлос Аугусто Леон, писатель, профессор истории и географии, один из прогрессивных деятелей Венецуэлы, после поездки в Советский Союз написал книгу «Москва — город Человека». В этой книге он ярко и тепло рассказывает о столице страны социализма, о жизни советского народа, о советской культуре, об успехах в строительстве коммунизма.

Подробно описывая свои впечатления от посещения детского сада и средней школы, Карлос Леон восклицает:

«С какой любовью Советский Союз прижимает к своему сердцу детей! Государство заботится о том, чтобы каждый избрал свой путь, и помогает следовать по этому пути. Этим счастьем не может наслаждаться молодежь других стран, это счастье — дар социалистического государства».

В другом месте своей книги Леон пишет:

«Когда мы вышли из старинного Московского университета, мы думали о замечательном росте культуры в СССР. Сколько профессоров и во скольких странах мечтают о подобных условиях жизни и творческого труда!..».

В различных городах Венецуэлы Леон читает лекции и доклады, говорит правду о стране социализма и разоблачает ложь, которую распространяет о ней реакционная печать.

Ниже публикуется сокращенный перевод заключительной главы книги «Москва — город Человека».

В Москве я познакомился с писателями, музыкантами, работниками кино и балета, профессорами университетов, учителями. Я разговаривал с рабочими, студентами, журналистами. У всех, с кем я встречался, было что-то общее. Если бы меня попросили выразиться более точно, я сказал бы: естественность, простосердечие, душевная чистота — вот что прежде всего отражается в глазах и словах советских людей. Они такие же люди, как и мы, но если они чем и отличаются от нас, так это своей подлинной человечностью. Я бы сказал, что старая «человеческая материя» получила здесь новое цветение. Жизнь скинула с себя в Советском Союзе фальшь, свойственную капитализму. Советский человек выбросил за борт низость, ничтожество, тысячу подлых и мелких чувств. Он честен и прост.

Дружба и любовь также получили в Советском Союзе новый взлет. Прежде чем сказать что-либо осуждающее о товарище, советские люди привыкли дружески объяснять ему его недостатки. В любви культивируется прочность чувства и верность. Поэтому и семейная жизнь здесь чище. Брак освобожден от буржуазных предрассудков, от внебрачных материальных интересов, которые ему сопутствовали. Количество разводов с каждым днем уменьшается.

В Венецуэле, как и в других капиталистических странах, есть люди, болтающие о «банкротстве семьи» в Советском Союзе. Нет ничего более смешного, неосновательного и злостного! Семья там процветает. Она более прочна, чем в какой-либо другой стране мира. Я был близко знаком с несколькими советскими семьями. Я могу сказать, что они просто замечательны. Как они отличаются от многих буржуазных семей, грязных и лицемерных!

Любовь к детям в СССР огромна. Это характерная черта всех наций, его населяющих. Сколько людей с любовью несут своих детей на руках в цирк, в парк, по улице! Как нежно балуют будущих граждан! У них есть свое детское царство, для них открыты замечательные детские театры, для них есть газеты, дворцы, парки!

В Москве, этом городе без кабарэ и проституции, человек думает прежде всего о своем созидательном труде, о судьбе своей великой страны. Каждый говорит о своей работе с радостью. Обычно можно услышать от людей самых различных специальностей разговор о работе, окрыленной настоящим энтузиазмом. Я знал одного ученого, который отказался от отпуска, так как из-за него он потерял бы время для своих исследований. Я спросил одну 30-летнюю учительницу о ее планах на будущее; она сказала: «Я хочу отдать всю мою жизнь детям». Я разговаривал со студентами — для них лень является настоящим пороком.

В словах тех, с которыми я вел задушевную беседу, когда они говорили о своих осуществленных задачах или же о задачах, которые будут осуществляться, не было ни пустословия, ни хвастовства. Труд навсегда потерял в Советской стране характер тяжкого бремени; он утверждается сейчас как высшее проявление ценности человека, он является **творчеством.** Этим объясняется и необычайный расцвет культуры и искусства.

Я поехал в Москву как друг Советского Союза. Вернулся я еще бо́льшим его другом. И что меня окончательно утвердило в моей любви и моей надежде — это бесконечное число фактов, доказывающих, что революция создала там новый тип человека. Как был прав Алексей Толстой, говоря, что мы присутствуем при чуде: рождении нового человека, переработке сознания, целей, нравов, обычаев огромных человеческих масс!

Разговаривая с писателями, работниками кино, музыкантами или просто с портье отелей, я много раз думал об этой истине. Советский Союз освободил человека, сбросив старые цепи частной собственности, яд которой отравлял и затемнял человеческий разум.

Уничтожив вековую жестокую эксплоатацию, революция открыла новые возможности для полного человеческого развития. Мы стоим перед новым гуманизмом, появление которого приветствовал Горький и которым восхищались Роллан, Барбюс. Новый гуманизм, утвердившийся в СССР, должен охватить все человечество.

Советская культура насыщена этим гуманизмом. Поэтому искусство — кино, литература, театр, музыка являются в Стране Советов песней жизни и оптимизма. В то время как смерть наводняет кинофильмы Голливуда и гнилостное дыхание исходит со страниц многих буржуазных романов, искусство и культура в СССР служат огромным и неоднократным подтверждением веры в Человека. Советская культура как бы повторяет слова одного из героев Горького: «Все в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга!». Упадочнический капитализм пренебрегает человеком, позорит его. Советская культура человека возвеличивает, превозносит и утверждает.

Можем ли мы понять этот новый гуманизм, утвердившийся в СССР? Могут ли народы Европы, Америки и всего мира жить в мире и дружеском взаимопонимании с этой страной? Конечно, да. Люди страны Ленина и Сталина любят мир и стремятся к нему, потому что они уважают и ценят все другие народы.

Я нашел в Москве то, о чем мечтал; я нашел страну, которая во многом превосходит даже мою мечту. Это — немалое счастье для человека!

Когда я уезжал из моего отечества, кто-то меня спросил, не боюсь ли я, что «неизбежная новая война» захватит меня «по ту сторону», в Москве? Когда я проезжал через Париж, меня преследовала шумиха телеграфных агентств и пропагандистов войны, против которых поднимался голос мирной, подлинной Франции. В Москве я нашел глубокое и единодушное чувство мира, спокойную и уверенную обстановку, не зараженную военным психозом.

Москва не только хочет мира, она оплот мира. Применимы к сегодняшнему дню слова Антонио Мачадо, написанные еще в 1937 году: «Непобедимая сила современной России зиждется на том, что Россия уже не является каким-то корнем зла, как это было при царской России, миссия которой заключалась в навязывании господства, в завоевании силой гегемонии среди народов... Современная Россия уже при своем рождении отбросила властолюбие империи, разбила все оковы. Она признает национальную свободу всех народов, входящих в ее семью.

Ее армия — лучшая в мире не только количественно, но и главным образом качественно — никому не угрожает, ни слабым, ни сильным. Ее существование вызвано крайней необходимостью обороны от многочисленных злобствующих врагов, ибо против России направляются силы, стоящие на страже интересов всякого рода несправедливых привилегий мира.

Руководители России этого не забывают. Политика Ленина и Сталина характеризуется не только своим всеобъемлющим величием, но и тем ясным пониманием конкретной действительности, без которого политика всегда обречена на поражение» (Антонио Мачадо «О современной России»).

Москва, город Человека, стоит на страже мира всего мира. И если когда-либо появится опасность, все мы, верящие в Человека и борющиеся за него, сплотимся железным кольцом вокруг Москвы, вокруг ее знамени. Ибо Москва, город Человека, — это наша великая надежда!

Перевел с испанского Н. СИЗОВ

ОРУЖИЕ, ВЫБРОШЕННОЕ В МОРЕ

Марчелло ВЕНТУРИ

Портовые сирены завели свою музыку неожиданно. Сидевшие в трактире «Подвязка» мужчины вскинули головы, как от порыва ветра. Гудел порт, и гудели пароходы. Гудели не в обычное время. Это было что-то новое.

Бастиано — руки в карманах — подошел к двери и оперся о косяк. Прищурив глаза, он пристально вглядывался в сверкающую поверхность моря.

Одно мгновение — и из бараков высыпали женщины. Улицу заполнили мальчишки. Босые, они бежали к пристани и кричали. Их волосы трепал ветер.

— Что случилось? — спрашивала одна из женщин. — Скажите, что случилось? Они уже прибыли в порт?..

Вопрос пробежал вдоль бараков. Повсюду раздавались возбужденные голоса. В них слышалось негодование, гнев.

— Так они действительно шлют оружие?!

— Снова война! Сукины дети!

— Боже! Боже!

— Они все еще недовольны! Мало им было крови, хотят еще!

Уже несколько дней в атмосфере порта чувствовалось что-то гнетущее. Чего-то ждали. Приходили незнакомые люди, вкрадчиво разговаривали о разгрузке, об американских пароходах, о грузах, которые скоро придут.

— Море, — говорили эти люди, — просто кишит кораблями. А когда они придут, пристань окажется тесной для ящиков: столько придется сгружать...

Вместе с этими людьми расхаживал по порту Колабродо, хозяин трактира «Подвязка»...

У бараков продолжали кричать:

— Эти грязные свиньи хотят начать бойню!

— Э, да что там! Нашему правительству хочется еще раз полюбоваться на серо-зеленые шинели, — сказал худощавый парень, направлявшийся к порту. — Пять лет всего прошло, — бросил он уходя, — шуточки!

Когда сирены вдруг смолкли, громче зазвучали выкрики женщин. А Бастиано услышал у себя за спиной конец фразы, сказанной Колабродо:

— ...в конце концов будет для всех работа. Для вас и для других безработных.

Через некоторое время люди начали возвращаться из порта, толпа все росла. Посредине шли грузчики, они возбужденно разговаривали.

Садилось солнце, и море окрасилось в красный цвет.

— Так вот, — рассказывал широкоплечий грузчик, — является один такой и говорит: «Завтра придут американские корабли, их надо разгрузить, понятно, ребята?» Тогда я говорю: «Что понятно? И что такое тут понимать? Уж не макароны ли нам надо будет разгружать?..»

Вокруг засмеялись.

— ...А тот говорит, — продолжал рассказывать грузчик: — «На кораблях этих мирные вещи. Будьте спокойны, ребята, — эти штуки привозят, чтобы защищать ваши дома». А я говорю: «Какие такие дома? Мы же живем в бараках! Наши дома лежат в развалинах после бомбежек...»

Женщины прерывали рассказ громкими возгласами.

— Так вот, — объяснял грузчик, — завтра придут американские корабли. Но ящики с оружием останутся в трюмах! Пусть они сгниют там и протухнут, как лежалые сардинки!..

Толпа прошла мимо «Подвязки». Еще долго ветер доносил голоса. Потом наступила тишина.

— Подойди сюда, Бастиано, — сказал Колабродо из-за стойки, — выпьем по маленькой. Американские корабли — все-таки событие...

Бастиано нехотя подошел. Кепка, надвинутая на глаза, в зубах окурок сигареты. Залпом выпил стакан и остался у стойки, крепко вдавив в нее локти. Зверь голода, бушевавший у него в желудке, не успокоился после стакана вина. Напротив, он стал еще злее.

— Что, не нравится? — сказал Бастиано и посмотрел на свой живот.

— Кому не нравится? — спросил Колабродо.

— Ему. Тому, что у меня внутри. Он сидит во мне с тех пор, как я вернулся с военной службы, — сказал Бастиано.

Колабродо усмехнулся:

— Ну вот, кто это еще у тебя там поселился?

Бастиано сухо улыбнулся и сжал зубы. Потом он хлопнул Колабродо по плечу и назвал его старой лисицей. Колабродо наклонился и сказал Бастиано на ухо:

— В чем дело? Работа для безработных. Пачки сигарет — их можно продать из-под полы. Женщины для американских моряков... Для расторопных людей война — это дело.

Бастиано молчал.

— Послушай меня, — продолжал Колабродо, — я говорю тебе дело. Выпей еще. Если завтра ребята из порта не захотят разгружать корабли, собери людей, и вы все получите работу...

Бастиано молчал. Голодный зверь ворочался в его желудке...

Назавтра выдался ясный, солнечный день. Воздух был прозрачен и чист. Ветерок чуть касался поверхности моря.

Но в городе что-то произошло. За ночь понаехали полицейские танкетки. По направлению к пристани шли отряды солдат. У них на шее болтались автоматы.

Корабли причалили еще в темноте. Они подошли тихо. Теперь они стояли у причалов, большие и неподвижные.

Грузчики по одному выходили из бараков и садились на парапет перед портом. Скрестив руки, они пристально смотрели на полицейских. Тяжелым военным шагом полицейские входили в порт.

В положенное время сирена не загудела. Было тихо. Только женщины переговаривались между собой.

Какой-то человек приехал на грузовике. Грузовик остановился среди полицейских танкеток. Новенькая машина вся сверкала на солнце. Среди всеобщей тишины человек громко спросил, правда ли, что никто из грузчиков не хочет стать на работу.

— Никто?.. — он почти орал, весь покраснев от натуги.

Ему отвечала мертвая тишина. Было слышно, как над морем кричат чайки.

— Хорошо...— просипел человек, задыхаясь, и вытер платком лоб. — Очень хорошо!

Грузовик бесшумно отъехал. Сопровождаемый руганью и насмешками, он покатился к баракам и остановился у «Подвязки». Все еще держа в руке платок, человек с трудом вылез из машины и заглянул в трактир.

Бастиано следил за ним краем глаза. Он как раз пропускал второй стаканчик.

Колабродо перегнулся через стойку, сощурил глаза и хлопнул Бастиано по плечу.

— Вот случай для вас, безработных, — сказал он со сладенькой улыбкой.

Люди медленно поднимались из-за столиков навстречу человеку с платком в руке. Они выходили вяло, неохотно.

— Хорошая работа, ребята, — сказал человек. Он вытащил связку денег и помахал ею перед безработными.

Зверь, запертый в желудке Бастиано, зашевелился и заворчал. Бастиано сжал зубы и кивнул головой в знак согласия.

— Но мы же не грузчики. Я хочу сказать, что это не наша работа...

Человек с платком очень волновался. Он сказал, что достаточно иметь крепкую спину. Вот и все. Это же не умственная работа. Он засмеялся, весь потный от волнения.

— Пошли! — крикнул он. — Я беру вас всех. Я покажу им, вот тем, я покажу им!

Безработные полезли в грузовик. Пока машина катилась к морю, они стояли в ней, неподвижные и хмурые.

Грузчики повернули головы и молча смотрели на грузовик. Увидев подъезжающую машину, замолчали и женщины.

Только полицейские задвигались. Они выстроились и образовали две шеренги. Бастиано и другие сошли с грузовика и встали между ними. Полицейские окружили безработных, чтобы проводить на корабль.

Все вокруг затаили дыхание. Безработные, как осужденные, пересекали площадь. Бастиано шел впереди. Он шагал, размахивая руками, и смотрел вверх, на корабельные реи. Никто из грузчиков не проронил ни слова. Они только смотрели. У женщин сверкали глаза под утренними лучами весеннего солнца.

Полицейские патрули ходили взад и вперед, взад и вперед. Был слышен только их сухой шаг по мостовой. Потом раздался грохот лебедки.

Мерно дышало спокойное, как масло, море.

— Эх-эй, эх-эй! — пели в такт люди на корабле. — Эх-эй, эх-эй!..

— Трави! Трави!

— Трави канат!

Прошло несколько минут. Площадь молчала. Солдаты напряженно прислушивались. Потом все услышали: что-то шумно упало в воду.

— Человек за бортом! — крикнул один из сидевших на парапете грузчиков. На площади грохнул дружный взрыв смеха.

Еще один всплеск чего-то тяжелого, упавшего в море. Потом еще. И еще. На корабле кто-то поднял визгливый, испуганный крик. Полицейские с автоматами бежали к пристани.

Снова откуда-то вынырнул человек с платком. Он вытирал катившийся по лицу пот. Втянув голову в плечи, он прыгнул в автомобиль и умчался под свист грузчиков и крики женщин.

Площадь опустела. Полицейские растерянно сновали по пристани. Но грузчики весело бежали к сходням, чтобы помочь безработным опустошать трюмы. На площади остались только женщины. Они слушали и радостными криками приветствовали шум падающих в море ящиков с американским оружием.

Это был светлый и радостный день. Сияло весеннее утро. Летали удивленные чайки, они сверкали своими белыми крыльями над синей гладью Средиземного моря.

Перевод с итальянского Р. ХЛОДОВСКОГО

СТУДЕНТЫ МИРА ГОВОРЯТ: «НЕТ!»

— Студенты всего мира заявляют поджигателям войны: «Нет!» — говорит Иосиф Громан, президент Международного союза студентов (МСС), приехавший в Москву на очередную сессию исполкома МСС. — Прогрессивные студенты дали клятву всеми силами отстаивать дело мира. Московская сессия — яркое свидетельство их нерушимого единства и воли. После сессии борьба студентов за мир развернется с новой силой.

Представители студенческих организаций различных стран приводили на сессии множество примеров участия молодежи в священной борьбе за мир.

На снимке: группа участников сессии исполкома Международного союза студентов.

Фото В. Евграфова

НА ФЕСТИВАЛЕ МОЛОДЕЖИ

Марк СОБОЛЬ

Мастера

...И тишина на мир легла.

И вдруг запела тоненько,
как за околицей села,
далекая гармоника.
Звезда вечерняя зажглась,
к ручью березка клонится.
Задумчиво отозвалась
гармонь с другой околицы.
Тогда,
как будто в гости зван
девичьей песней кроткою,
пошел по улице баян
хозяйскою походкою...

И сразу
восемьдесят рук
рывком нажали клавиши,
аккордом гулким
все вокруг
себе внимать заставивши.
И словно двинулась, бурля,
весенняя распутица...
Уже
огромная Земля
под эту песню крутится.
И нестерпимо нужно в пляс,
и словно годы сброшены,
и слезы катятся из глаз
негаданно, непрошенно.
И песня
в полный разворот
идет, гремит под звездами,
непобедима, как народ,
которым песня создана,
несокрушима, как мечты,
упрямые и дерзкие...

...А звезды смотрят с высоты
не русские —
венгерские.
Чужие слушают края:
меха гудят
баянные,
и до чего ж она
своя,
та песня иностранная!
Из дальней
северной земли
сюда,
на землю братскую,
родную песню привезли
ребята ленинградские.
Их поднимала поутру
гудка
густая силища...
У них в петлицах буквы «РУ»
и номер их училища.
И вот
мальчишка по годам
и токарь по профессии
по перламутровым ладам
рассыпал пальцы весело.
Хоть до утра играть готов —
крепки тугие мускулы!..
Выводят
сорок мастеров
родную песню русскую.
Она зовет
вперед и ввысь,
победная,
весенняя...

...Аплодисменты взорвались
грозой,
землетрясением;
раскат громады гор потряс,
о небеса ударился —
куда там
атомный фугас
системы Джона Даллеса!

В лучах больших прожекторов,
при полном освещении
стояли сорок мастеров,
краснея от смущения.
Они друзьям,
войдя в азарт,
всю ночь играли — с вечера...
Но чьи-то строгие глаза
смотрели недоверчиво.
Не может быть,
чтоб у станка,
где вьется стружка резвая,
артиста легкая рука
металл тяжелый резала!..

На горизонте
небосклон
зари зардели пламенем.
Оркестр покинул стадион
в строю, под красным
знаменем.
Солдатский марш!
Скажи —
вперед! —
и кто устал,— подтянется...
Шагает песня на завод,
страны моей посланница.
Просторный цех.
Стоят станки,
сверкая свежей краскою.
И дирижер сказал:
— Сынки!.. —
и постучал указкою...

...Далеко,
у Москвы-реки,
пробила время
Спасская...

...Прославься
песней на века,
упорство комсомольское!
Сбегает стружка со станка,
горячая и скользкая;
с предельной скоростью течет,
и даже на мгновение
не сбиться ритму,
если счет —
само сердцебиение.
А все же очень тяжело
водить руками быстрыми,
когда на каждую легло
три тыщи взглядов пристальных!
Глаза,
глаза со всех сторон!..
Но нас учила Родина:
когда сфальшивишь на микрон,
уже не та мелодия!
И накалилась тишина,—
как гром в грозу,
взорваться ей,
когда обрушится она
неслыханной овацией.
Сомненья
разом унесло,
как будто ветром —
дочиста...

Здесь отступало ремесло,
торжествовало творчество!
И вот —
уже у паренька
за час
полнормы кончено
дневной работы у станка
прилежного рабочего.
А песня...
Песне нет конца:
несется над долинами!
Она —
шуршание резца
и стружки звон малиновый,
куранты гулкие Кремля,
салютов звезды ясные...
Уже
вращается Земля
под эту песню властную.
Мечты людские в ней живут,
открытые,
не тайные —
всеобщий мир,
свободный труд,
простых сердец братание.
И с ней,
искусство,
труд
и жизнь
в ряды сплотив единые,
сегодня
входит в коммунизм
страна
непобедимая!

Негритянка

На коричневый лоб
непокорная падает прядка
над глазами,
горящими
пламенем светлых надежд...
Африканского племени
единственная делегатка —
негритянка приехала
на фестиваль в Будапешт.

И хотя ей казались
родного наречья роднее
русской речи звучанье,
украинской речи напев, —
мы могли только жестами
там разговаривать с нею:
батальон переводчиков
сдался, помочь не сумев.

Эта девушка
с нами
шагала свободно и гордо
по широким проспектам
в содружестве сомкнутых плеч,
и смущенья не выдали
негры — рабочие Форда:
им была незнакома
подруги гортанная речь.

Но однажды,
когда
вместо ярусов гулкого зала
были горные склоны
и сценой долина была,
перед юностью мира
курчавая девушка встала
и уверенным шагом
к высокой трибуне пошла.

Ей вьетнамец и грек
помогли на трибуну подняться...
И казалось —

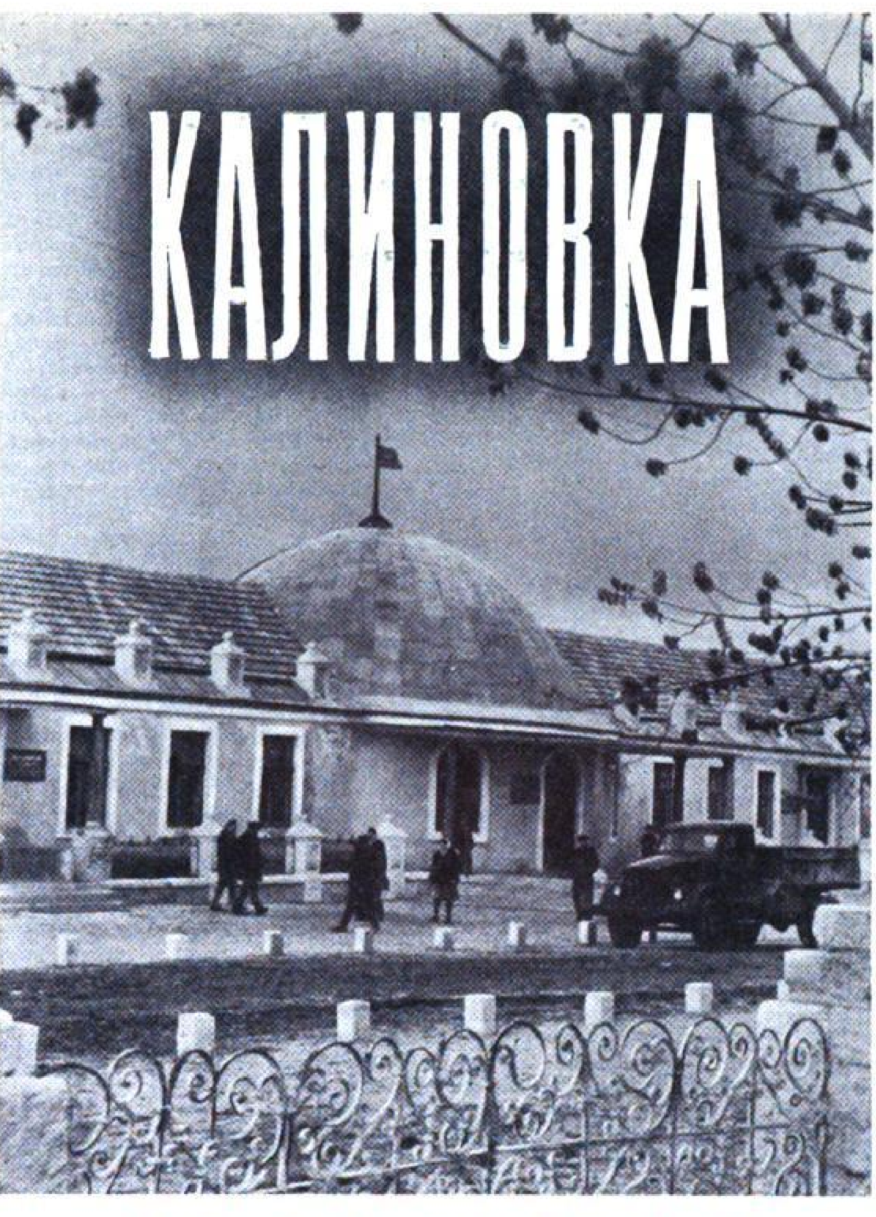

за нею,
шагая в строю тяжело,
от посевов растоптанных
и от сожженных плантаций
африканское племя
босыми ногами пришло.

И огнем негасимым
сердца повелело зажечь ей,
и на битву за мир
вдохновить миллионы друзей,
и поведать друзьям
незнакомой гортанною речью
о великой любви
и великой надежде своей.

Было слово ее
всех других выступлений короче,
только наша овация
целой планете слышна...
Темнокожей сестре
не понадобился переводчик —
торжествующей юности
«СТАЛИН»
сказала она!

КАЛИНОВКА

Дом агрозоотехнической культуры колхоза имени Ленина.

З. ХИРЕН

Фото М. Савина

I

Над черными парами мелькает одинокая ласточка, а высоко в небе резвится множество ее подружек. Не умолкают могучие, как танки, тракторы «С-80». Постепенно глаз привыкает к их огромным черным силуэтам, возникающим то на одном, то на другом краю обширной, как море, украинской степи. Скинув с плеч пушистые снежные шубенки, весело глядят на белый свет крошечные деревца лесополос. С пригорка по-матерински ласково кивает им старая сосна.

Прошли первые весенние дожди. В больших и малых лужах отражается светлое небо и подолгу пламенеет предвечернее солнце. Зазеленели озимые, и люди не налюбуются их красотой. То и дело слышно: «Эх, хлеб... красавец!», «Озимка-то гвардейская!», «Золотой, золотой ты наш зеленый ковер!»

Уже появились нежные всходы люцерны. Набухли почки на деревьях, а зацветет черешня, подует, как здесь говорят, «весняный ветер», не иначе, метель в селе Калиновке поднимется: то закружатся в воздухе облетевшие лепестки белых цветов.

Весенний ветер! Не от него ли так тщательно оберегают свои белые лица девчата, не от него ли они «ховаются», плотно закутываясь в платки и шали с длинной бахромой, что свисает им на самые глаза?

— Ветер тот, что огонь,— жалуются девчата,— жжет, аж кожа на лице трескается.

Вряд ли найдется сейчас человек, который, проезжая через Калиновку, не остановился бы возле Дома агрозоотехнической культуры и не осмотрел бы все его залы: агрономический, зоотехнический, лекционный, демонстрационный, библиотеку. Красный флаг, что развевается на самом куполе здания, привлекает всеобщее внимание. Не раз возле стен этих услышите вы слово «дворец». Так оно и есть. Осматривая дом, вы заинтересуетесь и тем, кто автор проекта этого здания.

Услышав такой вопрос, Степан Дмитриевич Танченко, председатель, или, как тут говорят, «голова», колхоза имени Ленина, смутится, и, если он до этой минуты и имел намерение кое-что сказать, уста его сомкнутся, и уж больше ни единого слова от него не услышите.

Почему Танченко так смущается, когда спрашивают об авторе проекта здания? Потому что дом, который сейчас привлекает к себе так много людей, строился по предложению самого Танченко. Он где-то, в другом районе, увидел подобный дом. Вернувшись в Калиновку, долго подсчитывал, во сколько обойдется, если такой у себя построить, советовался со специалистами и, наконец, выступил с предложением на заседании правления колхоза. Предложение это затем всесторонне обсудили все колхозники и решили начать стройку.

В то время в Калиновке было два колхоза. И соседи, узнав о намерении Танченко, довольно язвительно заметили:

— Пусть строят, они же богачи!

На что богачи отвечали:

— Поработайте и вы, чтобы стать такими же богатыми...

Впрочем, это был не единственный случай, когда соседи старались уколоть колхоз, в котором председательствовал Танченко. Выдумали они, будто к Танченко чаще, чем к ним, приезжают представители из района и области: вроде больше помогают. Все это не соответствовало действительности. Просто в колхозе лучше работали, глубже вникали во все то новое, чем богата советская агрономия, более умело хозяйничали. Бригадир стал действительно центральной фигурой в колхозе. Не прекращалась здесь стройка. За короткое время соорудили черепичный завод, кузницу, ряд новых ферм. У соседнего же колхоза дело шло плохо, и там твердили одно:

— У нас нема грошей.

Что же, доля правды в том была. Они имели почти столько же пахотной земли, сколько в колхозе, где председательствовал Танченко, а трудоспособных у них было меньше на 54 человека. Но не в этом все же крылась главная причина их отставания. В обоих колхозах было немало хороших мастеров урожая. Вся беда заключалась в том, что соседи Танченко хуже организовали свой труд, не наладили дисциплину.

Когда возник вопрос о строительстве электростанции, председатель отстающего колхоза сказал:

— Вы стройте, а мы вам за точки будем платить...

На что Танченко ответил:

— Не выйдет. Мы и сами кому угодно за точки платить готовы. Дело тут не в точках. Людей вперед нужно вести.

Все же потом, как и всегда, пришлось помочь соседям — им дали электричество.

Кончилось же все тем, что Дом агрозоотехнической культуры, которым сейчас так все восхищаются, был построен совместными усилиями этих двух колхозов.

И не только Дом агрозоотехкультуры, но и много других зданий построили вместе. Больше не слышно о том, что-де у одних все есть, а у других ничего. В 1949 году впервые колхозники обеих артелей получили на трудодень хлеба поровну. Колхозы соединились! Так пожелал народ. И сейчас в Калиновке есть только один колхоз — колхоз имени Ленина. Председателем избран Степан Дмитриевич Танченко.

Нельзя сказать, что это произошло в счастливую для урожая пору. Ветер, тот, что девчата сравнивали с огнем, в то лето принес много горечи колхозникам села Калиновки. Потрескалась земля, образовались такие расщелины, что в них свободно уходила нога. Но стихийное бедствие не нарушило нормальной жизни. Ни один человек не покинул села. Коммунисты Калиновки выступили организаторами борьбы с засухой. Много сотен гектаров земли пришлось пересеять. И именно в ту пору два соседа — два колхоза — объединились; объединившись, закончили строительство Дома агрозоотехнической культуры.

Скажи об этом американскому фермеру, крестьянину любой капиталистической страны, он не поймет, не представит себе, как это в засушливое лето, во время такого тяжкого бедствия, можно заниматься строительством дворцов. Объединившись в один колхоз, жители села Калиновки стали еще сильнее. Обеспечили народ хлебом, без потерь провели уборочную, первыми в районе досрочно рассчитались с государством.

Какие же события произошли в Доме агрозоотехнической культуры? Там сразу же начали учиться. Всю зиму туда ходили бригадиры, звеньевые, передовые колхозники. Повстречались люди, которые еще недавно работали в разных колхозах. Простые крестьяне изучали здесь многие науки. Бригадиры теперь, после объединения колхозов, руководили работами на площадях по 800—900 гектаров земли. У каждого из таких бригадиров были карты, на которых обозначались поля. Каждая бригада получила свой бригадный двор, ничем не отличающийся от иного колхозного. Уже сейчас Николаевский областной комитет партии посылает в Калиновку бригадиров других колхозов учиться правильной организации труда, широкому использованию достижений советской агрономии и техники. Без серьезных знаний в таком большом хозяйстве не обойдешься. Сами бригадиры говорят, что они нуждаются в высшем агрономическом образовании. И в 1950 году здание — первый плод объединения двух колхозов — будет занято сельским университетом.

II

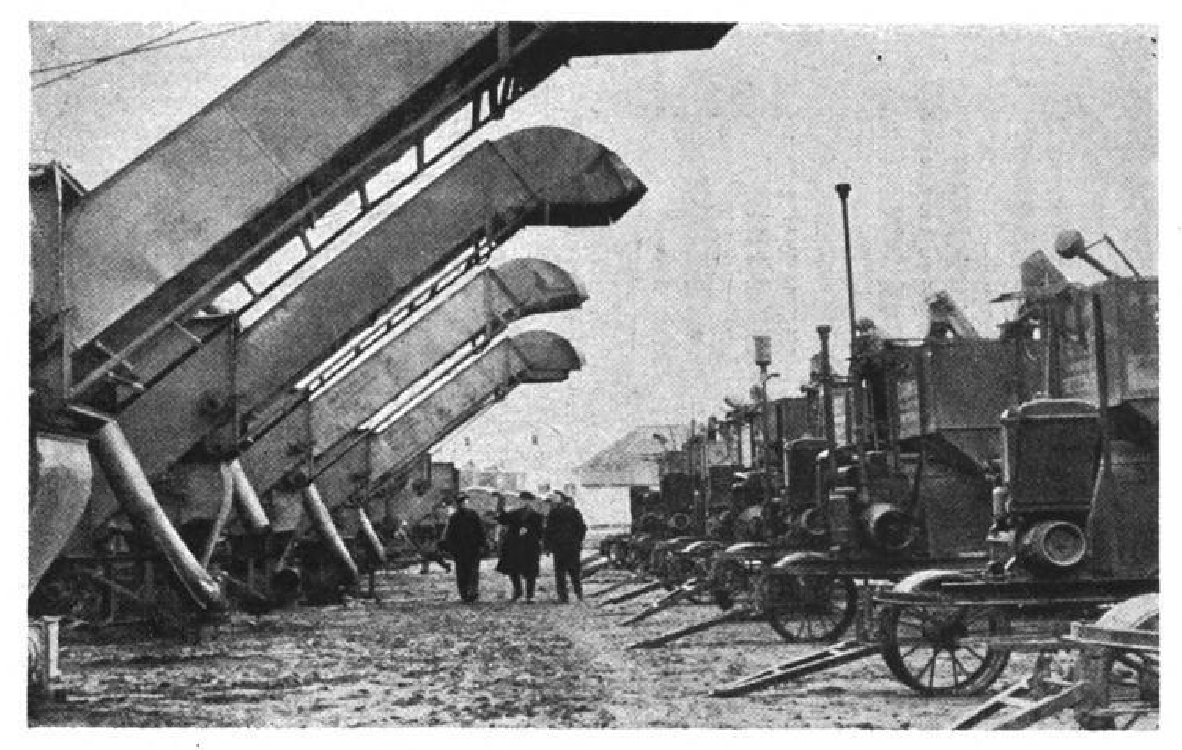
Нынешняя весна в Калиновке совсем иная, чем в прошлом году. Ни разу по-настоящему не подул зловредный «весняный ветер». Девушки, правда, все равно прячут лица в платки — так «ховаются», что и родной сестры не узнаешь. На самой макушке головы узел торчит, что султан. Только и видно, как бахрома шевелится на лбу да глаза горят. Но приходит в бригаду Наталья Петровна Воронюк — и все меняется.

— Тоже моду завели, — скажет она. — И солнце не печет, и ветер не дует, а они от загара спасаются...

Девушки развязывают платки, и вдруг обнаруживается, что у одной лицо худенькое, у другой — полное и румяное. Одна задумчива, другая смешлива. Над жижей для саженцев склонилась комсомолка Люба Никонова из звена полезащитных лесонасаждений. Рядом стройная блондинка держала в руках тоненькую жимолость и акацию. То оказалась Феня Ляшенко.

— Так и поверила им, что боятся «весняного ветра», а то ж просто мода у них,— и Наталья Петровна, сощурив глаза, весело смеется.

Сидеть бы Наталье Петровне в библиотеке и книжки выдавать, да разве утерпишь:

...Что же остается на долю ручного труда?

тянет и тянет в поле. И вот уже слышно, как не очень высоким, но приятным голосом запевает Наталья Петровна, а девушки, будто того только и ждали, позабыв про ветер, про моды, дружно подхватывают своими звонкими, красивыми голосами:

На городі верба рясна,
Там ходила дівка красна...

Несется над степью великой, над серебряным Ингулом, над садами песня.

— Эх, до чего же хорошо! — щелкнув языком, произносит худенький парнишка со светлоголубыми глазами и, достав из кармана платок, вытирает малюсенькие крупинки пота со лба.

То Миша Коржиновский, шофер Грейгеровской МТС. По дороге в степь он задумчиво сказал:

— Эта земля мне трудно далась.

Было непонятно, не то слова эти относятся к работе машины, не то к дороге. Оказалось, что шофер тут был ранен, участвовал в освобождении Калиновки от оккупантов — и не только одной Калиновки!

— «Ты счастливый человек, Миша, — говорит мне Тимофей,— продолжал развивать свою мысль шофер,— что прошел от самого Сталинграда до самой Праги».

Тимофей, однополчанин Коржиновского,— по профессии тоже шофер. После войны оба они вернулись в село, за которое сражались. Родом Коржиновский из Владивостока. Вот уже сколько лет он собирается домой в гости, да никак не улучит время. Этой осенью опять собирается. Но трудно сказать, где теперь дом паренька — на берегу ли Тихого океана или здесь, возле реки Ингула, где сын родился, где своя семья, свои надежды, радости, заботы.

Кто-то интересуется:

— Как, Миша, дорога?

Дорога по-весеннему тяжкая, особенно после дождя, но Коржиновский отвечает:

— Дорога как дорога...— и, прислонившись к крылу машины, очарованный песней, все слушает и слушает девчат.

Тут же рядом и приятель его, Тимофей. Возвращаясь с обеда, остановились возле поющих и двое трактористов.

Почти двадцать лет прошло с тех пор, как песню, что так вдохновенно поют сейчас девушки, Наталья Петровна пела в Москве. При воспоминании об этом ее серые глаза засияли, разгладились на лице морщинки, и не скажешь, что этой женщине за шестьдесят.

Наталья Петровна была делегатом XVI съезда партии. Наталья Петровна видела Сталина.

— Ира,— обращается Наталья Петровна к одной из девушек после того, как умолкла песня,— беседу о краснодонцах ты провела? А где сейчас Иван Гиль? Он взял у меня «Кавалера Золотой звезды» и обещал читать трактористам...

С тех пор, как колхозы объединились, у Натальи Петровны прибавилось читателей. Трудно сказать, где больше книг: на полках ли библиотеки или в степи, в садах, на электростанции, в кузне, на лесополосе, животноводческой ферме, на черепичном заводе, на радиоузле, у строителей, в вагончике трактористов...

Каких только специальностей нет сейчас в Калиновке! Придите хотя бы на комсомольское собрание, спросите у молодых людей, где они работают, и вы узнаете, что один из них — моторист, другой — прицепщик, третий — электрик. Есть там строители, бухгалтеры, радисты.

Иные времена помнит Наталья Петровна. На нынешних необозримых полях колхоза имени Ленина «копалось» тогда шесть карликовых артелей. Лесополоса, на которой повстречались две калиновские девушки, Люба Никонова и Феня Ляшенко, еще год назад была межой, разделявшей два колхоза села Калиновки. Межи этой тоже больше не существует. Свыше пяти тысяч гектаров земли имеет колхоз имени Ленина.

Нынешней весной на свои обширные поля жители Калиновки вышли сеять все вместе. Перед Калиновкой открылись богатейшие возможности в использовании техники, в применении самых последних достижений советской агрономической науки. В этом вы убедитесь, осматривая луга люцерны, полезащитные лесонасаждения, сады. Об этом же подумаете вы, присутствуя на партийном собрании колхоза и слушая, как шестидесятипятилетний колхозник Тимофей Федорович Волченко критикует агронома за то, что тот недостаточно заботится об агрономической учебе комсомольцев.

— Вы мало приложили труда в агроучении комсомольцев, — сказал Волченко. — Жалуетесь, что времени у вас не было, но если на такое дело времени у вас не хватает, значит, вы слабо представляете себе, как много нам, коммунистам, еще нужно сделать в Калиновке.

Слушая оратора, вы поймете, почему он, простой колхозник, оказавшийся во время войны в эвакуации где-то в Киргизии, покорил там всех своими недюжинными знаниями по сортовому семеноводству. Затем, когда Калиновку освободили и старик собрался домой, киргизы долго уговаривали его остаться у них навсегда.

Больше никто здесь не говорит: «Пусть строят те, кто богаче». Теперь все строят вместе. Электрифицируется и механизируется животноводческий городок. В этом году должны заасфальтировать главную улицу и озеленить село. На столе у председателя колхоза лежит «Генеральный план реконструкции села Калиновки». На этот раз он составлен архитекторами, и Танченко с удовольствием о том сообщит вам.

III

Обратит ли сейчас кто-нибудь внимание на каменные столбы, что врыты в землю у ворот почти каждого дома Калиновки. Ничего особенного не представляют собой эти каменные глыбы, если не считать того, что у некоторых бока зубчатые, как у шестерен.

— Так то ведь катки, ими прежде молотили, когда еще хозяйнували,— скажут вам и тут же объяснят, как «хозяйнували»: раскидав по кругу урожай, водили волов, запряженных в каток; сзади плелись хозяин с батогом и хозяйка с ведром, убирая за волами.

— Чего это вы все про те катки спрашиваете?

— Если хотите знать, то они ведь предки нашего дорогого комбайна.

Смешно вспоминать теперь про эти катки, про то, как «хозяйнували». Все это кажется древним-древним, даже если и было не так давно — в тридцатых годах нашего века. Далеко Калиновка шагнула! Вбитые из-за ненадобности в землю старые каменные катки напоминают то старое, отжившее, что капитулирует перед новым.

Писатель Гончаров писал о крестьянской весне: «...скинет крестьянин полушубок, выйдет в одной рубашке на воздух и, прикрыв глаза рукой, долго любуется солнцем, с удовольствием пожимая плечами; потом он потянет опрокинутую вверх дном телегу то за одну, то за другую оглоблю или осмотрит и ударит ногой праздно лежащую под навесом соху, готовясь к обычным трудам». Совсем иначе рисует нам весну директор Грейгеровской МТС Рыбальченко.

Владимир Макарович Рыбальченко приглашит вас прежде всего к карте размещения колхозных полей. Здесь вы узнате, что, помимо 77 тракторов и 33 комбайнов, к весне, а затем и к уборке урожая приготовлены сотни различных машин — плуги, сеялки, сенокосилки, тракторные грабли, хлопкоочистительные машины, культиваторы.

— Что же остается на долю ручного труда?

— Более 85 процентов всех работ выполняется сейчас в Калиновке машинами Грейгеровской МТС,— отвечает Рыбальченко.

Владимир Макарович считает, что объединение двух колхозов в Калиновке — только начало большой работы по высокой индустриализации колхозов, обслуживаемых его МТС.

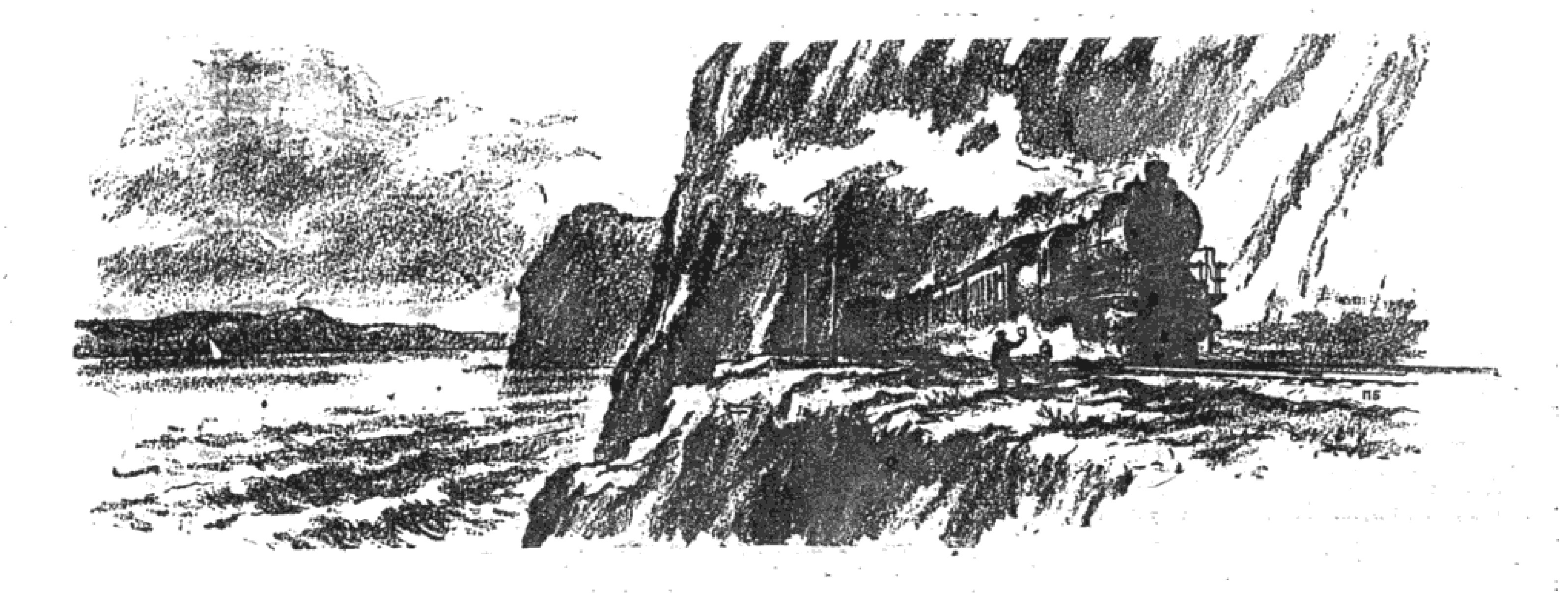
— Вот есть у нас,— говорит он,— Баловненский сельский совет, в него входят три колхоза, рядом — Матвеевский, и там три; всего шесть колхозов. А земли у всех столько же, сколько в одной Калиновке. Если бы шесть этих колхозов объединить в два, многое бы переменилось к лучшему.

Примерно такого же мнения Рыбальченко о будущем других колхозов. Он убежден, что если бы из 21 колхоза сделать хотя бы 10, то это сократило бы наполовину «холостые» переезды тракторов, на 50 процентов увеличило производительность машин, позволило сэкономить большое количество горючего, сократило бы административные расходы.

В прошлом году комбайны Грейгеровской МТС убрали урожай на площади в 8 тысяч гектаров. В этом году намечено убрать ими до 12 тысяч гектаров. Рядовые колхозники все больше интересуются всесторонним использованием техники. Они на деле убедились в том, какую огромную выгоду приносит новая техника каждому колхознику в отдельности и всему колхозу в целом. И тут директор МТС вспоминает о прочитанной им недавно книжке американской писательницы под названием «Почему бедны фермеры». Там описывается совсем иная жизнь. Крупные предприниматели, овладевая землей мелких фермеров, разоряют их. Тракторы, говорится там, уничтожая в Америке межи между участками земли фермеров, сменяют бедность фермеров подлинной нищетой.

— Представляете себе,— продолжает Рыбальченко,— советского крестьянина, разоренного МТС, или, скажем, безработного колхозника, скитающегося с семьей в поисках куска хлеба! Скажите об этом в Калиновке, скажите об этом в любом уголке Советского Союза, и вас поднимут насмех.

С. Калиновка, Октябрьский район, Николаевской области.

ПЕРЕСЕКАЯ МАТЕРИК

И. ГАЙДАЕНКО

Рисунки П. Баранова

Здравствуй снова, родная земля! Четыре месяца длилась наша разлука. Я оставил тебя устланной искристым снегом, а вернулся, когда ты одеваешься в яркий, благоухающий наряд листвы и цветов. Я прощался с тобой на равнинах твоего юго-запада, теперь приветствую тебя у побережья Дальнего Востока. Здравствуй, долгожданная Родина!

Покидая советский корабль, бросивший якорь в отечественных водах, я мысленно говорю ему, словно верному другу, на прощанье: до свиданья и большое спасибо! Спасибо за то, что палуба твоя долго служила нам землей, за то, что мы снова можем твердо, свободно и гордо вступить на родной берег...

* * *

Владивосток! Шумные улицы, оживленные лица прохожих, родная русская речь, бойко торгующие магазины, поток автомашин. В порту тягачи, краны, свистки паровозов, дымы пароходных труб. Все это обычно, и все это мило, дорого душе советского человека. Это пульс жизни одного из самых отдаленных от столицы городов нашей страны.

Чувствуя трудовой ритм советского города, размеренный и четкий, хочется глубже дышать, полной грудью, хочется спешить, идти в ногу с этими жизнерадостными людьми.

Быстро перехожу улицу, чтобы скорее окунуться в людской поток, и вдруг... Приложив руку к козырьку фуражки, человек в темносиней форме с красной окантовкой говорит учтиво:

— Гражданин! Переход только на перекрестках.

— Есть... простите, — отвечаю милиционеру и с чувством пожимаю ему руку.

Поток улицы уносит меня вперед, а милиционер все еще с некоторым недоумением смотрит мне вслед. Он не знает, что совсем недавно на перекрестках улиц далеких заморских городов я видел людей с резиновыми дубинками, плетками, карабинами, в черных и белых мундирах, в фесках и в шлемах, в трусах и с погонами, которые рисуются просто на голых плечах. Советский милиционер даже не подозревает, что в этот миг я вспомнил многие заморские города и в их числе город доллара, Нью-Йорк.

...Улица, зажатая в теснинах мрачных небоскребов. Громадного роста полисмен важно прохаживается с черной резиновой дубинкой. По тротуару, постукивая палкой, идет слепой ветеран войны. Он уперся в каменный забор и не может найти дорогу. Полисмен ему не поможет, о нет! Дубинка грубо ложится на плечо инвалида. Он вздрагивает:

— Простите, сэр!

— Чего ползаешь, дома сидеть надо!

Полисмен, чтобы «не запачкать руки», толкает слепого дубинкой в бок, направляя его за угол... Но надо видеть, сколь сахарно-умильным, нежным существом становится полисмен, когда мимо мчится машина с каким-нибудь боссом. Он замирает, вытягивается, козыряет, на губах застывает подобострастная улыбка. Он слуга господ!

Нет, не от растерянности пожал я руку нашему человеку в синем мундире с красной окантовкой, который вежливо сделал мне замечание. Он слуга народа!

* * *

У моряков есть определение: «Видимость горизонта зависит от высоты глаза наблюдателя». На какую же высоту надо взобраться, чтобы окинуть глазом ширь и даль нашего советского материка! Даже в скоростном самолете путь по нашей стране из края в край — это долгие, долгие часы. В вагоне же — это время и километры, неугомонный стук колес, станции и полустанки, мелькающие за окном реки и поля, леса, горы и низменности, города с гигантами-заводами, деревни с золотыми массивами полей, дни и ночи, ночи и дни...

С первого часа езды пассажиры начинают знакомиться.

— Вы откуда?

— Из Курил.

— А я с Камчатки.

— Куда?

— В Москву, к родным.

— А я в Одессу.

— Я в Кисловодск, на воды.

— За семьей еду. Перевозить буду на Сахалин...

В последний раз блеснул серебром широкий Амурский залив, блеснул и скрылся.

В купе пассажиры усаживаются поудобнее. У директора Курильского рыбного комбината слушателей больше, чем у всех остальных. Да это и понятно: каждому интересно послушать человека, едущего из самых дальних и самых молодых наших земель.

— Глушь была страшная, — рассказывает курилец, — ни дорог, ни жилья — заросли и зверье. Мы начали все строить своими руками. Все шло одновременно: и строительство, и благоустройство, и рыбный промысел. Еще не успели по-настоящему осесть на месте, как уже стали давать стране рыбу. Теперь Москва вызывает с докладом о перспективах. Через год—два, думается, заткнем за пояс рыбаков и Сахалина, и Приморья, и Амура...

— Ну, брат, хватил! — вмешался рослый рыбак с Амура. — Ты думаешь, у вас перспективы, а у нас нет? И нам Москва перспективы дает, так что ты брось это — «за пояс»...

Слушатели засмеялись. Рыбаки начали спорить...

— Наш трест в первом квартале первое место в Союзе занял! — продолжал уверенным басом амурец. — Знамя ВЦСПС и министерства получил, а ты — так сразу и «за пояс». Погоди, брат, погоди!..

Как позавидовали бы рыбаку с Амура рыбаки Индонезии, Малайи, Формозы, если бы могли его слышать! Я видел на берегах этих далеких стран тысячи опрокинутых рыбачьих лодок — они рассыхались под знойными лучами солнца. Рыба плещется у самых берегов, а рыбаки умирают от голода. Колониальные власти запрещают им выходить в море. Колонизаторы боятся, чтобы рыбаки контрабандой не завозили оружие для партизан. И каждую рыбачью лодку, замеченную в море, американские, английские, голландские миноносцы безжалостно пускают ко дну...

В другом конце вагона колхозница-рисовод из Приханкайской степи рассказывает:

— По 20 центнеров с гектара собираем. А приложим старание — еще лучше будет родить...

— Пчелы, батенька мой, — насекомые с академическим образованием, — слышится голос из крайнего купе, — поэтому и пчеловод должен быть по знаниям не ниже пчелы, вот я и еду совершенствоваться...

Поездной радиоузел транслирует из Москвы концерт Поля Робсона. У репродуктора собралось много слушателей. Среди них и колхозница из Приханкайской степи, и шахтер Кузбасса, и таежный лесоруб — простые советские люди, но они знают знаменитого негритянского певца из далекой Америки и слушают его внимательно и дружески.

Это напомнило мне разговор с одним чиновником в Нью-Йорке. Он заявил, что очень интересуется Россией, и спросил нас, что сейчас делает... писатель Достоевский. Мы завели с ним разговор об американской литературе. Чиновник не знал самых видных американских писателей. Даже Джека Лондона он спутал с каким-то современным чемпионом, который съедает на пари за один прием по нескольку килограммов мороженого.

Так выглядят в сравнении с простыми советскими людьми «культурные» чинуши капиталистических стран...

Позади остался Хабаровск. За окном вагона тихая звездная ночь. Еще некоторое время широкой лентой тянется полноводный Амур, усеянный электрическими огнями бакенов, створов, широко раскинувшихся по его берегам селений. Вся поверхность могучей реки усеяна золотыми пятнами, и кто знает, каких отражений в ней больше: от этих огней или от звезд.

Пустеет коридор. Вагон постепенно затихает, но где-то в купе все еще вполголоса продолжаются разговоры.

...Утро. Свежее, розовое утро. В раскрытые окна струится бодрящая прохлада, дышится легко, свободно. Нигде на земном шаре нет такого пьянящего и отрезвляющего воздуха — целебного воздуха смолистой хвои, соков травы и цветов, росы, родных просторов.

В коридоре, у приоконного столика, сидят за шахматами генерал-майор и проводник вагона. Боевой генерал с рядами орденских лент на кителе, выигравший не одно сражение на поле боя, явно проигрывает на поле шахматной доски проводнику, старшине запаса.

— Может, согласитесь на ничью, товарищ генерал?

Генерал-майор с укором смотрит на партнера:

— Ай, старшина, старшина! Ничья — это равно капитуляции. А вас как учили сражаться?

— До полной победы, товарищ генерал, — по-военному отчеканил проводник.

— Вот, будьте любезны, и сражайтесь без всяких компромиссов.

— Есть! — и старшина своей ладьей бьет слона.

— Да, не уберег, — с досадой говорит генерал. — Нет, видимо, я проигрываю... Волнуюсь, браток, к родным местам подъезжаю, целых десять лет дома не был.

И я снова мысленно перенесся в Америку. Мы ехали в курьерском поезде из Сан-Франциско в Лос-Анжелос. Проводником был негр. Посмел ли бы он не то что с генералом, а со своим же коллегой, белым проводником, играть в шахматы? Негр-кондуктор ходил на цыпочках, он не смел никому прямо посмотреть в глаза. Осторожно, чтобы не разбудить дремлющих пассажиров, снимает с них негр ботинки, старательно чистит их. И вот белому маклеру с черным сердцем и с карманом, набитым долларами, показалось, что проводник грубо стянул с него ботинок. Он методично, с наслаждением отхлестывает чернокожего по щекам и брезгливо вытирает руку носовым платком. Негр еще осторожней снимает другой ботинок и, шатаясь от боли и обиды, молча уходит к себе в каморку...

...На перроне читинского вокзала встречает генерала худенькая, невысокая старуха-мать. Она в простой серенькой шали, рядом с нею младший сын в форме инженера речного флота.

Лицо матери просияло, и, казалось, на нем исчезли морщинки. Она шагнула к сыну, прильнула к его груди, и теплые материнские слезы покатились из ее глаз. В этих слезах и радость встречи и вдруг вспыхнувшая горечь далекого прошлого. Быть может, ей вспомнился в этот миг муж — матрос с «Потемкина», сосланный в эти края царским судом на каторгу. Он погиб здесь в 1910 году. Нелегко было растить вдове сыновей, и вот они, дети «матроса-каторжника»: один — генерал Советской Армии, другой — инженер речного флота. Как бы сложилась их жизнь, если бы не Ленин и Сталин, если бы не советская власть?

Сыновья, бережно взяв мать под руки, уходят с перрона.

Гудок. Поезд плавно покидает станцию Чита. Мы запаслись свежим номером «Забайкальского рабочего». В заграничном плавании я четыре месяца не видел советских газет и теперь с жадностью перечитываю их от названия до редакторской подписи. В каждой строке, в каждой статье узнается наша действительность. Здесь почет и слава простым людям труда, стахановцам шахт, заводов, полей. Здесь беседы ученых о достижениях нашей науки, советы матерям, объявления о развлечениях для детей на период каникул, здесь все — от передовой и до объявлений — для народа.

Колхозник Георгий Кондратьевич Подрезов, узнаю я из газеты, за высокий урожай пшеницы удостоен звания Героя Социалистического Труда. Старейшая учительница Забайкалья А. В. Абратова за свой труд награждена высшей правительственной наградой — орденом Ленина...

Я вспомнил улицу Лондона. Нам навстречу шла сгорбленная высокая старуха, она не просила подаяния, боясь полиции, но носила на груди табличку, где было написано: «Учительница, знаю французский и немецкий языки, ищу работу гувернантки». Два мира — две судьбы!..

Уже вторые сутки поезд мчится через царство лесов. По сторонам черной стеной высится величественно-задумчивая тайга. Она, как океан, раскинулась на тысячи километров.

Кажется, вокруг глухомань. Но вот остановится поезд, и видно и слышно, как в тайге кипит труд советского человека.

Вот заводская труба, она возвышается над морем зеленой листвы. Вот лесопильный завод, заваленный штабелями досок и бревен. Ряды красивых домов, еще пахнущих смолой, — это новые поселки, которым суждено стать городами. Их нет еще на географических картах: картографы не успевают за строителями. Мы видим лишь самое ближнее к железнодорожной магистрали. Зверосовхозы, шахты, колхозные фермы — все это живет, растет, развивается далеко окрест.

Досужие западные географы сравнивают иногда нашу сибирскую тайгу с джунглями Юго-Восточной Азии. Но джунгли до сих пор непроходимы, там все еще хозяйничает тигр, а не человек. Почему? Потому ли, что западные «цивилизаторы» не в состоянии проложить дороги через джунгли? Или потому, что они обожают девственную природу? Нет. Просто джунгли далеко от Англии, Франции, Америки. Олово, каучук, нефть прибыльно везти из Юго-Восточной Азии, а древесину невыгодно. Что же касается исконных жителей этих стран — туземцев, — то пусть живут, как обезьяны.

Империалистам нет дела до нужд миллионов людей, живущих в Малайе, Индонезии, Бирме, Вьетнаме. Империалисты прямо заинтересованы в том, чтобы там царили дикость, голод, темнота.

Впрочем, народы джунглей стали сами осваивать их девственные чащи. Первыми это сделали партизаны. Теперь в джунглях стало воистину страшно для карательных отрядов колонизаторов. Каратели начали выжигать, вырубать, уничтожать заросли, но джунгли перед ними не отступают, они еще теснее смыкают свои зеленые своды и надежно укрывают борцов за свободу и счастье угнетенных народов!..

...Наш поезд стоит в Улан-Удэ, столице Бурят-Монгольской республики. Станция заполнена людьми. Лоточницы бойко предлагают папиросы, пирожки, пельмени. По перрону прогуливается молодая пара: парень — русский, девушка — бурятка. У многих бурятов на лацканах пиджаков и гимнастерок поблескивают ордена. Некоторые заслужили высокие награды в битвах за Родину, другие — на трудовом фронте.

На перроне появляется группа людей в национальных бурятских костюмах. Грузный бурят целует в лоб девушку, которая собирается подняться на ступеньки вагона. Девушку зовут Бутит, она лучший чабан колхоза и едет на учебу в Москву. Весь колхоз во главе с председателем провожает ее.

Девушка весела и жизнерадостна. Она родилась не в Америке и не знает ужасов «резерваций», куда загнаны индейцы, или беспросветности негритянских кварталов. Она едет в Москву учиться.

Редеет стена тайги. Справа вдруг открылась синяя равнина воды, покрытая белесой дымкой. Мы подъезжаем к легендарному Байкалу.

Кто-то из пассажиров рассказывает, что в Якутии, в Покровском плодоягодном пункте института плодоводства имени Мичурина, в зоне вечной мерзлоты цветут и родят яблони, посаженные руками советского человека. Вечная мерзлота и цветущие яблони!

Якут радуется первому урожаю яблок в своем суровом саду. А малайский крестьянин проклинает судьбу в своей благодатной тропической стране. Английские плантаторы решили, что кокосовые пальмы выгоднее для бизнеса, чем рис, которым кормится население. И они уже давно стали сокращать рисовые поля, засаживая их пальмовыми рощами. Что колонизаторам до того, что малайцы еще больше будут страдать от голода?

...Бегут дни и ночи. Навстречу с громом проносятся поезда, пассажирские, товарные, груженные лесом, рудой и многим другим.

Промелькнули Иркутск, красавица Ангара с караванами плотов, катерами, пароходами. Скрылись за холмами широко раскинувшийся в лесах новостроек Красноярск и великан-Енисей. Позади осталась в квадратах ровных улиц, в громадах новых домов, в зеленых аллеях и автомагистралях столица Сибири — Новосибирск. Позади и Омск. Блеснули серебряными лентами Иртыш, Тобол.

Привет тебе, родной Урал!

В Свердловск поезд прибывает вечером. Но еще задолго до вечера по сторонам железнодорожного пути все, насколько может увидеть глаз, залито огнями.

На высоком гранитном пьедестале возвышается скульптура И. В. Сталина. Его рука, простертая над землей, указывает на море огней. Это его гений озарил ночь ярким, неугасимым светом. Это его заботой согрета наша земля.

Нью-Йорк любит световые эффекты. Но любой простой человек Америки позавидовал бы этому морю уральских огней, не рекламных, не делающих бизнес, а трудовых огней, двигающих жизнь и счастье народа.

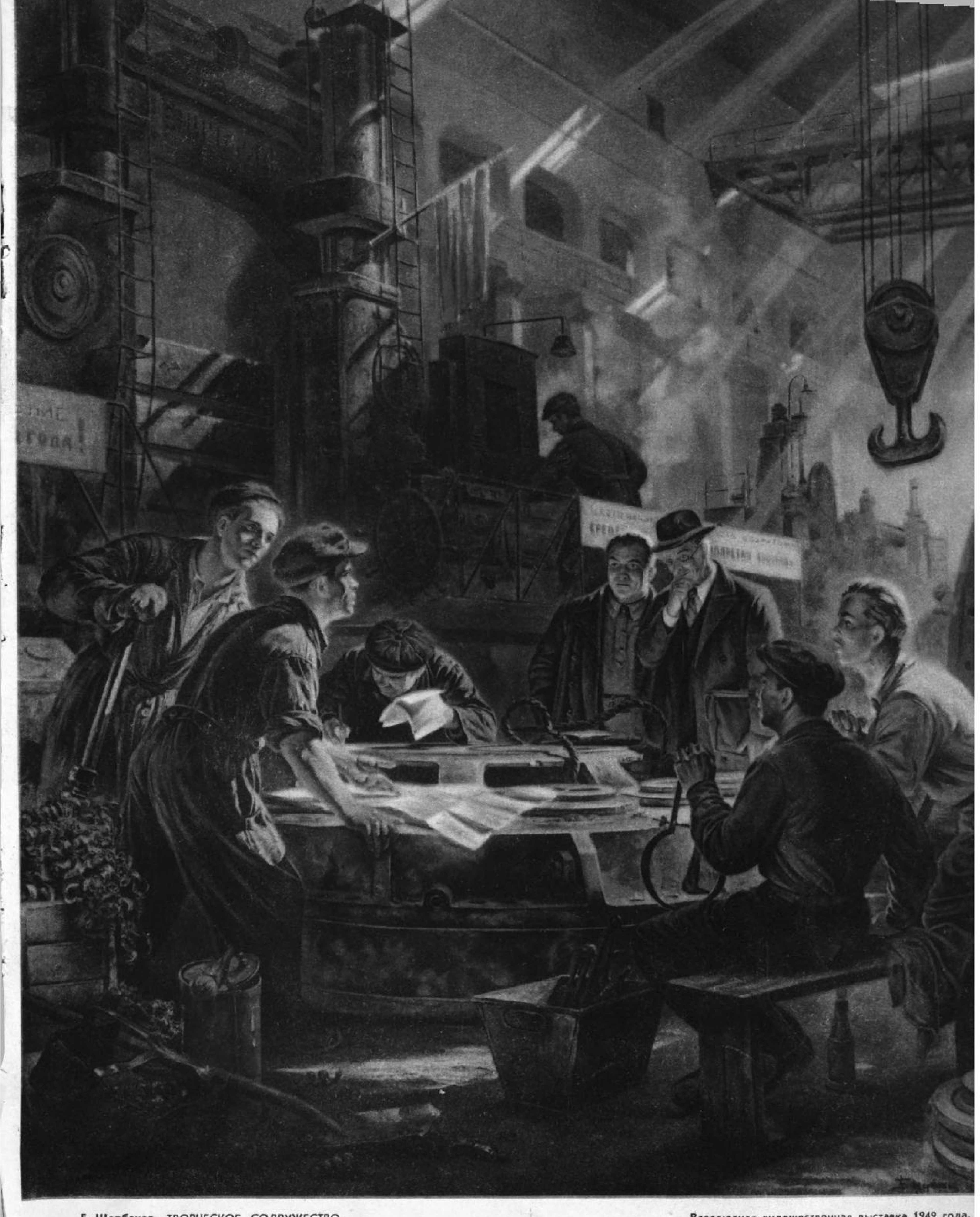
Костры полыхают в темноте. Это строители новых уральских автострад варят асфальт, заливают им новые километры дорог. Такие же костры я видел на берегах Красного моря, у нефтяных месторождений. Но там не варят гудрон, там просто сжигают отходы нефти. Нефтяные короли заняты только сбытом нефтепродуктов, отходы нефти для них «выгоднее» уничтожать. И сколько километров новых дорог в Африке и Аравии, магистралей пустынь они превращают в дым, варварски уничтожая богатства земли и труд народа!..

Еще двое суток пути — и паровоз сменяется электровозом. Это радостный признак. Поезд уже мчится равнинами Подмосковья!

Здравствуй, родная столица! Город, краше которого нет на свете, город свободы, город мира, город созидания!

Здравствуй, город, где живет и творит великий Сталин, чье славное имя с любовью произносит негр в Оклахоме и индеец в пампасах, малаец в джунглях и бедуин в пустыне, бойцы в окопах Индонезии и шахтеры под землей Франции. Мечтая о свободе, народы мира торжественно произносят: «Советский Союз». Мечтая о счастье, они с любовью говорят: «Сталин!». Эти слова для всех трудящихся мира, на всех языках стали символом свободы и счастья.

Б. Щербаков. ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО. Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

Д. Мочальский. ОНИ ВИДЕЛИ СТАЛИНА.

ИЗ ЖИЗНИ НАШЕЙ СТРАНЫ

Отличительная черта советской жанровой живописи — близость ее к жизни. Мастера изобразительного искусства строят свое творчество не на поверхностном знакомстве с той или иной темой, а на ее внимательном изучении. Художники работают на заводах и шахтах, на пионерских собраниях в школе и на колхозном току. На каждой всесоюзной выставке зрителя радует в живописи разнообразие сюжетов.

Рассказывая о повседневном событии, автор картины стремится раскрыть богатый душевный мир своих героев, их неколебимые патриотические чувства. Не лишая изображаемых людей конкретной индивидуальности, художник своей картиной вместе с тем обобщает нечто типическое и важное в нашей действительности. Его задача — взять предметом своего сюжета не случайное и наносное, а глубоко характерное явление.

Три произведения, экспонированные на Всесоюзной художественной выставке 1949 года и публикуемые сегодня на наших вкладках, отвечают высоким требованиям советского жанрового искусства.

Всесоюзная художественная выставка 1949 года.

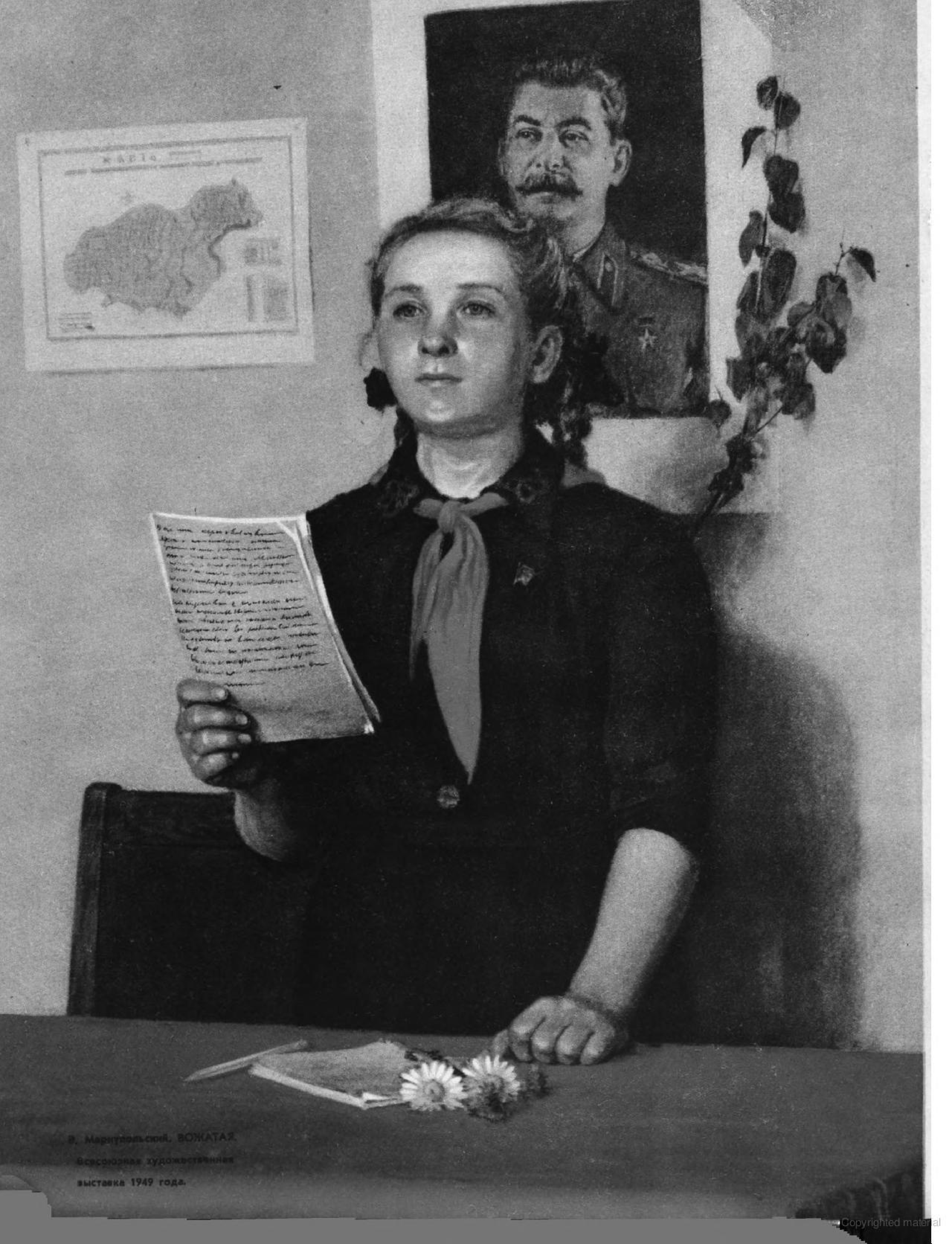
Картина Д. Мочальского «Они видели Сталина» — большое достижение талантливого мастера. Все мы знаем, какая необыкновенная радость овладевает участниками демонстрации, когда, проходя по Красной площади, они видят на трибуне Ленинского мавзолея дорогого, любимого Иосифа Виссарионовича. Они видели Сталина!

Счастьем горят живые детские глаза, лица ребят радостно возбуждены. Взрослые разделяют их праздничное чувство.

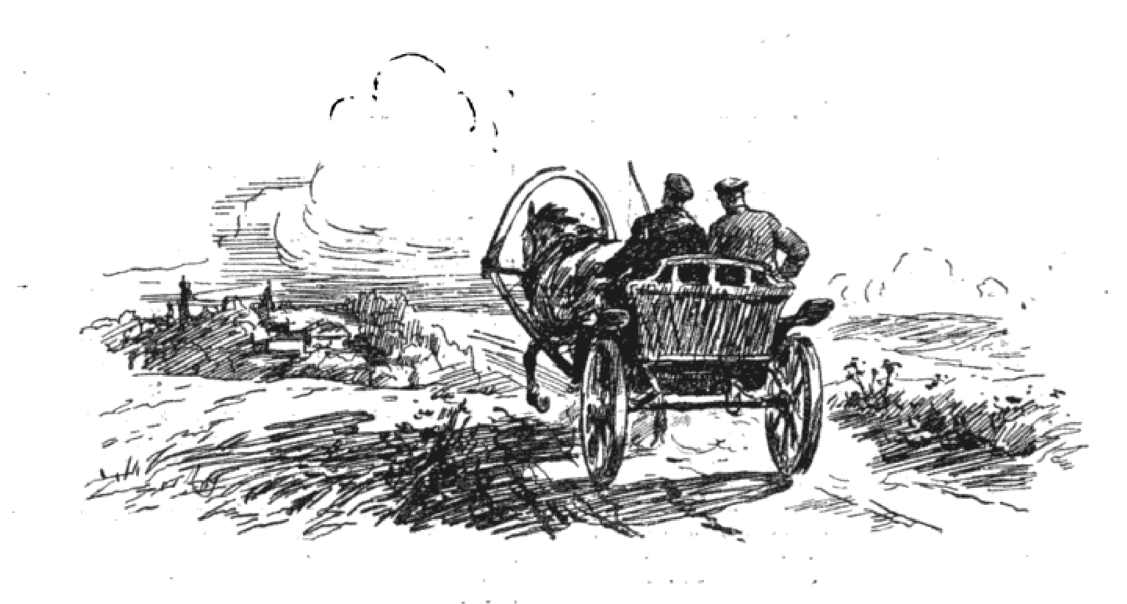
Большую, волнующую тему художник решил мягко, тепло и любовно. Отлична композиция картины, как бы выхваченная из жизни.

Живописец Б. Щербаков, создавая картину «Творческое содружество», задался целью рассказать о творческой близости стахановцев и научных работников. Художник долгое время посещал гидротурбинный цех завода имени Сталина в Ленинграде. Картину писал он на конкретном материале. Как обычно, произведение Щербакова — крепко рисованное и мастерски компанованное.

В картине «Вожатая» В. Марупольский создает яркий образ пионерского руководителя, простой советской школьницы, честной, правдивой. Вожатая выступает с отчетом о работе своего пионерского отряда. Она вкладывает в свои слова страстность убеждений. Работа В. Марупольского, подкупающая безыскуственностью, заслуженно удостоена Сталинской премии.

В. Мариупольский. ВОЖАТАЯ.
Всесоюзная художественная
выставка 1949 года.

САНАТОРИЙ ТЕТИ ЛЮБЫ

Рассказ

Иван ЕГОРОВ

Рисунки В. Высоцкого

Председатель колхоза «Луч» Яков Кузьмич Галанин и кузнец Андрей Павлович Котов ехали на маленькой одноконной бидарке. Галанин широким жестом показывал на пшеничные поля, зеленеющие вправо и влево от дороги до самого горизонта:

— В трубку пошла озимка, вот-вот заколосится.

Галанин хвалил озимку, хвалил погоду, хвалил сытого жеребчика, на котором ехали, хвалил дом отдыха, в котором будет отдыхать Котов.

Котов молчал. Прятаться в доме отдыха в предуборочную пору — невелика радость. Правда, нога побаливает — в голени остались осколки немецкой разрывной пули,—но покраснения нет, может быть, просто к перемене погоды. Врач сказал, что положение стабильное, но посоветовал не перенапрягать ногу работой, дать ей покой. Галанин ухватился за слово «покой», выписал трехнедельную путевку в «Роднички» и вот радуется: захотел и проявил заботу о здоровье хорошего человека.

— Да ты не журись, Андрей Павлович! — подбадривал он Котова. — У тебя в кузнице есть кому работать. Отдохни, поиграй в шахматы с Нырковым. Никто твоего отдыха не осудит... Давай споем, а то уж очень жарко да тихо, ко сну клонит.

Он пел озорные частушки и мастерски сшибал кнутом липкие фиолетовые головки придорожного татарника.

На пятнадцатом километре от села они свернули с грейдерной дороги, и бидарка легко покатилась вниз, в широкую падину, на склоне которой в дремотном покое расположился межколхозный дом отдыха «Роднички».

На широкой узорчатой арке сияли крупные бронзированные буквы: «Граждане СССР имеют право на отдых».

Над воротами, путаясь в ветвях акации, струился ленивый пахучий дымок.

«Тетя Люба варенье варит, — догадался Галанин. — Сейчас попробуем свеженького».

Галанин угадал. Директор дома отдыха «Роднички» Любовь Степановна, подостлав коврик, стояла на коленях перед большим медным тазом, в нем клубилась и побулькивала розовая ароматная пена.

Белый халат, белая косынка, белые кудри, чуть выбившиеся из-под нее, белое полотенце на плече — тетя Люба казалась сахарной. Но шумное приветствие Галанина она едва кивнула головой, — не сахарная, а снежная, ледяная. Суровым взглядом она окинула кузнеца, опирающегося на палочку, и решительно заявила:

— Котова не приму: он хирургический. Надо же понимать, товарищи, у меня не госпиталь, не клиника, а дом отдыха.

— Какой же он хирургический? — удивился Галанин. — Вы гляньте на него: парень, как огурчик. Просто выполнил годовую норму за пять с половиной месяцев, вот и премировали путевкой. Предложили ему Крым, Кавказ, а он не желает по случаю хорошего здоровья. Желаю, говорит, к тете Любе и больше никуда. Ну что ты с ним поделаешь?

Тетя Люба смягчилась:

— Пройдемте в кабинет, товарищ Котов, а вы, товарищ Галанин, приглядите за вареньем, огонь держать самый маленький.

Овладев ложкой, Галанин с блаженным видом подсел к медному тазу.

Из сиреневых зарослей вышел бритоголовый человек в полосатом костюме матрацной расцветки. Это был бухгалтер «Луча» Василий Иванович Нырков. Рядом с ним шла охотничья собака. Увидев Галанина, собака с радостным визгом бросилась к нему, нацеливаясь лизнуть в щеку.

— Отстань! — защищался Галанин, поднимая над головой ложку с вареньем. — Да отстань же, обваришься! Тьфу, черт! И как ты ее терпишь, Нырков, эту глупую тварь?

— Глупая тварь... Правнук Сильвы и Кина Третьего, победитель трех полевых испытаний, большая золотая, шесть запросов на вязку из разных республик и областей — глупая тварь? Много ты понимаешь... Лютик, отставить!

Собака улеглась, не утрачивая радостно-взволнованного настроения.

— За мной приехал, Кузьмич? — упавшим голосом спросил Нырков.— Просто не понимаю: неужели Клавдия не справляется? Подготовленный же счетный работник.

— Гм, а тебе, видно, тут больно по душе пришлось. Как кормят?

Нырков провел пальцем по горлу: во!

— А роба почему такая?..

— Форма. На всех курортах носят. Я так полагаю, для приметности: вздумал ты, допустим, убежать домой, так тебя за пять километров со всех сторон видно: вот он, путевку недоиспользовал!..

— Ладно уж, не плачь. Я тебе напарника привез — Котова.

Бухгалтер растрогался:

— Ну, честное же слово, ты все-таки передовой человек, Яков Кузьмич. Да и как иначе? Тельмановцы троих прислали, «Красный пахарь» — четверых, «Рассвет» — троих, ильичевцы — двоих и так далее. А наш «Луч» в бедняках ходит... Дай-ка я подержу ложку, а ты дровец подложи.

— Отдыхай, Нырков, чего ты тут будешь с ложкой гнуться, силы тратить! Я уж сам какнибудь.

Одетый в полосатую пижаму, кузнец Котов проследовал за тетей Любой из канцелярии в нижний этаж приземистого голубого корпуса. Собака с какой-то неистовой радостью бросилась к кузнецу.

Нырков пояснил торжествующе:

— Проанализируй этот факт, Кузьмич: человека выкупали под душем, обрядили черт знает как, ни на кого не похож, а Лютику наплевать: он чует запах железа и угля, думает, что это ружье и порох. Чутье!

* * *

Обедали на открытой веранде нижнего этажа. Здесь собралось сорок два человека, все население санатория: мужчины в одинаковых полосатых пижамах и женщины, одетые каждая на свой вкус.

Нырков представил Котова:

— Наш новый товарищ Андрей Павлович Котов, стахановец из колхоза «Луч». Проходи, Андрей Павлович, садись. Да ты не стесняйся, будь, как дома, — народ здесь свой, простой народ.

Котов снисходительно улыбнулся:

— И что ты меня учишь, товарищ Нырков? Это я тебя должен учить. Для тебя, может, это в новинку, а я во время войны раза два побывал в госпитале, дело привычное.

— Правильно! — подтвердил голос из-за соседнего стола. — Мы тут, почитай, все такие.

— Нет, неправильно, Пшенников, — возразила тетя Люба. — Нельзя смешивать госпиталь и дом отдыха. И вы, Котов, пожалуйста, не путайте. У нас здесь больных нет, все люди здоровые, веселые и соревнуются, чтобы быть еще здоровей, еще веселей.

— Чего же лучше! — согласился Котов, принимаясь за еду.

Тетя Люба, стоя посредине зала, командирским взором окидывала столовую; временами она помогала официантке, румяной полногрудой красавице Поле.

Среди отдыхающих Котов знал многих. Тут был конюх из колхоза «Парижская Коммуна» Строгалев, птичница из колхоза имени Тельмана Татьяна Зобнина, опытник из колхоза имени Ильича Маслов, трактористка Лиза Миронюк, бригадир молодежной бригады из «Рассвета» Валентина Чулкова, чабан-орденоносец из «Красного партизана» Никон Калюжный.

Калюжный сидел за одним столом с Нырковым и Котовым. Четвертое место за тем же столом занимала Вера Ломакина, зоотехник колхоза «Привет рабочим», рослая женщина лет тридцати, одетая в длинный цветистый сарафан. Губы ее слегка подкрашены, ногти вишнево-красного цвета: модница.

Ломакина приглядывалась к кузнецу:

— Сказали, новенький приехал, девчата наши обрадовались: думали, кавалер. Оказывается, тоже папаша, тоже женатый.

— А какая разница между женатым и неженатым? — спрашивал Нырков, сверкая веселыми глазами. — На лбу, что ли, написано?

— Да, и на лбу написано,— насмешливо подтвердила Ломакина. Она даже наклонилась вперед, чтобы разглядеть тщательно обритую, но все же явно седую голову колхозного бухгалтера.

Нырков отшучивался, болтая без умолку. Когда подали клубнику со сливками, он совсем по-мальчишески пропел над тарелкой: «Калинка-малинка моя...»

Калюжный осуждающе пожал плечами.

— Вот, ты смотри, какая штука, — сказал он Котову, показывая на бухгалтера. — У человека третья дочь на выданье — мы же с ним ровесники, — а он, как все одно парубок, озорует.

— Сбрей бороду, — посоветовал Нырков, — и ты будешь парубком.

* * *

При выходе из столовой Ломакина обняла за плечи стройную мелкорослую девушку Валю Чулкову:

— Трудно тебе, деточка, сидеть под арестом?

— Ну, какой же это арест? По часам занимаюсь, по расписанию, а потом отдыхаю, как все. Даже весу прибавила.

Валя готовилась к экзаменам в сельскохозяйственный институт. Правление «Рассвета» дало ей месячный отпуск на подготовку и направило под особое, строжайшее наблюдение тети Любы.

Нырков подвел Котова к стенгазете «За здоровый отдых»:

— Сюда помещаются отзывы и благодарности отъезжающих. Кроме того здесь публикует заметки Пшенников, псевдоним «Отдыхающий».

Пшенников стоял тут же, недружелюбно посматривая на Ныркова. Это был плечистый, коротко остриженный человек с большими темными, тоскливо поблескивающими глазами. Полосатая пижама не по росту малого размера прибедняла его.

— Что, брат, — пошутил Нырков, — плохое у тебя настроение?

— Плохое. И кормят хорошо, и воздух хороший. Да шуму много. Из-за тебя и тишины настоящей нет.

Котову понравился ответ Пшенникова. Нырков — неплохой человек, но излишне болтлив.

По пути в палату Нырков рассказывал:

— Тишины у нас хоть отбавляй. Да не в этом дело. Парень страдает последствиями контузии. Ему бы себя поберечь, а он день и ночь вздыхает о Поле-официантке, сватается к ней: мы, мол, с тобой односельчане, и то, и се, и прочее. А она ему отпор. Вот он и злится. А в общем живем, как жили наши предки в раю до грехопадения, — тихо, дружно. Читаем, два раза в неделю слушаем отличные политбеседы тети Любы. Ты же помнишь, она до войны была лектором райкома партии, разъезжала по селам, читала на курсах председателей колхозов. Теперь по состоянию здоровья ушла на тихую работу. И верно — работа тут тихая. А если бы ты знал, какие карпы ловятся в пруду!.. По воскресеньям приезжает ансамбль районного Дома культуры.

* * *

Палата, где помещались Нырков, Калюжный и Котов, была прохладна и немного сумеречна от ветвей, затеняющих окна. Клумба перед окном за полосой тени пылала огненной краснотой крупных цветов довольно вычурной формы. Нырков назвал эти цветы каннами.

— Канны... — повторил раздумчиво Калюжный, вытягиваясь на кровати. — Я их видел перед войной в Москве на выставке... Ну, давайте соблюдать мертвый час.

Он закрыл глаза, почмокал губами и тотчас же уснул.

— Режим соблюдает минута в минуту, — шепотом рассказывал Нырков. — За семнадцать дней прибавил четыре с половиной килограмма.

Котов не раз слышал и читал о Калюжном. Этот знаменитый чабан делал доклад на сессии Академии наук о борьбе с глистными заболеваниями овец. В гостях у Калюжного дважды бывал академик Скрябин. По словам Ныркова, Калюжный — один из самых богатых людей района. Премии, премии и премии. Перевыполнил план по настригу шерсти — премия, за чистоту шерсти — премия, за высокий приплод и сохранение — премия, за нагул — премия. И у сына по всем статьям премии, и у дочери премии.

— Ты как будто завидуешь Калюжному, дорогой товарищ Нырков?

— Ну, что ты! Не ошибусь, если скажу, что у Калюжного полсотни тысяч на книжечке лежит. А завидовать зачем? Мы же с ним друзья детства, однолетки, вместе росли, вместе овец пасли у Тумачихи, у помещицы, которая жила здесь, в «Родничках», в этой самой усадьбе. Теперь уж ее никто не помнит, а мы с Никоном — первые, самые ранние члены колхоза — иногда вспоминаем и гордимся: вот мы какие нынче стали!

* * *

Нырков, Калюжный и Котов в сопровождении Лютика неторопливо шли по узеньким темным аллеям. Старые, необхватные акации и вязы слились своими кронами. Сквозь них простреливали пики пирамидальных тополей. Сирень, боярышник и бузина вольно и беспорядочно расселились между деревьями-великанами. От плодового сада сохранилось несколько десятков старых яблонь и груш, теснимых предприимчивой ольхой. Диковатый парк этот оживляли свежие, хорошо прочищенные и посыпанные песком дорожки с зелеными скамейками по бокам. Дорожки вели к большому пруду. Вдали, на восточном берегу пруда, виднелись тщательно разлинованные грядки огородных плантаций колхоза «Рассвет»; у самой воды, в прогалине между камышовых зарослей, постукивал двигатель. На плантациях кипела трудовая жизнь.

По эту сторону пруда, под старыми узловатыми ивами, собрались отдыхающие. Взобравшись на толстую горизонтальную ветвь, Вера Ломакина играла на гитаре и пела, у ног ее, сидя и лежа на траве, подпевали молодые женщины и девушки. Тут же белел халатик официантки Поли, поблизости от нее вздыхал Пшенников. Рассветовцы кричали с той стороны:

— Идите морковь полоть!

— Нам некогда! — отзывались отдыхающие. — Мы выполняем план отдыха!

Нырков вел Котова и Калюжного к своему рыбацкому мосту. Там, по его рассказам, среди осоки и камыша, били роднички, образуя на дне пруда еле заметное течение. К родничкам на заре подходила крупная рыба.

— Вот увидишь, какое местечко...

В это время Пшенников, отделившись от женщин, торопливо подошел к Котову:

— Слушай, гвардии старший сержант. Ты, видно, не узнаешь меня.

— А это же наш товарищ Пшенников! — воскликнул Нырков.

— Ты, Нырков, иди! — строго распорядился Пшенников. — Иди своей дорожкой. Ты войны не нюхал, и дело это тебя не касается. Вон у тебя собачка есть, ты с ней и играй.

Калюжный и Нырков скрылись за кустами. Котов всматривался в лицо Пшенникова, в его большие темные глаза — такие тоскливые глаза бывают у людей, когда припекает боль.

— Не люблю я этого вашего бухгалтера, — сказал Пшенников. — Он, наверно, растратчик либо вообще... ловкач какой-то.

— Да нет, не замечалось. Мужик честный, только немного вертлявый, поболтать любит. И приврет, так не дорого возьмет, потому что охотник. А по работе строгий товарищ, аккуратный... Да. Так вот, значит, и встретились. А я смотрю: будто лицо знакомое.

Котов не мог припомнить, где и как встречал Пшенникова, скорей всего нигде никогда не встречал. Пшенников улыбался дружественно и светло:

— Гвардии капитана Маркарьянца помнишь?

— Маркарьянц? Ну как же! Героический был капитан.

— А это ж я его четыре километра на себе нес, когда его в бедро ранили. О том, как я его нес, гвардии полковник Аксенов рассказывал перед строем.

Фамилию Маркарьянца Котов припомнил, полковника Аксенова он знал хорошо, но вне всякой связи с фамилией Пшенникова.

— Пойдем к девчатам, — предложил Пшенников, — с ними веселей, чем с тем гололобым.

Котов подчинился, хотя его тянуло к Ныркову, к рыбацким делам. Вести занимательные разговоры с женщинами он не умел. Пшенников тоже не отличался находчивостью.

— Фронтовой дружок, — рекомендовал он, подводя Котова к женской группе.

На женщин это не произвело никакого впечатления. Официантка Поля снисходительно улыбнулась. А Пшенников смотрел именно на нее. Тогда Котов понял, что от него требуется. И он заговорил:

— Да, брат, показал ты тогда класс! Весь полк о тебе говорил. Под перекрестным пулеметным огнем идет боец, несет на руках раненого командира... К земле припадет, опять поднимется, несет. Кто такой? А это наш гвардии... Пшенников. Просто на удивление всему фронту...

Котов сочинял старательно, даже вдохновенно. Слушала его с детским вниманием худенькая Валя Чулкова. Ломакина, сидя на дереве, слегка наклонила голову, пальцы ее рассеянно перебирали струны, она слушала и гитару и кузнеца. А Поля улыбалась явно пренебрежительно, будто она разгадала замысел бывших фронтовиков: привел парень свата-кузнеца, а тот, гляди, распинается, выхваляет...

Кузнец обиделся и умолк. Обиделся на Полю за ее румяное равнодушие, на Пшенникова с его нелепым, неумелым ухаживаньем и больше всего на себя: чего ради он-то полез в чужое дело?

Пшенников сиял:

— Да. Жарко нам тогда было под Матвеевым курганом!

Матвеев курган... Теперь для Котова хоть кое-что прояснилось. Под Матвеевым курганом в самом начале боев он получил первое тяжелое ранение. Потому он и не знает ничего о подвигах Пшенникова. Однако это обязывает его продолжать поддержку, и он сказал не очень уверенно:

— Ордена, конечно, даром не дают...

И попал в точку. Оказалось, что у Пшенникова имеются орден и три медали. А теперь он добился немалых успехов в мирном труде. Правда, здоровье иногда подводит, но в санатории он хорошо подремонтировался. Вернется в колхоз «Путь к коммунизму» и сразу поднимет выработку кирпича на заводе, которым он заведует. Пусть добрые люди строятся. Самому Пшенникову кирпич не нужен: у него и дом и двор в полном порядке...

— Она же не слушает тебя, — шепнул Котов.

Поля весело болтала с ближайшими соседками. Котов отвел Пшенникова в сторонку:

— Не по себе дерево рубишь, односум. Ну чего ты льнешь к ней, к этой... вертихвостке?

Пшенников даже отшатнулся:

— Как вертихвостке? Да ты же ее не знаешь. Она очень самостоятельная женщина.

— В таком случае извини, брат. Я человек семейный и в этих делах очень слабо ориентируюсь.

— А я и совсем никак не ориентируюсь, — опустив глаза, сознался Пшенников. — Как ушел на действительную, потом война, потом госпиталь да госпиталь, комиссия, перекомиссия, вторая категория инвалидности...

— Думается мне, что ты не так действуешь, односум. Надо выбрать какой-то такой подходящий момент, что ли...

— Выбирать, браток, некогда! — горестно воскликнул Пшенников.— Мне ведь уезжать скоро.

Котов пожал плечами:

— И до чего же я не специалист по этой части! Другое дело — в артиллерии. Скажут: подбрось огонька — и все ясно. А тут... Черт ее знает, чего куда подбрасывать! В общем, будь друг, отпусти ты меня, пожалуйста, у меня... нога не в порядке...

Нырков и Калюжный спорили о собаках.

— Красота-то она, конечно, красота, — говорил Калюжный, погла-

живая Лютика громадной коричневой ладонью. — Да ведь волк же ее, эту красоту, одним махом перекусит напополам. Правильно я говорю, Лютик? Эх ты, Лютик, Лютик... А у меня дочка назвала одного щенка Гувером. Ну, посмеялись, поругал я дочку. Вырос волкодав на загляденье всем, а кличка так и прилипла: Гувер, Гувер... Испозорили кобеля.

— Ты, Никон, не дорос до понимания красоты, — утверждал Нырков. — Ведь если говорить по-настоящему...

И генеалогия Лютика вновь и вновь засияла неслыханными богатствами. Лютик — новое слово в собаководстве эпохи подъема охотничьих страстей. Жаль, что сейчас запретный сезон, а то бы все увидели, что такое античная стойка.

Котову хотелось рассказать смешную историю пшенниковской неудачной любви, но он не рассказал ее сытым и беспечным собаколюбам.

— Что там у Пшенникова? — равнодушно спросил Нырков.

— Да ничего... Хороший он, героический мужик.

Нырков лукаво улыбнулся, и Котов вдруг почувствовал неприязнь к этому развязному, самоуверенному человеку.

* * *

Вечером танцевали под радиолу. Распоряжались танцами Нырков и Ломакина. Ломакина, меняя измученных кавалеров, кружилась самозабвенно и была очень красива. Глядя на нее, старая птичница Татьяна Зобнина раздумчиво покачивала головой и вздыхала:

— Так и пышет от бабочки, так и пышет. Брызнуть водой — пар пойдет, как от каменки. И мужик у нее был такой же горячий. Да и сгорел на войне. А она все ждала. Из доярок в зоотехники вышла, — мол, приедет Костя, глянет... А глядят-то другие...

Многие любовались Ломакиной и бурно аплодировали. Пшенников сидел неподалеку от Котова под крупным электрическим фонарем и внимательно наблюдал, как ночная бабочка ползает по его рукаву, спотыкаясь о складки.

Поля не появлялась, и Пшенников больше не заводил с Котовым разговора о ней. Казалось, он сердится на Котова: «Вот не было печали!» Котов решительно встал и отправился на кухню.

— Выдь-ка на минутку, — поманил он пальцем Полю.

Она вышла, приглядываясь к кузнецу с веселым недоумением.

— Пройдемся, — предложил Котов.

— Ну что же, пройдемся, коль такое дело.

Поля взяла его под руку и так тепло и плотно прижалась к плечу, что Котов на минуту смутился: странно, гм...

Они шли в глубь сада.

Поля тихонько смеялась:

— Повел... Смотри, какой решительный, — сразу взял и повел, и побог знает куда и зачем. Видать, отчаянный.

Котов откашлялся, крякнул:

— Я, Поля, хотел про Пшенникова поговорить.

— Про Пшенникова? А я думала, про себя. Давай лучше про себя, очень интересно послушать.

— Геройский он человек, Поля.

— Геройский?.. А ты не геройский? А? Не геройский?

Поля приблизила свое лицо к лицу Котова, обдавая его свежим, здоровым дыханием.

— Ну? Геройский или не геройский?.. То-то же!

Она отстранилась и резко переменила тон:

— Пшенников — герой, Нырков — герой, Калюжный — герой, Котов — герой, все в орденах, все в медалях, все в заслугах, все хорошие, все умные. А бабы — дуры, ничего не видят, ничего не понимают. Ей, дуре-бабе, разжуй конфетку да в рот положи, и то она ничего не поймет. Так, что ли? Эх ты, герой!

Притронувшись к фуражке Котова, она надвинула ее на самый нос кузнеца и убежала. Издали крикнула негромко:

— Не серчай! Мужик ты все-таки хороший, честный!

Этакое непутевое приключение! Путают добрых людей разные Пшенниковы. Может, он и под Матвеевым курганом не был, а ты тут переживай за него... Гм... Да... А она ничего... И как отбрила! Рассказать, так засмеют люди глупого «свата».

* * *

Приехал Галанин. Он появился во время мертвого часа. Осторожно приоткрыв дверь, он заглянул в палату, потом вошел на цыпочках, не произнося ни звука, и спрятал под койку Ныркова камышовую корзиночку.

— Уф! — заговорил он шепотом, обтирая пот со лба. — Можно сказать, по-пластунски проникал. И... чуть-чуть не нарвался на тетю Любу, спасибо, в сад свернула.

Нырков извлек из корзинки жестяной бидон, открыл, понюхал.

— Мускат!.. Эх, ну до чего же ты тонкий, душевный человек, Кузьмич! Ведь это только подумать!

Сладостное нарушение санаторного режима началось в полной тишине. А тетя Люба подоспела уже в момент, когда Галанин говорил большую речь.

— «Роднички»! — восклицал Галанин. — Что такое «Роднички»? Это проба, репетиция. Разве мы, двадцать три колхоза, не можем построить свой районный санаторий на Черноморском побережье? Можем и построим. Из мрамора. И пальмы кругом!..

Тут и вошла в палату тетя Люба.

Галанин растерялся, умолк, а чуть оправившись, предложил тост за здоровье тети Любы и подал ей наполненный стакан. Тетя Люба выпила без видимого удовольствия и сказала:

— Натуральное вино полезно. Разбогатеет наш санаторий будем подавать к столу. Жаль, что нет своего виноградника. Вот если бы вы, Галанин, расщедрились да дали бы сотню кустиков санаторию.

— Сотню? Галанин тысячу даст. Для такого благородного дела, как санаторий, где куется здоровье тружеников сельского хозяйства, Галанин готов дать не тысячу, а две тысячи кустов!

— В меру, товарищи, в меру, — посуровев, сказала тетя Люба, забирая бидон с вином. — Все надо делать в меру. И с вином также. У меня в кабинете есть мерная мензурка. Загляните завтра перед обедом в кабинет, там поговорим.

...Назавтра провинившиеся не пришли в кабинет тети Любы, а сутки спустя в «Родничках» произошло событие, взволновавшее всех.

В середине знойного дня к воротам подошел грузовик. Шофер, заглядывая в ворота, крикнул:

— Пшенников! Эй, Пшенников! Давай будем ехать! Сколько ты там килограммов прибавил?

— Здравствуй, Сергей! — отозвался Пшенников. — А прибавка у меня, видишь ли, большая.

Пшенников нес, перебросив через плечо, два чемодана и здоровенный узел. За ним шла официантка Поля, перегруженная узлами, коробками, бумажными свертками. Отъезжающих сопровождала тетя Люба. Она обняла и поцеловала Полю, потом поцеловала Пшенникова:

— Желаю вам самой, самой счастливой жизни!

И они уехали.

Все это произошло в течение нескольких минут на глазах неторопливых родничковцев, стягивавшихся к воротам.

— Что же это такое? — спрашивал Нырков. — Что вы им сказали тетя Люба?

— Ну... что в таких случаях говорят? Я пожелала им счастья.

Нырков разводил руками:

— Не понимаю, в чем тут суть.

— Суть в том, — сказала Ломакина, — что он ее любит.

— Ну и что?

— Как что? По-вашему, это мало? Эх, товарищ Нырков, товарищ Нырков! Бухгалтерия! Костяшки у вас стукают, а сердце не стукает.

Ломакина говорила с некоторой запальчивостью.

Курортники расходились по аллеям группами, обсуждая чрезвычайное происшествие. И удивительное дело: вся мужская часть санатория, весь «нижний этаж», не одобряя решения Поли (может быть, тут играло роль мелкое, эгоистическое чувство: Пшенников «похитил» такую хорошую, такую милую официантку, теперь ее будет заменять старая посудница Прокофьевна).

Женщины почти единодушно признавали, что Поля поступила правильно. Поля — умница. И ради чего эта прекрасная женщина будет торчать в санатории? Официантка и только. А в колхозе она может расти, может стать знаменитым человеком. И Пшенников с ней в гору пойдет — вот увидите; отличный он парень, под стать Поле.

— Да он же бесхарактерный, мямля! — настаивал Нырков.

— Нет, — решительно вступилась тетя Люба. — Вы плохо разбираетесь в людях, Нырков. У Пшенникова настойчивый характер.

— Один товарищ Котов по-настоящему знает и ценит Пшенникова! — сказала вдруг Ломакина. — И Поля просила меня передать горячий, искренний привет и пожать руку товарищу Котову.

Она стремительно приблизилась и пожала руку кузнеца, покрасневшего до пота от незаслуженной похвалы, от недоуменных взглядов сопалатников. Котов припомнил сцену в темной аллее и стыдливо надвинул фуражку до самого носа. Тетя Люба вручила Ломакиной ключ.

— Вера, пройди с этими товарищами в канцелярию, там есть одна вещь, они знают, какая, и знают, как с ней надо поступить в такой хороший день.

УЧЕНЫЙ, ПАТРИОТ, ГРАЖДАНИН

Профессор А. К. ТИМИРЯЗЕВ

На улице Грановского, в Москве, на стене дома № 2 укреплена мемориальная доска:

«В этом доме жил великий русский естествоиспытатель, пламенный борец за науку и демократию Климент Аркадьевич Тимирязев».

Здесь, в его квартире, в 1941 году, в дни героической обороны столицы, был учрежден музей. В этих комнатах он готовил к печати свои классические труды: «Исторический метод в биологии», «Солнце, жизнь и хлорофилл» и знаменитый сборник статей «Наука и демократия». Здесь он работал, избранный народом в депутаты Московского Совета.

Широко известный художественный фильм «Депутат Балтики» рисует К. А. Тимирязева в образе профессора Полежаева. Внешность воспроизведена с точностью изумительной. Однако Климент Аркадьевич показан несколько чудаковатым человеком. На самом деле эта черта ему не была свойственна, так же как и вспыльчивость.

К. А. Тимирязев горячо приветствовал Октябрьскую революцию. Он возмущался теми учеными, которые уклонялись от сотрудничества с советской властью. Вспоминается случай, происшедший после заседания Ученого совета Наркомпроса, в работе которого Тимирязев принимал весьма активное участие.

Ему рассказали, что кое-какие группки профессоров саботируют начинания Наркомпроса, и спросили:

— Как, по-вашему, следует здесь поступить?

— Что делать? Разогнать! — решительно ответил ученый.

— Что вы, разве это можно? А что тогда скажет Европа?

— Пусть говорит, что хочет! — оборвал отец.

Прочитав его статью об А. И. Герцене, можно понять, какую Европу он имел в виду. Прежде всего реакционную Францию Клемансо — Пуанкаре, социал-предателей, стремящихся восстановить царизм в России.

Он сравнивает судьбу Парижа с судьбой Москвы. Если в 1870 году в Москве за простое упоминание имени Герцена закрывались газеты и профессора лишались кафедры, то спустя полвека «на дворце царей развевается красное знамя социалистической республики. Красная Армия... на небывалом в мире протяжении фронта поражает друзей французской и всемирной буржуазии, задумавших восстановить царизм...»

Тимирязев называл Герцена провидцем, выступавшим вдохновенным пророком грядущей социалистической России, «реальным, проницательным и бесстрашным вершителем» которой стал великий Ленин.

«Пророчество Герцена осуществилось на наших глазах и, вспоминая крик отчаяния, когда-то вырвавшийся у его лучшего друга — Огарева:

Скажите, как, какою силой
Закон природы извращен,
Восходит с запада светило,
А на востоке мрак и сон? — мы теперь

отвечаем,— нет! Перед русским народом уже раскрылась возможность восстановить этот закон природы. Заря светлого будущего уже зарделась на востоке!»

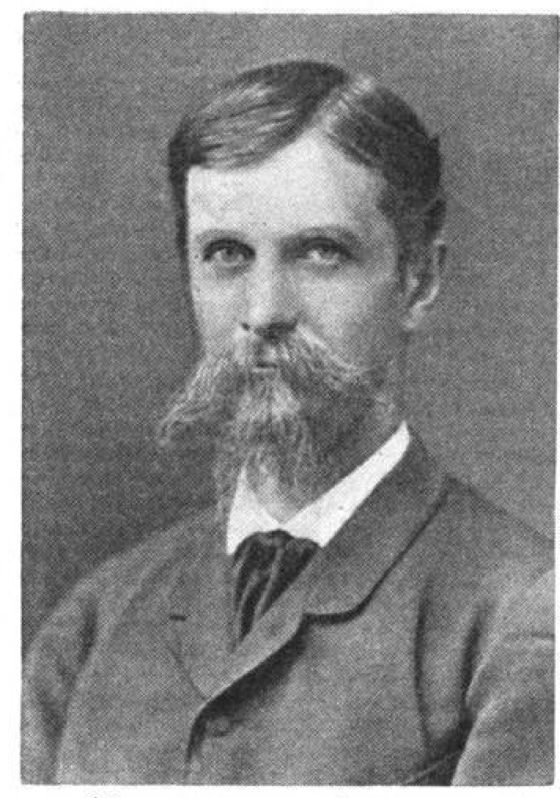
Это было сказано тридцать лет назад. Сегодня эти пламенные, шедшие от сердца слова звучат с новой силой, они приобрели большое международное значение. Советский Союз — оплот мира во всем мире — под водительством товарища Сталина возглавляет растущий и крепнущий с каждым днем несокрушимый лагерь демократии и социализма.

* * *

Как развивались политические взгляды К. А. Тимирязева?

В нашей семье хранится такое предание: когда спросили деда, какую карьеру он готовит своим четырем сыновьям, Аркадий Семенович сказал: «Сошью я пять синих блуз, как у французских рабочих, куплю пять ружей и пойдем с другими на Зимний Дворец!»

Благотворное влияние на мировоззрение Климента Аркадьевича оказал его отец, человек прогрессивных взглядов, числившийся в списках «неблагонадежных».

Климент Аркадьевич Тимирязев.

В первые же годы пребывания в Петербургском университете Климент Аркадьевич — активный участник студенческих забастовок. Собственным трудом зарабатывая себе на жизнь, он не думал о карьере. Его изгоняли из университета, травили, грозили высылкой, но он всегда оставался подлинным борцом с «общественной неправдой», с реакционерами.

Студенческие работы Климента Аркадьевича — «Гарибальди на Капрере», «Голод в Ланкашире» — полны революционного огня. Властителей дум передовой части русского общества того времени — А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева — он называл своими учителями. Воспитанник Д. И. Менделеева, ботаника А. Н. Бекетова, слушатель лекций И. М. Сеченова, он стал материалистом, поборником учения Ч. Дарвина.

Считая своим долгом, общественной обязанностью пропаганду дарвинизма, Тимирязев выпускает в 1865 году блестящую книгу «Краткий очерк теории Дарвина», по которой русский читатель впервые познакомился с эволюционным учением. Она и поныне не утратила своего значения.

Интересно отметить, что выход «Краткого очерка» совпал по времени с возникновением в Москве Петровской сельскохозяйственной академии, обязанной в огромной мере своей славой научной деятельности К. А. Тимирязева. Инициатива приглашения сюда Климента Аркадьевича принадлежала известному химику профессору П. А. Ильенкову.

Несколько поколений агрономов и деятелей русской науки воспитал Тимирязев, заслуживший имя патриарха русской агрономии и одного из основателей исторического метода в биологии. Его судьба как ученого поистине исключительна: он одинаково близок физиологам и ботаникам, физикам и химикам, генетикам и селекционерам.

Он учил молодежь не только ботанике и физиологии растений. Он воспитывал у своих учеников чувство гражданского долга, любовь к истине.

«Инициатива всех происходящих в среде московских учащихся беспорядков, безусловно, принадлежит студентам академии», — сообщало московское охранное отделение. И, конечно, «блюстители порядка» считали во многом повинным Климента Аркадьевича. Реакционная газетка «Гражданин», пытаясь расправиться с неугодным ей ученым, с ужасом доносила, что «профессор Петровской академии Тимирязев на казенный счет изгоняет бога из природы».

Продажные писаки имели в виду его настойчивую, неизменно успешную борьбу с мракобесами — проповедниками теологии, носителями идеалистических взглядов, искавшими у растения не только органы чувств, но и душу.

Воинствующий материалист, он сразу разглядел всю реакционную сущность упражнений Вейсмана—Менделя. В личной библиотеке Климента Аркадьевича стоят и книжонки этих «каракатиц» с его гневными комментариями. «Ругань с идиотами» — так он озаглавил папку, где подбирал материалы, разящие антидарвинистов.

Полицейские репрессии против передовой профессуры и лучшей части студенчества вызывали горячий протест молодежи, всегда находившей поддержку Тимирязева.

Однажды после арестов участников очередной студенческой сходки петровцы решили впредь до освобождения товарищей не посещать лекций. Тогда директор академии обязал профессуру в точности выдерживать расписание, читая хотя бы перед пустой аудиторией.

В ответ на это распоряжение Тимирязев язвительно спросил директора:

— Где следует читать эти лекции — в Бутырской тюрьме, куда упрятали большинство студентов, или в аудиториях, где почти никого не бывает?

Климент Аркадьевич отдал полвека высшей школе. Это были годы его блистательного успеха как ученого-исследователя, натуралиста, страстного пропагандиста дарвинизма и материализма, как несравненного лектора и педагога, любимца студенчества.

Но чем больше возрастал научный авторитет борца-демократа, тем сильнее множилось число его недругов. Царедворцы и их приспешники усердствовали, лишь бы остановить, нейтрализовать его влияние на общество и науку. Чтобы он не «заражал» Петровскую академию «зловредным присутствием», его в 1892 году удаляют из высшей агрономической школы.

Принужденный в 1911 году также оставить разгромленный министром Кассо Московский университет, Тимирязев писал: «В настоящем году я могу праздновать своеобразный юбилей: 50 лет тому назад я был вынужден уйти из Петербургского университета, как студент, в настоящем — я вынужден уйти из Московского, как профессор».

Владея в совершенстве учением о лучистой энергии, он всю силу своего выдающегося таланта направил на решение величайшей задачи: до конца проникнуть в энергетику основного жизненного процесса — усвоения углерода зелеными частями растений под влиянием солнечных лучей. И ему выпала честь неопровержимо доказать, что источник накопленной растением энергии — действительно солнечный свет и что именно красные, а не желтые лучи сильнее всего влияют на усвоение углекислоты.

Из года в год Тимирязев улучшал приборы собственной конструкции. Создав микрозвдиометр, Тимирязев сумел вести анализ газа с точностью миллионных долей кубического сантиметра. Однако не без горечи он говорил: «Эти методы вошли в общее употребление, но приписываются различным немецким ботаникам только на том основании, что они применяли их через 20—30 лет позже меня».

Не раз Климент Аркадьевич представлял отечественную науку на международной арене, и представлял блестяще, утверждая ее превосходство во многих областях знания. Триумф всей русской науке и мировую славу К. А. Тимирязеву принесла прочитанная им в 1903 году в Лондоне знаменитая лекция «Космическая роль растений». Эта лекция была глубоким обобщением 35-летних исследований ученого, посвященных наиболее сложным проблемам естествознания.

Его классические работы сыграли важную роль в развитии многих отраслей науки. Свою магистерскую диссертацию он посвятил хлорофиллу — «этому, быть может, самому интересному органическому веществу», — как сказал Дарвин, когда Тимирязев посетил его в Дауне, близ Лондона. Дарвин подарил Клименту Аркадьевичу свой портрет с автографом.

Советская наука благодарна Тимирязеву за его колоссальную работу по дарвинизму. Ее ценность не только в строго научном материалистическом изложении системы и принципов эволюционного учения, но и в развитии и творческой разработке этой теории, владеющей умами советских биологов.

Климент Аркадьевич рассматривал задачу о двух колосьях, как самый жгучий, самый коренной вопрос, который в ближайшем будущем предстоит разрешить в нашей стране.

Ныне эта задача успешно решается на необъятных просторах социалистических полей свободным, творческим трудом колхозников в союзе с самой передовой в мире агробиологической наукой — наукой Тимирязева, Мичурина, Вильямса, Лысенко.

Гениальный мастер научной популяризации, Климент Аркадьевич помогал земледельцу освободиться от «власти земли». Еще в дореволюционной России имя Тимирязева снискало себе редкую тогда для общественного деятеля известность.

«Поражаешься, — писал в 1911 году А. М. Горький, — откуда в Посаде Снеговом, Херсонской губернии или в Осе Пермской, знают Тимирязева, часто спрашивают его «Жизнь растения»?».

Эта книга, написанная более 70 лет назад, попрежнему увлекает. Ее страницы возбуждают интерес читателя не только к результатам, но и к самому процессу исследования и его методологии, сочетающей физиологию с земледелием.

Тимирязев живо откликался на самые насущные потребности сельского хозяйства. В содружестве с Менделеевым он первый в России привлек внимание к минеральным удобрениям. Он очень много сделал для борьбы с засухой, и благодаря ему клевер появился на крестьянских полях.

Тимирязев ратовал за связь теории с практикой. Верный сын великого русского народа высоко ценил практические знания крестьянина, приобретенные многолетним опытом. Он требовал от ученых прислушиваться к голосу практики и учиться у нее.

* * *

«Ради него стоило прожить так долго».

Так встретил Тимирязев свободное празднование 1 Мая в 1917 году. И москвичи видели его в рядах демонстрантов под красными знаменами.

Нельзя забыть, с каким наслаждением он читал «Правду», где были опубликованы «Апрельские тезисы» В. И. Ленина.

Многочисленные замечания, сделанные его рукой на полях газеты, выражали глубокое понимание задач большевистской партии, открывавшей в этом замечательном ленинском документе новые революционные пути перехода страны от буржуазной революции к социалистической.

С юношеским энтузиазмом Тимирязев встретил и принял Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Это было вполне закономерно. В пролетарской революции он нашел осуществление своих идей, за которые на протяжении всей своей жизни героически боролся во имя торжества союза науки и демократии.

И, обращаясь к первым студентам рабочего факультета, Климент Аркадьевич говорил:

— «Красное знамя» — я умышленно привожу и эти два слова, потому что знаю, что мне мои коллеги из буржуазного лагеря не могут простить, что я стал под это знамя, как раз в те дни, когда темные силы всего мира набросились на него в надежде еще раз потопить его в крови. Красное знамя — это символ грядущей победы труда и знания над их врагами.

До последних дней своих Климент Аркадьевич с редчайшей энергией нес знания в народ. И он личным примером оправдывал свой призыв к молодой Советской стране: «работать, работать и работать».

Ему выпало счастье пожимать руку Ч. Дарвину. Он познал огромную радость признания своих заслуг перед советской властью величайшим гением человечества В. И. Лениным.

Весной 1920 года Владимир Ильич писал:

«Дорогой Клементий Аркадьевич!

Большое спасибо Вам за Вашу книгу и добрые слова. Я был прямо в восторге, читая Ваши замечания против буржуазии и за Советскую власть. Крепко, крепко жму вашу руку и от всей души желаю Вам здоровья, здоровья и здоровья!

Ваш Ульянов (Ленин)».

В нашу, сталинскую эпоху тимирязевские идеи претворились в жизнь, они вдохновляют советских ученых на новые достижения, помогающие народу строить коммунистическое общество.

Новые материалы о К. А. Тимирязеве

В архиве Московского университета обнаружено дело № 6 за 1904 год с лаконичной надписью «Ректорское», где хранились два документа, касающиеся Климента Аркадьевича Тимирязева.

Первый — секретное отношение московского попечителя к ректору университета:

«Министерство народного просвещения, попечитель Московского учебного округа. Канцелярия. Стол 1-й, 16 декабря 1904 г. № 1617. Москва.

СЕКРЕТНО.

Господину ректору императорского Московского Университета.

Вследствие секретного отношения Департамента Народного Просвещения от 9-го сего декабря, за № 124, основанного на приказании г. Министра, препровождая при сем полученный при том отношении № 574 газеты «Allgemeine Zeitung», в коем помещено сообщение о профессоре Московского университета Тимирязеве, честь имею покорнейше просить Вас, милостивый государь, узнать от профессора Тимирязева, достоверны ли сведения, сообщенные этою газетою, и о последующем мне донести.

Попечитель П. Некрасов».

Что же вызвало тревогу у явных и тайных жандармов от науки?

«История» началась с выступления Климента Аркадьевича перед студентами. Великий ученый резко критиковал полицейские нравы в университетах царской России. Несколько позже он опубликовал статью «Академическая свобода», где призывал в рамках, допустимых цензурой, к борьбе с полицейским режимом в высших учебных заведениях. Эта статья, напечатанная 27 ноября 1904 года в № 330 «Русских ведомостей», была впоследствии включена в знаменитый сборник «Наука и демократия», получивший высокую оценку В. И. Ленина.

Спустя несколько дней перевод этой статьи неожиданно появился на страницах немецкой газеты «Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета»).

Встревоженное университетское начальство, судя по различным пометкам на документе, скопировало предписание попечителя и вручило его Тимирязеву. Возмущенный ученый гневно ответил следующим до сих пор неизвестным письмом:

«Его превосходительству господину ректору императорского Московского университета.

В ответ на сообщенное мне Вашим превосходительством, основанное на отношении Министерства народного просвещения предложение господина попечителя, приглашающее меня уведомить, достоверны ли сведения, сообщаемые газетой «Allgemeine Zeitung» № 574 — имею честь сообщить следующее:

1) Входить в обсуждение и проверку касающегося меня сообщения иностранной газеты я лично нахожу совершенно излишним.

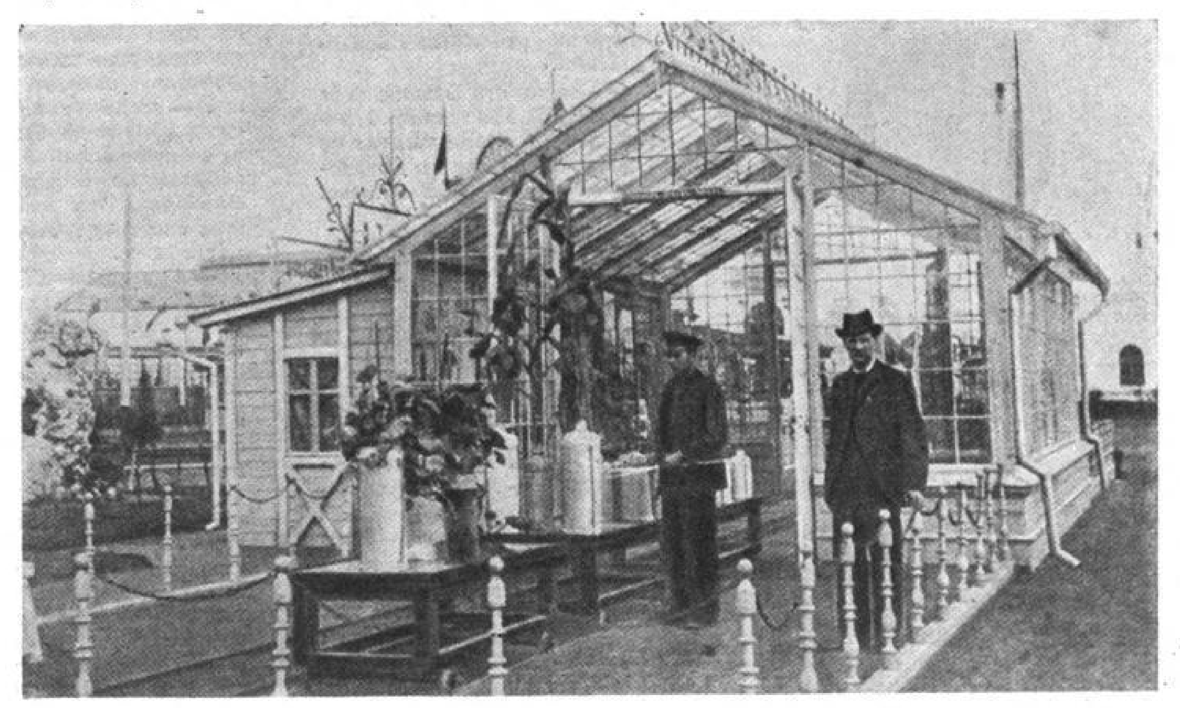
2) Если обращаемый ко мне вопрос имеет характер косвенного допроса, то я нахожу, что повод к нему не имеет законного основания.

3) Сказанное мною в присутствии нескольких сот слушателей, в стенах университета, при обстоятельствах, заранее определенных, конечно, не могло остаться неизвестным университетскому начальству, в свою очередь я не имею обыкновения отказываться от своих слов. Если имеются юридические основания для признания моих действий незаконными, то Министерство народного просвещения, конечно, не преминет подвергнуть их законному расследованию.

Заслуженный профессор К. Тимирязев».

Попытка запугать прогрессивного ученого не удалась. Нарастание революционной волны в канун 1905 года помешало царским сатрапам расправиться с великим русским естествоиспытателем. Они постарались замять всю историю.

В. ГУРЬЯНОВ

К. А. Тимирязев (справа) в теплице на Всероссийской выставке в Нижнем-Новгороде в 1896 году.

РЕБЯТИШКИ

Рассказ

Леонид БОРИСОВ

Рисунки О. Верейского

Душою всевозможных больших и малых дел, связанных с летним отдыхом и зимним спортом, был Петюшка. Это он организовал группу ребят, интересующихся засушиванием растений для гербария и ловлей птиц, это он привел однажды на лесную дачу местного аптекаря и упросил его показать лекарственные травы и способы предварительной их обработки. Петюшка увлек аптекаря, и тот согласился руководить «лекарственным кружком» — самым большим из всех, существовавших при школе. Прошло двенадцать занятий, и ребятишки уже без помощи руководителя, вполне самостоятельно, собирали корешки, цветы и травы и относили их в аптеку в таком большом количестве, что старый фармацевт только руки потирал. С тех пор ландыше-валерьяновая настойка, отпускаемая в аптеке, получила в городе неофициальное название «Петюшкиных капель», а всевозможные целебные ягоды и травы, продаваемые в пакетиках, меткий на слово покупатель стал называть «школьной сушонкой».

В первое октябрьское воскресенье на лесную дачу пришли Петюшка и Боря Казачков — его ассистент, друг и весьма изобретательная голова по части всевозможных придумок. Они затопили плиту, поставили на нее чугунный котелок с картошкой и чайник с водой, а сами принялись обсуждать план мероприятий на текущий месяц.

— Будем изучать зайца и следы животных, — сказал Петюшка, морща нос и деловито барабаня пальцами по раскрытому блокноту. — Учитель географии дал согласие провести два воскресных занятия.

— Есть кое-что получше, — заметил Боря Казачков и принялся рисовать в своей тетради корову. — Елизавета Николаевна Павлова, колхозная доярка, выделяет на это дело своего сына, — сказал он. — Учитель географии — это теория, а сын Павловой — практика.

— Это который Павлов, из восьмого класса? — спросил Петюшка, наблюдая за тем, как его приятель тушует рога и спину коровы.

— Семен Павлов — такой воображающий о себе, отличник, — проговорил Боря. — Он следы зверей знает. Запиши: поговорить с Павловым.

— Кого уполномочить? — спросил Петюшка, что-то записывая в блокноте.

— Уполномочить меня, чтобы сегодня же поговорить с сыном доярки Павловой. А еще объявить выговор Николаю Агапову за то, что до сих пор не отнес ягоды шиповника на базу.

— Спустить ему надо, — предложил Петюшка и, подбежав к плите, снял с котелка крышку, сунул вилкой в картофелину и сказал: — Слезает! Через пять минут будем есть!

— За что спускать? — спросил Боря, отделывая рисунок цветными карандашами.

— За то, что больше всех собрал. Все по восемь кило, а он двенадцать. Мы не райком и не школа, выговоры давать не имеем права. И вообще...

— Как хочешь, — согласился Боря. — Тогда внушение, чтобы не бросал начатого дела. От имени пионеротряда. Агапов — лодырь, он не сам собирал ягоды шиповника, ему девочки из четвертого класса помогали.

— Ладно, есть, — сказал Петюшка. — Про меня писать?

— Как хочешь, — отозвался Боря, укорачивая у нарисованной коровы хвост. — За тобою что?

— За мною вырезки из «Пионерской правды» за весь сентябрь, — ответил Петюшка, прислушиваясь к тому, как булькает вода в котелке. — «Клуб юного натуралиста» расклеил, а загадки и шарады... Ну и картошка в совхозе! — неожиданно перешел он на другую тему. — Прямо мука, а не картошка!

— Почему самое интересное не расклеил?

— Прокурор зачитывает. Что я с ним поделаю! — Петюшка снял котелок, слил воду в ведро и снова поставил котелок на краешек плиты. — Как придет с работы, так ему и подавай свежие номера. Сидит и решает задачи. А потом ищи, куда газета девалась!

— А ты ему скажи, — строго проговорил Боря. — Мало ему кроссвордов, которые в журналах помещают?

— С кроссвордами он в минуту справляется, — сказал Петюшка и приступил к раскладыванию картошки по тарелкам. — Десяток съешь? Черти, опять соль в сырое место поставили!

— За черта надо бы тебя оштрафовать.

— Чертом и у Гоголя ругаются: почитай про Ивана Никифоровича!

— Сказано было не ругаться, — значит, нельзя, — любуясь своим рисунком, сказал Боря. — Зимой, знаешь, что будем делать? Зимой на каникулах елку здесь, в лесу, устроим. Такого еще нигде в мире не бывало.

— Здорово! — подумав, сказал Петюшка. — Только тут у нас большую не поставишь.

— Да не тут, а в лесу. И ставить не надо, — выберем самую густую и разукрасим. Побольше стекла, поменьше картонажа. На верхушку пушистую звезду прикрепим. На каждую ветку — по свечке.

— Где вычитал? — спросил Петюшка. Он даже есть перестал. — Свечки-то зажигать будешь? Ты лес пожжешь! Кто тебе позволит?

— Не пожгу, — мечтательно улыбаясь, ответил Боря. — Выберем такую, которая подальше от других деревьев, которая на полянке. У меня таких десяток примечено. На хорошую елку сто свечей пойдет. Со всего района народ соберется.

— А ветер? — спросил Петюшка и подбежал к плите, чтобы отодвинуть вскипевший чайник. — Все обдумал, а про ветер забыл! А снег? А метель? А мороз градусов на двадцать?

— Не беспокойся, получится, — спокойно ответил Боря. — Я опыты делал: на сильном ветру вышел на берег озера и зажег свечку. Горит, как миленькая. Ясно, что на елке какой-то процент погаснет, если ветер. Только все равно: десять погаснет, а девяносто будут гореть!

— А снег? Мне, понимаешь, и самому нравится... только вот, если снег пойдет? Такие опыты делал? Не тухнет?

— Свеча потухнет, когда на один кубический метр пространства придется не меньше пятисот снежинок, — тогда они загасят свечу. А так не бывает; на один кубический метр приходится не больше сотни снежинок. При очень сильном снегопаде бывает и до двухсот.

— Где вычитал? — спросил Петюшка, разливая чай в белые эмалированные кружки.

— Интересовался, — уклончиво ответил Боря. — Я и водопроводом интересуюсь. Слыхал, что у нас в городе водопровод будут строить?

— Прокурор только об этом и говорит, — отдуваясь после каждого глотка горячего чая, сказал Петюшка. — У него составлена диаграмма, в каком городе Советского Союза что сделано. Про наш он говорит, что мы здорово отстали.

— Мой отец мечтает, как он будет торговать кранами и раковинами. Ему надоели ведра да коромысла. Ну, говорит, и товар!

— Все равно, без ведра не обойдешься, — хозяйственно проговорил Петюшка. — Твой отец загибает.

— У моего отца стаж, — гордо произнес Боря, энергично отставляя недопитую кружку. — Ты полегче!

— Откуда у него стаж, если ему и тридцати пяти лет нету, — задиристо сказал Петюшка, чувствуя, что отступать нельзя, а наступление приведет к ссоре. — Ну, какой стаж! Так, лет десять, не больше...

— Это если в «Гастрономе» торговать, — рассудительно начал Боря, прибирая со стола, — там стаж не играет роли. В «Гастрономе» один покупатель, а в сельпо совсем другой. В «Гастрономе» отпустил двести граммов сыру или полкило конфет, положил улыбочку на довесок, — и до свидания. А в сельпо что? Придет колхозник, так он все высмотрит, перещупает, на свет посмотрит, губами почмокает. Это, брат, покупатель серьезный, с ним помаешься! Отец скажет: бери граненый стакан, полтора рубля штука, а ему говорят: надоело, подавай с узорами да чтобы тонкого стекла. А таких в лавке и нету!

— Ну, вот, — оживился Петюшка. — А ты — стаж! Покупателю качество требуется, а твой отец только и знает свои граненые стаканы!

— Поругаться хочешь? — вскидывая голову, спросил Боря.

— Совсем не хочу ругаться. Пошли в колхоз!

— Пошли! Насчет елки помалкивай!

— Сам не разболтай! Ты покажи, которую елку выбрал.

Приятели закрыли дверь на ключ и направились по тропке в колхоз к Самсонову. Лес стоял оголенный, печальный. Для того, чтобы нарисовать его сейчас, понадобились бы только две краски: много черной, для изображения стволов и голых ветвей лиственных деревьев, и очень мало зеленой — для сосен и елок. Колеи лесной дороги набухли желтой студенистой водой, лужи на тропках уже не просыхали, кое-где попадались побуревшие валуи и опята, да на поверхности муравьиных куч сосредоточенно копошились посторонние жучки и мошки.

Скоро показались дома самсоновского колхоза — добротные, крытые железом и черепицей с крылечками и террасками. Сын доярки, длинный и неуклюжий подросток лет шестнадцати, был чем-то занят и на просьбу Петюшки «принять его по общественному делу» ответил:

— Обожди.

— Какого-то зверя варит, — сообщил Петюшка Боре. — Скелет хочет делать, не иначе.

Минут через двадцать на крыльцо снова вышел Семен Павлов; Петюшка наскоро объяснил ему, чего от него хотят. Восьмиклассник, выслушав, сложил губы дудочкой и засвистал.

— Ты чего? — спросил Петюшка.

— В наших лесах есть только два зверя — лиса и заяц, — ответил Павлов. — Насмешил ты меня, парнишка!

— А медведь? — спросил Боря. — Он как: по воздуху летает, что ли?

— Нет, медведь не летает, он ходит, — сказал Семен Павлов. — И олень, и волк, и все другие животные оставляют на снегу свои следы.

— И ты можешь в этом разобраться? — недоверчиво спросил Петюшка. — Покажи нам, когда зима наступит. Не может быть, чтобы только лиса и заяц!

— Исключительно лиса и заяц, — важно и строго проговорил Павлов. — Медведя видели в соседнем районе, и не зимой, когда он спит, а летом.

— А волки? Волки у нас есть, — настаивал Боря. — Непременно есть! Вон там, гляди, болото, и оно называется Волчьим.

— Нету у нас волков, ребята, — сказал Павлов. — Болото прозвали Волчьим сто лет назад. За Рыбной слободой есть Щучье болото, знаете? По-вашему, там должны щуки водиться, так, что ли? Идите-ка лучше домой и занимайтесь делом. Подумайте о том, что будете через пять лет делать.

— Подумали, — несколько обиженно произнес Петюшка. — А ты что делаешь? Скелеты? Много наделал?

— У меня уже есть скелеты гуся, утки, курицы, ястреба, дятла, чижа и воробья. Сейчас вороний скелет делаю.

— Собачий можешь? — спросил Петюшка.

— Могу, только мне он не нужен. Я по другой линии пойду. Вот будете в восьмом классе, тогда... — Павлов снисходительно оглядел четырехклассников, — тогда и вы будете знать, что делать. Вот, например, есть у вас лесная дача и вышка, — я бы на вашем месте астрономией занялся... Всего доброго, парнишки, — и Павлов пошел к себе.

— Давай и мы будем птиц варить, скелеты делать, — предложил Петюшка.

— Астрономия лучше, — задумчиво проговорил Боря. — Птичьи скелеты можно купить, а звезды не купишь.

— Телескоп нужен, — сказал Петюшка.

— Ну, и что ж, купим в складчину, — нерешительно, прикидывая в уме, во что это обойдется, сказал Боря. Он шел впереди Петюшки и носком ботинка поддавал камешки.

— Телескопы не продаются, — не унимался Петюшка. — Их специально делают для обсерваторий.

— Заведем обсерваторию, — сказал Боря, и не понять было, шутит он или говорит серьезно.

Петюшка махнул рукой.

— Не очень-то размахивай! В наше время все возможно. Ну, в самом деле, что тут такого, ну, что? Построить круглый домик, поставить телескоп.

— Пригласить ученого человека, назначить ему заработную плату, — перебил Петюшка. — Открыть астрономический институт и тебя сделать швейцаром!

Боря сердито, не по-детски взглянул на Петюшку и сказал:

— Ты мой самый близкий товарищ, только ты совсем не умеешь шутить! О сельпо и про стаканы говорил правильно, но про телескопы неправильно. Ты и сам не веришь тому, что говоришь. Вот, вспомни: когда мы поступали в школу, был у нас совхоз? Не было. Был у нас бульвар? Не было. Хлебозавод, библиотека, новая почта, памятники и другое было? Не было. Сейчас у колодцев очередь за водой, а через год ее не будет. Мы кончим школу, и вот увидишь: и город наш и район станут другими. Понадобится, и обсерваторию построим! А ты такую глупость отмочил — меня швейцаром! Нет, ты ответь: ты что хотел сказать, ну, ответь!

— Ругаться мне не хочется, — виновато ответил Петюшка и зашагал впереди своего приятеля, поддевая носком сапога камешки. — Подумаешь, оскорбление какое сказал!

— Не оскорбление, а глупость — это хуже, — поправил Боря. — Потвоему выходит, что я через пять лет дурак дураком буду.

— Покажи те елочки, которые выбрал, — сказал Петюшка и с силой загнал камешек в канаву.

— Не покажу, — буркнул Боря. — И вообще каюсь, что рассказал тебе об этом. Сперва моего отца задел, потом меня обидел. Скоро в комсомол вступишь, а ведешь себя, как я не знаю кто!

— Сам тоже в комсомол вступишь, а про елки мечтаешь, — оживился Петюшка. — Вон, гляди: Самсонов, Коровина и еще кто-то. Чего они делают?

— Наши и городские, — прищуриваясь, ответил Боря, забыв о недавней обиде. — Пойдем, послушаем.

У колодца стояли: председатель колхоза Самсонов — тощий, седой человек, лицом и повадками напоминающий Суворова; свинарка Коровина — молодая, дородная женщина, одетая, как в будний день, в мужских сапогах с голенищами, на голове платок; председатель рыболовецкого колхоза Митрофанов и инженер города Петровский. Ребятишки сняли свои кепки и поклонились каждому в отдельности. Петюшка впился взглядом в председателя колхоза.

Для Петюшки Самсонов был своего рода кумиром, самым великим человеком в районе. Старый Самсонов за истекшие после войны годы заново отстроил всю колхозную улицу и увеличил поголовье скота и урожайность чуть ли не вдвое. Отец и мать Петюшки были колхозники, они воспитали своего сына во всемерном уважении к труду, и те же уважение и любовь ко всякого рода деятельности, направленной на благо своей Родины, внушил Петюшке и его приемный отец — прокурор района. Петюшка остановился неподалеку от Самсонова и не отрывал от него жадного, восхищенного взгляда.

Боря Казачков с превеликим любопытством рассматривал Коровину. Совсем недавно она пришла к его отцу в сельпо и попросила показать шелк и бархат. Отец сказал: «Не держим» — и послал ее в торговский промтоварный магазин. Коровина ответила, что она была там и ничего подходящего для себя не нашла.

— Ситчику, коленкорчику возьмите, — предложил Казачков.

Коровина рассердилась и, уходя, с усмешкой кинула:

— Ситчик жене своей на день рождения подари, а мне бархату давай! Не куда-нибудь, а в Москву еду!

Коровина часто захаживала в гости к соседям Казачковых и каждый раз пела там под аккомпанемент баяна. Боря перелезал невысокий забор, разделявший соседние сады, подбирался к окну и слушал, как пела колхозная свинарка.

Боря Казачков представлял собою полную противоположность приятелю своему Петюшке. Благодаря несхожести характеров, вкусов и стремлений своих они, возможно, и подружились друг с другом и если иногда и ссорились, то не всерьез, ненадолго, и всегда в таких случаях первым шел на примирение Боря. Петюшку восхищали и привлекали к себе люди, подобные Самсонову. Петюшка наперечет знал фамилии наиболее известных Героев Социалистического Труда и даже мог изустно изобразить их внешность. Петюшка любил природу и землю не созерцательно, а практически, и если друг его специально ходил в лес в ту пору, когда в нем расцветал бледноалый и белый шиповник, чтобы принести домой пышные и пахучие букеты «дикой розы», то Петюшка предпочитал эту розу в виде крепкой, с янтарным отливом ягоды, которую с такой охотой принимают на торговской базе. Боря Казачков любил все то, что украшает, что само по себе есть несомненная польза и радость: он любил книги о путешествиях, о том, как люди живут и проводят свое свободное время, ему нравились стихи о красоте родной природы, ему страстно хотелось в будущем стать педагогом, чтобы таким путем делиться с другими своей любовью и привязанностями. Петюшка читал жизнеописания великих людей и особенно любил те тоненькие брошюры, еженедельно поступающие в книжную лавку,

в которых говорилось о том, как и когда лучше всего сажать молодые деревья, какие растения могут быть употреблены с наибольшей пользой для человека.

Настольной книгой Петюшке долгое время служил «Календарь охотника» на 1939 год, неизвестно как и где им добытый, буквально зачитанный до дыр. Петюшке хотелось заполучить в свои руки такой же календарь и на текущий год. Кто-то сказал ему, что этот календарь можно выписать из Москвы, и Петюшка, скопив пять рублей, неделю назад отправил их в то издательство, адрес которого отыскал на титульном листе своего старого календаря.

— А я жду, когда в лавку придет определитель растений, — сказал как-то Боря Петюшке. — Вышла такая книга, с цветными картинками, толстая, одиннадцать рублей стоит.

— А ты не знаешь растений? — спросил Петюшка. — Меня спроси, я тебе про любой цветок расскажу.

— Я и сам расскажу, подумаешь!

— Так в чем же дело! Зачем тебе книжка? Да еще за одиннадцать рублей!

— Я видел ее...— мечтательно произнес Боря. — Ты вот знаешь, что есть фиалка, и все. А там сказано, что есть фиалка дикая, есть фиалка душистая, трехцветная, есть фиалка удивительная... — сам удивляясь тому, что есть и такая фиалка, по слогам произнес Боря.

— А на что она годится?— спросил Петюшка.— Что из нее добывают?

— Не знаю, — пожав плечами, ответил Боря. — Может быть, эфирное масло.

— Сказал! Эфирное масло добывают из обыкновенной душистой фиалки!

— Ну, тогда эта просто так — землю украшает, — сказал Боря.

— Все цветы землю украшают, а потом их косят, сено скотина ест, — тремя отрывистыми залпами проговорил Петюшка и выжидательно посмотрел на приятеля.

— Лесные цветы не особенно-то выкосишь! — заметил Боря. — Они растут в лесу и украшают!

— Кого украшают? — упорствовал Петюшка. — Лес украшают, да?

— Природу, землю, — ответил Боря и, отмахиваясь от Петюшки, добавил: — Тебе бы все, чтобы поделку делать! А сам, небось, цветы нюхаешь!..

Петюшка сказал, что на это он ответит завтра. А через минуту они преспокойно уселись слушать, что говорят Самсонов, Коровина, Митрофанов и Петровский.

— Один свинарник требует ежедневно в среднем сто ведер воды, — сказал Самсонов, обращаясь к Петровскому. — Птичья ферма берет не менее сорока ведер. Телятам нужно сто пятьдесят ведер. Лошадям сто ведер. Коровам сто ведер. Это что же получается? Полтыщи ведер чистой воды требуют животные и птицы! А люди? По четыре ведра на каждого человека, меньше нельзя, товарищ Петровский!

— Ну, уж это... — с недоверчивой улыбкой проговорил Петровский. — По два достаточно, Илья Васильевич!

— Мне двух ведер на мытье полов нехватит,— сказала Коровина. — Спросите-ка свою жену, сколько она тратит воды каждый день?

— Моя жена — вообще чистеха, — отозвался Петровский.

— Вода — это культура, извините меня, пожалуйста, Александр Николаевич, — дружеским тоном проговорил Митрофанов. — Мой рыбак начнет мыться, так меньше пятнадцати ведер не издержит. О мыле если скажем, так целый кусок. И непременно ему специальное, банное давай!

— Короче говоря, товарищ инженер, — сказал Самсонов, обращаясь к Петровскому,— одного колодца нам нехватает. И вообще намерен я отвязаться от колодцев, хватит, довольно! Мы зверски экономим воду, в то время, как она сама просит: бери меня, я тут! В ста шагах от нас река, течение ее сильное, глубина почтенная, ширина — в среднем тридцать метров. Наша река третья после Невы по быстроте течения, товарищ инженер! Сделайте выводы и поторопитесь!

— Да, но...

И опять Самсонов перебил Петровского:

— В случае чего, товарищ Петровский, вместе в область поедем, вместе добьемся. А пока приготовьте мне смету. Водонапорные башни строить не придется: высота крана два метра над уровнем земли — мой колхоз в долине.

— Мне бы тоже надо, — сказал Митрофанов, толкая в бок Петровского и коротко подмигивая Коровиной. — Работа приватная, я тебе из своих сумм оплачу! Мою воду, из источников, пробовал? Ну, то-то!

— Картина у нас одинаковая, — сказал Самсонов. — И по количеству дворов и по населению. Когда приготовите, многоуважаемый?

— Н-ну... — Петровский расположил пальцы веером и заиграл ими. — Будем говорить, что... Постараюсь, Илья Васильевич! Вот только согласую...

— До посевной не затяни, — заметил Самсонов. — К работам хочу приступать через месяц. У меня план: договориться в области через неделю, получить чертежи и смету через две недели, неделя на изготовку — и пошла!

— Не забудьте, что в свинарнике два душа и пять кранов, — поторопилась напомнить о своих нуждах Коровина. — На птичьей ферме два крана, в телятнике что-нибудь для обогрева.

И, поймав на себе удивленный взгляд инженера, смущенно, не желая конфузить его, добавила:

— Так ведь теленку теплая вода нужна, Алексей Николаевич?

Митрофанов дробно хихикнул и махнул рукой.

— Он своего холодной поит, — сказал старый рыбак, когда Коровина, Самсонов и Петровский пошли по колхозной улице. — Ох, и консервация, а не человек! А вы чего? — обратился он к Петюшке и Боре; они сидели на жердине невысокой изгороди у колодца. — Чьи такие?

— Я прокуроров, — бойко ответил Петюшка.

— Я сельповский, — сказал Боря.

— Казачкова сын? Такого знаю. А у прокурора какие же дети? — удивленно спросил Митрофанов.

— Я приемный, я из Крутоярова, прокурор усыновил меня, — скороговоркой пояснил Петюшка. — А что, дяденька, послушается он или не послушается?

— Кто это не послушается? — сердито хмуря брови, произнес Митрофанов.

— Этот, консервация, — сказал Петюшка.

Митрофанов опять махнул рукой и направился вслед председателю, свинарке и инженеру. Ребятишки увязались за рыбаком. А он шагал, улыбался и говорил и себе и своим спутникам:

— Сейчас они чай пить будут — у него, у Самсонова, доктор и сестрица из города, гости. Это тебе тоже ведро воды! А потом Самсонов инженеру про баню заведет! Ему, шишка еловая, баня вот как нужна! Самсонову полевые души давай! И мне тоже подавай! Что городу, то и нам. За один раз трудиться будем! Ох, и потрудимся! Такого понаделаем — душа радуется!

Он топнул ногой, избоченился, словно в пляс хотел пуститься, и стал потирать руки; ладони его скрипели, счастливая улыбка не сходила с морщинистого, загорелого лица. Глядя на него, потер руки и Петюшка. Боря Казачков смотрел на Митрофанова и думал о том, что вот это доброе, хорошее лицо он сегодня же нарисует дома, а потом покрасит цветными карандашами и пошлет в детский журнал; непременно примут и напечатают, как и тот рисунок, который он отправил месяц тому назад.

БУДНИ ОДНОГО ГОРОДА

Фоторепортаж **С. Фридлянда**

На правом берегу Днепра, в сорока километрах от областного центра — Днепропетровска, — раскинулся город металлургов Днепродзержинск.

Некогда здесь было малоприметное село Каменское. Теперь вокруг завода выросли красивые многоэтажные дома, десятки школ, пять техникумов, металлургический институт...

Вот несколько штрихов, показывающих будни этого города.

Пылают мартены Днепродзержинска. Идет очередная плавка стали. Ее сварили досрочно. Горожане гордятся мастерами скоростных плавок Павлом Кочетковым, Эдуардом Залевским, Петром Гребенниковым, Владимиром Старостиным...

Немецко-фашистские захватчики разрушили мартеновские цехи. Сразу после освобождения города советские люди взялись за восстановление родного завода, и на двадцать шестой день была получена первая сталь. А в начале нынешнего года сталевары «Дзержинки» уже завершили выполнение пятилетнего плана.

— С новой медалью тебя, Фролушка!— поздравляет Фрола Ильича Трушина его жена Екатерина Федоровна.

Эту новую правительственную награду он получил за восстановление завода. Обер-мастеру Фролу Ильичу семьдесят два года, из них пятьдесят два он проработал у печей «Дзержинки».

У Трушиных шестеро детей и тринадцать внуков. Трое сыновей — инженеры.

Десятки мастеров плавки научились этому сложному и тонкому искусству у Фрола Ильича. Их он тоже считает своими сыновьями.

Убран строительный мусор в этом новом квартале Днепродзержинска, на улице Сыровца. Сотни рабочих семей получили здесь отличные квартиры. В прошлом году завод на 70 процентов перевыполнил план жилищного строительства.

Родители этих детей погибли в годы войны. Но дети не чувствуют себя сиротами. Лаской и заботой окружают их рабочие завода. Сегодня праздник: детский дом справляет именины нескольких питомцев. На званый вечер пришли с подарками гости с завода.

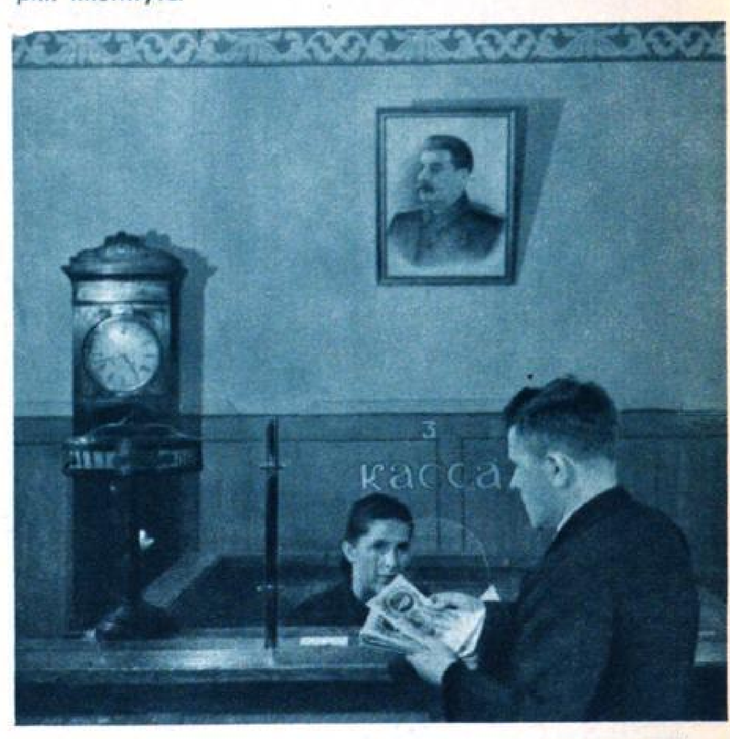
Отличный Дворец культуры выстроен для рабочих. На гастроли к металлургам приехала солистка Большого театра СССР Н. Шпиллер. Сотни днепродзержинцев заполнили зрительный зал.

Токарь вагоностроительного завода Владимир Илларионов — мастер скоростного резания металлов. Новатор Илларионов известен также и как отличный инструктор. Он подготовил уже пятнадцать токарей.

...А вечерами Владимир Петрович учится в институте. Вот он вместе с технологом Леонидом Филипповым (справа) занимается в физической лаборатории института.

— Еще четыре тысячи на мой вклад...— говорит мастер литейного цеха Николай Антонович Скитиков, протягивая деньги в окошечко.

Свыше одиннадцати миллионов рублей хранят сберегательные кассы Днепродзержинска. Лишь за два первых месяца этого года сумма вкладов по городу увеличилась на миллион рублей.

Семен Масич плавит сталь на заводе, учится в металлургическом техникуме, а в свободные часы с успехом овладевает искусством игры на скрипке в музыкальном училище.

Оружие ПРАВДЫ

Ирина ИЗМАЙЛОВА

Деятельность голландского кинорежиссера Иориса Ивенса полна препятствий и трудностей. Он со своей камерой хочет видеть то, что ему упрямо не хотят показывать.

В 1932 году Ивенс приехал в Бельгию, в маленький угольный городок Боринаж, чтобы снять демонстрации бастующих горняков, их ожесточенную борьбу с полицией, потрясающую нищету рабочих поселков. В объектив Иориса Ивенса попадали картины, которые трудно забыть. Выброшенная из квартиры семья: беременная мать, ребенок, шахтер-отец, на тачке жалкий домашний скарб... Четыре дня живут они на улице, в нише старого дома. Дождь, осенние, серые дни, кругом полупустые бараки. Из 330 семей рабочего поселка 220 выселены в порядке репрессии за забастовку...

Ночь. На терриконах рабочие торопливо ищут в отвалах уголь, чтоб хоть немного протопить сырые бараки.

Но сердца людей согревает другое: надежда и гнев! В квартире одного из бельгийских шахтеров мы видим портрет Владимира Ильича, любовно украшенный зеленой хвоей... Вот стычки рабочих с вооруженными полицейскими... С гневным протестом вышли на улицу женщины...

Этот волнующий фильм, показывавший правду о жизни рабочих в Бельгии, был запрещен цензурой. Впрочем, такова судьба многих кинокартин Ивенса.

«Искусство — оружие правды!» — девиз этого талантливого режиссера.

«Летучий голландец», как тепло зовут Ивенса в прогрессивных кругах, уже в течение двадцати лет неустанно пересекает мир из края в край. Он спешит со своей камерой туда, где простые люди борются против фашизма и реакции; он хочет быть с теми, кто героически воюет против колониальных поработителей, он работает в деревнях, среди рабочих, у докеров, в тех кварталах, куда не так часто попадают художники.

В 1936 году, когда фашист Франко, опираясь на поддержку Гитлера и Муссолини, поднял мятеж против демократического правительства Испании, Ивенс поехал в Мадрид. Четыре месяца он провел в рядах бойцов республиканской армии и привез замечательный кинодокумент о народной борьбе против Франко.

Едва успев закончить этот фильм, Ивенс отправился в Китай, где шла борьба против японских захватчиков.

...Некоторые кинодеятели на Западе любят поговорить о том, что в наше время найти сюжет для фильма очень трудно. Нет, мол, интересных тем, жизнь их не предлагает. Поэтому поневоле приходится бесконечно инсценировать либо полицейские романы, либо слащавые любовные истории, либо модернизировать классические литературные произведения двух последних столетий с такой лихостью, что их едва узнаешь.

Своим творчеством Иорис Ивенс убедительно показывает, что для него давно не существует вопроса, где искать сюжет, как выбрать тему: в мире, вошедшем в эпоху бурных социальных потрясений, они встречаются на каждом шагу.

Печальная участь постигла новый фильм Ивенса. Его картину «400.000.000», над которой он девять месяцев работал в Китае в очень трудных условиях, почти никто в Европе не знает. Кинорежиссер привез ее в Париж за несколько недель до вторжения немцев и успел показать немногим.

...И вот недавно Ивенс снова приехал в Париж. Французская прогрессивная общественность тепло встретила своего старого друга. Три тысячи зрителей собрались в зале Плейель (там же, где заседал Конгресс мира) на творческий вечер голландского кинорежиссера.

Что делал, где бывал Ивенс, — об этом хотелось узнать многим. На экране проходят фрагменты его интересных фильмов, по цензурным условиям почти неизвестных широкой аудитории.

Вот одна из старых картин Ивенса — «Зюдерзее — новая земля» (речь идет о голландской земле, отвоеванной у моря).

Фильм начинается, как поэма о могуществе труда, о бесконечном величии человеческой силы и ума. Незабываемо зрелище, когда огромная плотина отрезает от моря большой залив, дно которого будет осушено и превращено в плодородную землю. Вот что могут сделать люди! — как бы восклицает художник.

Новая земля есть, она уже реально существует. На ней можно пахать, сеять, пасти скот, строить... Она, наверно, даст людям этой страны больше хлеба, больше жизненных богатств.

Но почему же тогда в действительности здесь происходит совсем

Кадр из фильма «Первые годы». В поле.

обратное? Объектив киноаппарата неумолимо показывает чудовищные последствия экономического кризиса. Пшеница, выросшая на новой земле, выбрасывается в море, молоко выливается по ночам на дороги...

Почему же это все происходит — разве люди уже так богаты? И тут же художник показывает растущую нищету в рабочих кварталах Голландии, Англии, США, безработицу, голодающие многодетные семьи — все в тот же год расточения народных богатств. Гневная, разоблачающая часть фильма была запрещена, и «Зюдерзее» обычно показывали публике в изуродованном, сокращенном варианте.

Своим зрителям в зале Плейель Ивенс рассказывал, что свое творчество он стал посвящать глубоким социальным сюжетам после первой поездки в Советский Союз. Ивенс снимал у нас в 1932 году на Урале «Песню героев» — фильм о строительстве Магнитогорска. Он ездил затем к советским шахтерам в Донбасс.

Последняя работа Иориса Ивенса называется «Первые годы». Посвящена она странам народной демократии, первым шагам послевоенного строительства. В течение двух лет Ивенс со своей группой побывал в Болгарии, Чехословакии, Польше, наблюдая жизнь, борьбу, возрождение этих стран. Он видел, как освобожденные народы строят свое будущее. В ростках этой новой жизни он узнавал знакомые ему по первому путешествию в СССР черты нарождающегося социализма.

...В зале Плейель мы видели одну лишь часть этой картины — рассказ о новой Польше. В центре фильма — восстанавливающийся крупный металлургический завод. Ивенс снова пришел к своей любимой теме о героическом, вдохновенном труде. На освобожденной земле, где открывается такой широкий простор человеческому творчеству, расцветает новая жизнь народа, обретшего счастье труда для себя, счастье строить в своей свободной стране. То, как входит в сознание человека новое, социалистическое отношение к труду, особенно ярко отражено в эпизоде аварии в мартеновском цехе. Драматично и сильно сумел выразить художник героизм рабочих, самоотверженно спасающих печь не на хозяйском, а на своем заводе.

«Первые годы» — одна из наиболее значительных работ Иориса Ивенса. Эта тема особенно увлекла его. И ему самому хочется быть дольше в атмосфере больших и ясных перспектив, жить с этими людьми, помогать им.

По приглашению Польской республики Ивенс едет на несколько лет работать в Польшу, в киноинститут, чтобы воспитывать кадры молодой польской кинематографии, передавать молодежи свой богатый творческий опыт.

Режиссер Иорис Ивенс (второй слева) на одном из металлургических заводов Польши.

Кадр из фильма «Первые годы». Молодежь — всюду первый помощник.

В Москву...

Москва — воспитательница народных талантов. Из самых отдаленных уголков нашей страны приезжают в столицу одаренные юноши и девушки. Среди них — казахи и эвенки, марийцы и латыши, эстонцы и грузины. Среди них — недавние колхозники Поволжья и горняки Донбасса, лесорубы республики Коми и виноградари Крыма... Одни станут певцами, другие овладеют секретами зодчества, третьи будут ваятелями, четвертые — композиторами. В Москве лучшая консерватория мира, самые передовые учебные заведения, готовящие актеров, режиссеров, художников. Талант, подобно драгоценному камню, получает здесь окончательную, совершенную отделку.

Но Москва — не только воспитательница талантов. Она их опытный ценитель, строгий, внимательный, вдумчивый судья. Признание московской аудитории — это свидетельство подлинной зрелости художника. Концерт в Москве, участие в московской выставке, выступление на московской сцене — это большой этап творческой жизни.

Студенты национального отделения Московской консерватории. Слева направо: народная артистка Киргизской ССР Махри Махмутова, Таштан Эрматов (Киргизская ССР), Газиза Жубанова и Венера Шарипова (Татарская АССР), Гульсум Гизатуллина (Башкирская АССР).

Три землячки

...Одаренная девушка из рабочей семьи заканчивает музыкальную школу. Со школьной скамьи ее путь ведет прямо в столичную консерваторию, а затем на подмостки крупнейшего театра. Проходит два — три года, и молодая артистка уже исполняет ведущие роли в оперных спектаклях. «Случай, везение, фортуна», — сказали бы прежние театралы. «Закономерность», — говорим мы.

Из сокровищницы народных талантов всего Советского Союза черпает творческие силы лучший музыкальный театр мира — Государственный Академический Большой театр.

Певиц, лауреатов Сталинской премии Елизавету Шумскую и Нину Покровскую и солистку оперы Веру Фирсову в Большом театре шутливо прозвали «ивановским землячеством».

В Ивановской музыкальной школе впервые сошлись пути этих девушек. Оттуда они пришли в Московскую консерваторию, и впоследствии по конкурсу приняты в Большой театр. Требовательная московская публика высоко оценила дарования артисток.

...Над Москвой опускается вечер. В театрах начинаются спектакли. На основной сцене сегодня — «Руслан и Людмила». Партию Людмилы поет Шумская. Ее партнеры — известнейшие солисты страны — Рейзен, Батурин, Лемешев. В это время в филиале в «Севильском цирюльнике» Розину поет Фирсова. С ней вместе участвуют в спектакле Пирогов, Норцов, Козловский...

В Иваново доносятся по радио голоса певиц, выступающих на сцене Большого театра. Старая шуйская ткачиха, мать Нины Покровской, часто слушает по радио трансляции опер, в которых поет ее дочь. В «Князе Игоре» и в «Псковитянке», в «Русалке» и в «Мазепе» выступает Покровская. А ведь всего только три года прошло с того дня, когда она была принята в труппу Большого театра.

Сочетание большой музыкальной одаренности с красивым сочным голосом позволяет Покровской исполнять труднейшие оперные партии — такие, например, как Марии в опере Чайковского «Мазепа». За участие в этом спектакле Нине Покровской присуждена Сталинская премия.

Сейчас Покровская готовит в новых постановках Большого театра заглавную роль в опере Верди «Аида» и донну Анну в опере Моцарта «Дон Жуан».

Алексей ИВАНОВ,
Лауреат Сталинской премии, народный артист СССР

Н. Покровская в роли Марии (опера «Мазепа»).

Питомцы Московской консерватории

Таштан Эрматов остался сиротой, когда ему было шесть лет. Еще в детском доме воспитатели обратили внимание на музыкальные способности мальчика.

В семнадцать лет он стал солистом Киргизской филармонии. Выдающиеся способности Эрматова привели его к мысли, что он может стать дирижером. В 1948 году юноша был направлен в Московскую консерваторию, где занимается по классу профессора Л. Гинзбурга. Еще несколько лет — и Таштан Эрматов будет дирижером симфонического оркестра.

В дружной семье питомцев консерватории учится немало уже опытных музыкантов, известных в нашей стране.

Что же привело их в стены Московской консерватории? Что побудило народного артиста СССР Абдыласа Малдыбаева, известного композитора Киргизии, в свое время обучавшегося в Московской консерватории, опять приехать в столицу Союза и снова отдать годы учебе?

Ответ на этот вопрос несомненно удивил бы любого музыканта буржуазного мира. Но советские мастера искусства не удивятся, когда узнают, что певцы, исполнители, дирижеры, композиторы приехали в Московскую консерваторию потому, что они не представляют себе творчества без систематической учебы.

Проходят годы — и мы видим недавних питомцев Московской консерватории на концертной эстраде и на оперной сцене больших городов, мы слышим их произведения, радио приносит нам издалека звучание их инструментов, их голосов.

Этой осенью мы опять встретим новую группу будущих певцов, дирижеров, композиторов, музыкантов-исполнителей, которые приедут в Москву учиться. Мы скажем им:

— Добро пожаловать, друзья!

Н. ОЗЕРОВ,
народный артист РСФСР, декан вокального отделения Московской государственной консерватории

На арене столичного цирка

Это был парад молодости, смелости, ловкости, силы, красоты. Лучшие представители циркового искусства различных республик и городов были приглашены в столицу для участия в торжественном представлении в честь 20-летия советского цирка. Юбилейную программу открывала пятнадцатилетняя узбекская гротеск-наездница Лола Ходжаева.

Миниатюрная девушка непринужденно танцевала на спине галопирующей лошади, легко перепрыгивала через шесть широких ярких лент, протянутых от центра манежа к барьеру. Затем, когда лошадь брала высокий барьер, смелая наездница прыгала через большой, растянутый в воздухе ковер и, легко опустившись на спину Красавчика, вновь неслась по кругу, чтобы через мгновение удивить публику еще более сложным трюком.

Со времени первого выступления Лолы Ходжаевой в столице прошло больше десяти лет. Однако искусство Ходжаевой не утратило своей непринужденности, а мастерство ее окрепло. Дочь старого циркового узбекского актера, ныне народного артиста Узбекской ССР Махамеда Ходжаева, Лола большую часть жизни провела в цирке. Неустанно совершенствуясь, Лола Ходжаева выступает и в родных местах и по всей нашей стране.

Московская публика любит эту ловкую, отважную наездницу. И в этом году, когда ко дню 8 марта столичный цирк предоставил свою арену для выступления женщин — мастеров цирка, мы снова увидели свою давнюю знакомую Лолу Ходжаеву.

И. БУГРИМОВА,
заслуженная артистка РСФСР

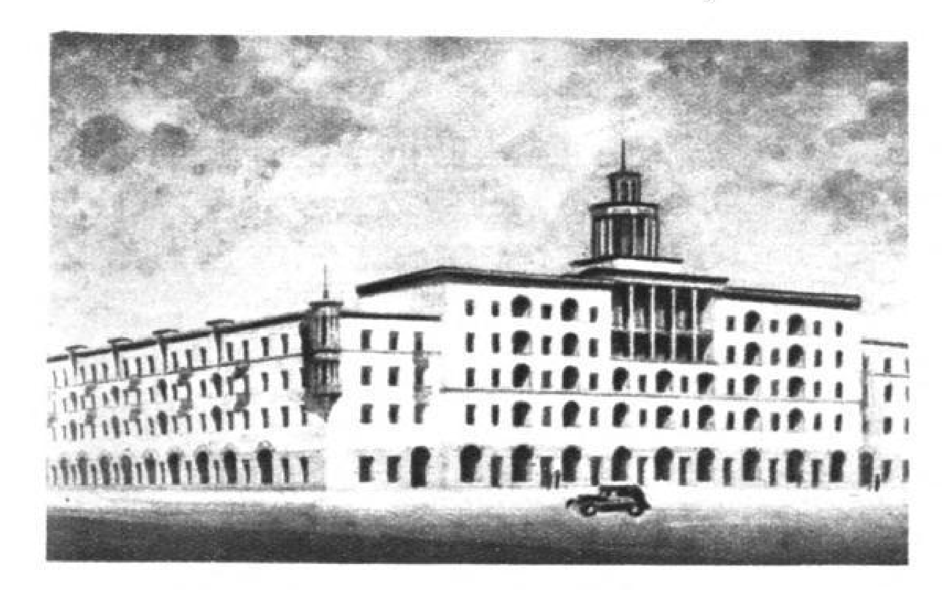
...и из Москвы

Проходят годы учебы, и питомцы Москвы покидают гостеприимные стены ее художественных училищ и вузов. В Якутске и Таганроге, в Нукусе и Сыктывкаре с успехом работают театральные коллективы, подготовленные в Москве. Недавние студенты Московского архитектурного института возводят новые здания в разных городах. Щедрой рукой возвращает столица народу его сокровища, его таланты, воспитанные лучшими педагогами и мастерами.

Архитектор вернулся в Баку

Газанфар Ализаде был одним из самых способных студентов архитектурного факультета Азербайджанского индустриального института. Еще юношей он с огромным увлечением изучал памятники азербайджанского зодчества.

Окончив институт, Газанфар Ализаде в 1937 году приехал в Москву и был принят в аспирантуру Академии архитектуры СССР. Взору молодого зодчего открылся мир замечательных творений великих русских мастеров, великолепные ансамбли древнего

Жилой дом Кураараксстроя по проекту Газанфара Ализаде.

Кремля, Красной площади, постройки Баженова, Казакова. Его внимание приковывали к себе сооружения крупнейших советских зодчих — Щусева, Жолтовского, Иофана, Щуко, Гельфрейха. С этими мастерами он познакомился лично, а некоторые из них стали его учителями.

Уже аспирантом молодой архитектор достиг значительных успехов — его проект рабочего клуба был отмечен первой премией всесоюзного конкурса на лучшие клубные здания.

Под руководством известных зодчих столицы Ализаде работал над своей диссертацией — проектом драматического театра. Вернувшись в Баку, он продолжал трудиться над этой темой. Ныне для здания театра по проекту Ализаде отведен участок на Приморском бульваре в Баку. В недалеком времени оно будет возведено.

Ализаде создал немало других значительных архитектурных произведений. По его проектам построены большие жилые дома Мингечаурстроя. Возводятся спроектированные им огромные жилые здания Кураараксстроя, в каждом из которых от 40 до 140 квартир. Несмотря на такой значительный объем зданий, архитектору удалось избежать тяжелой монументальности, несвойственной облику жилого дома.

Газанфар Ализаде отдает много сил научной деятельности. Он заведует сектором архитектуры Института истории азербайджанского искусства имени Гаджибекова при Академии наук АзССР.

Московская школа обогатила дарование Ализаде. Его работам присуще умелое развитие национальных мотивов азербайджанского зодчества в формах, вполне современных, проникнутых глубоким ощущением советской действительности.

Н. КОЛЛИ,
действительный член Академии архитектуры СССР

Рождение театра

Прошло уже более пяти лет с того дня, когда я впервые познакомилась с новой группой своих учеников. Они приехали в Москву из Татарии. Среди них были фронтовики, возмужавшие на войне, и недавние школьники, сохранившие всю непосредственность отрочества. Все эти юноши и девушки страстно хотели стать актерами. Но было и другое желание, общее и потому еще более сильное: они хотели стать театром, единым коллективом, готовым к выполнению сложных творческих задач.

Татарская студия скоро стала гордостью Государственного института театрального искусства. Всех педагогов увлекла восприимчивость студентов, их темпераментность, настойчивая работа над собой. А главное — они были по-настоящему талантливы, как-то, если можно так выразиться, «единодушно талантливы». В студии не было холодных, безучастных людей.

С первых дней наших занятий я завела небольшую тетрадь, в которой были характеристики студентов, отмечались события студийной жизни, фиксировались успехи и ошибки учащихся, их неудачи и победы. Должна сознаться, что появление этой тетради на моем столе всегда вызывало настороженное молчание. Тетрадки побаивались. И надо сказать — напрасно. Мои ученики давали мне очень мало материала для записей неприятного свойства.

Студенты по собственному почину пробовали свои силы в сценах из пьес Гоголя, Островского, Тургенева, Чехова, Мольера, Шекспира, в эпизодах из произведений Льва Толстого, К. Симонова. Через два года студия уже показала отрывки из будущих спектаклей.

Один из замечательных советских артистов, М. М. Тарханов, присутствовавший на просмотре, с восхищением говорил:

— Я увидел людей, которые живут на сцене правдой... За этот коллектив мы будем бороться. Сейчас уже ощутимы контуры будущего молодого театра...

Эти контуры с каждым днем учебы становились отчетливее. К завершению занятий студия располагала вполне подготовленным репертуаром. Спектакли «Васса Железнова» М. Горького, «Козы Корпеш и Баян Слу» Г. Мусрепова, «Колыбельная песня» П. Аппаковой, «Король Олень» К. Гоцци были во всех деталях отработаны режиссурой и молодыми актерами, хорошо, легко, остроумно оформлены.

Выпускные экзамены, состоявшиеся в прошлом году, были настоящим праздником — праздником рождения театра. Трудно сказать, кто из студийцев особенно выделялся. Когда вспоминаешь, хочется перечислить всех. Галеева, Галиуллина, Бикчентаев, Исамбет, Камалова, Гиматтинов, Хусаинов, Хайрулина, Ахметчина... Каждое имя вызывает в памяти сценические образы, свежо обрисованные, насыщенные талантом...

Ныне наши воспитанники в Казани. Раньше в этом городе не было татарского театра юного зрителя. Теперь он существует. В его репертуаре — все четыре спектакля, выпущенные в Москве, и некоторые новые постановки. Молодая труппа заканчивает первый сезон. В этом сезоне были свои трудности, свои сложности.

Наши ученики не относятся к числу людей, выбирающих «путь, чтобы протоптанней и легче». Нельзя сомневаться в том, что коллектив достигнет новых творческих побед.

Недавно я побывала в Казани. На всю жизнь запомню день, когда в фойе театра во время антракта обступили меня незнакомые люди, когда десятки рук протянулись ко мне... Это были родители молодых артистов, благодарившие за то, что дети их овладели знаниями и мастерством. И я понимала, что горячая благодарность этих людей относится не лично ко мне, но прежде всего к Москве, столице нашей земли, замечательной воспитательнице народных талантов.

О. ПЫЖОВА,
лауреат Сталинской премии, заслуженный деятель искусств РСФСР и Татарской АССР

«Васса Железнова» в Татарском театре юного зрителя. На переднем плане: Прохор — Р. Бикчентаев, Васса — Г. Камалова.

ХУДОЖНИК В БОРЬБЕ ЗА МИР

Во время гражданской войны в газете «Красная армия» появились сатирические рисунки, высмеивавшие незадачливых белогвардейских генералов и их зарубежных покровителей. Рисунки эти принадлежали перу девятнадцатилетнего студента Киевского университета Бориса Ефимова. Уже тогда в творчестве молодого художника обнаружились черты, впоследствии стяжавшие ему большую известность: едкое остроумие, предельная четкость и выразительность композиции.

Сатирические рисунки Ефимова пришлись по душе бойцам, сражавшимся на фронтах гражданской войны. Веселым смехом встречали они появление новой карикатуры. А в лагере врага рисунки вызывали бессильную ярость.

Вскоре Борис Ефимов начал работать в московских газетах — «Правде» и «Известиях». Его сатирическое дарование неизменно служит интересам советского народа. Сложные события международной жизни раскрываются в его карикатурах с исчерпывающей ясностью и простотой. Борис Ефимов разоблачает маневры лицемерных политиканов буржуазного Запада, срывает с них маску лжедемократии и умеет наглядно показать силу мудрой, последовательной мирной политики СССР, значение этой политики на международной арене.

Произведения Бориса Ефимова хорошо известны и за пределами советской земли. Их перепечатывают там прогрессивные органы печати, злобно и раздраженно комментируют реакционеры всех мастей. Один из самых завзятых душителей свободы и враг демократии, лорд Чемберлен, в 1929 году специальной нотой опротестовал... очередную карикатуру Бориса Ефимова!

Из года в год, изо дня в день художник беспощадно бичует поджигателей войны. О прозорливости художника свидетельствует одна из его довоенных карикатур, которая называется «У колыбели Адольфа Гитлера». Вокруг деревянной колыбели, из которой вылезает «дитя», вооруженное ножом убийцы и обутое в сапоги войны, столпились финансовые тузы Уолл-стрита и Сити... Продажный французский правитель и рурский магнат с нежностью глядят на искаженное злобой лицо Гитлера...

В годы Великой Отечественной войны перо сатирика Бориса Ефимова служило общему делу победы. Его карикатуры и плакаты пользовались огромной популярностью. «Вспомните рисунки Кукрыниксов или Ефимова,— говорил М. И. Калинин,— когда люди видят их подпись — то на самый рисунок смотрят пристальнее».

Работы художника в «Окнах ТАСС», в газетах и журналах военных лет отличались особой страстностью и целеустремленностью. Многие карикатуры Ефимова перепечатывались в десятках фронтовых газет, его плакаты были широко распространены в Действующей армии.

Лучшее, что создано Ефимовым за тридцать лет творческого труда, собрано в альбомах его произведений. Несколько сборников работ художника издано за рубежом — в Болгарии, Венгрии, Голландии, Англии. Сейчас в издательстве «Искусство» готовится к печати новый альбом карикатур и плакатов Бориса Ефимова — «За прочный мир, против поджигателей войны!»

В этом издании собрано много острых и метких рисунков, гневно обличающих врагов демократии и мира, реставраторов фашизма, инициаторов и вдохновителей новой войны. Рисунки Ефимова вскрывают антинародную сущность империалистической политики, зло высмеивают незадачливых коммивояжеров войны — Черчилля, Ачесона и иже с ними. Смех — не только признак силы, смех — сам сила, говорил А. В. Луначарский. Силой смеха Борис Ефимов владеет превосходно.

За политические карикатуры, разоблачающие происки поджигателей войны, Борису Ефимовичу Ефимову присуждена Сталинская премия второй степени.

К. МУРАВЬЕВ

Б. Е. Ефимов.

Фото А. Гостева

Новые карикатуры Бориса Ефимова.

Шумовой оркестр поджигателей войны.

По старой дорожке.

Кризис наступает...

Большая мечта

Ал. СВЕТОВ

Был осенний день, тихий и солнечный, когда, казалось, весь воздух насыщен крепкими запахами антоновских яблок и скошенных хлебов. Рядом со мной на трибуне нового колхозного стадиона в Бершади сидел невысокий пожилой человек, с коричневым от загара лицом и с серебряным зачесом седых волос. Он внимательно следил за ходом соревнований, и на его подвижном лице заметно было волнение, выдававшее в нем «болельщика».

Это был Юрий Николаевич Цвенев — человек необычайной профессии: он строитель сельских стадионов. Такой специальности нет больше нигде в мире. Она рождена социалистическим строем.

Четырнадцать лет прошло с тех пор, как инженера-строителя Юрия Николаевича Цвенева вызвали в Центральный Комитет КП(б) Украины и спросили:

— Сможете ли вы помочь колхозу соорудить спортивную площадку?

Цвенев строил дома и заводы, но никогда еще ему не доводилось строить спортивные площадки. В молодости, до революции, он знал деревню нищую, темную и убогую. Чувство обиды и горечи поднималось в его душе, когда, приезжая в село, он видел покосившиеся, крытые соломой избы. Ни деревца, ни кустика вокруг. Пыль клубилась над дорогами, над деревенскими улицами. Нещадно жгло солнце. Думалось, вот если бы посадить вокруг деревья, разбить парки!.. И, конечно, он рад помочь селу. Более того, он убежден, что колхозному селу нужна не просто спортивная площадка, а площадка в парке, чтобы вокруг шептались липы и обязательно росли цветы. Короче говоря, это должен быть парк физкультуры и отдыха.

В Чапаевке Цвенев вместе с председателем колхоза долго выбирал место для спортивной площадки. Его взгляд остановился на грязной и пыльной базарной площади. С нее и надо начинать. Он берется спроектировать и построить в самый короткий срок не площадку, а стадион. Средства? Для этого потребуется очень мало денег.

Всем селом сооружала колхозная Чапаевка свой стадион. Одни расчищали площадку, другие сажали деревья, третьи строили амфитеатром трибуны на земляном скате. Когда закончили строительство, Юрию Николаевичу торжественно присвоили звание «Почетный колхозник-ударник».

Из ближних и дальних сел приходили в Чапаевку посмотреть на стадион руководители колхозов, партийные и советские работники. Слава о колхозном стадионе распространилась по всей стране. Сюда приезжали спортсмены из Москвы, Киева, Харькова. Московская команда «Торпедо» провела здесь товарищеский матч с сельскими футболистами.

На имя Цвенева стали поступать письма с просьбой построить то стадион, то спортивную площадку, то водную станцию. Юрий Николаевич почти не бывал дома. Из села Сигнаевки он выезжал в Масловку, из Масловки — в Антоновку. По его чертежам там возводили спортивные сооружения, разбивали парки. Он сам планировал и руководил работами. Делал он это безвозмездно. В 1938 году по его проектам было построено на Украине 45 спортивных сооружений, в 1939 году — 85, в 1940 — 120.

— Казалось бы, небольшое дело,— говорит Юрий Николаевич,— сделать в селе спортивную площадку. А вдуматься по-настоящему — это выходит далеко за рамки спорта. Тут ведь культурная революция в деревне. Вот, к примеру, село Залесское, Тальновского района, Киевской области. Начали там со строительства колхозного парка физкультуры и отдыха, а кончили тем, что все улицы в порядок привели, деревья насадили, дома побелили...

Многие руководители колхозов не представляли себе, каким должен быть сельский стадион. При помощи чертежей трудно показать это. Однажды из села Кобринова Гребля к Цвеневу приехал председатель колхоза. Разговорившись за чашкой чая об урожае, о высоких доходах колхоза, собеседники пришли к выводу, что пора и Кобриновой Гребле иметь свой стадион. Но каким должен быть этот стадион, его сектора, трибуны? Для наглядности Юрий Николаевич гармошкой изломал папиросную коробку и показал гостю: вот какими будут трибуны.

Председатель Киевского комитета по делам физкультуры и спорта Д. Котко знакомится с планом строительства спортивных сооружений Киевской области. Слева — архитектор Ю. Цвенев.

Фото Н. Козловского

В тот вечер у Цвенева возникла мысль изготовить много макетов, которые помогли бы ему наглядно и убедительнее показать в колхозах строительство спортивных сооружений. Квартира инженера превратилась в макетную мастерскую. Юрий Николаевич с каждым днем все более постигал искусство воспроизводить в миниатюре из папье-маше, кусочков стекла и фанеры зеленые аллеи парка и беговые дорожки, вышки водных станций и клумбы газонов, шелковистую траву футбольного поля и скульптурные украшения у входа. Квартира пропахла клеем и сосновыми стружками. Макеты громоздились на столах, стульях и шкафу.

Случалось, что иной недоверчивый руководитель колхоза, осмотрев макеты, говорил:

— Согласен, здесь это выглядит хорошо, а вот каким-то оно будет в натуре?

Тогда Цвенев садился с гостем в поезд или в машину, и они отправлялись в село Худяки, Черкасского района. Там он показывал своему спутнику стадион, макет которого тот только что смотрел. На беговых дорожках состязались легкоатлеты, на поле сражались футболисты. Трибуны были переполнены зрителями. И, убежденный всем виденным, гость уезжал к себе в колхоз, чтобы заранее подготовиться к приезду инженера и к началу строительства.

Лучшие макеты Цвенева были выставлены в физкультурном павильоне Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве.

После войны военный инженер Цвенев был демобилизован. И вновь его вызвали на сей раз в комитет по делам физкультуры и спорта и предложили заняться прежней работой — строить сельские стадионы.

— Дел у вас будет больше, чем до войны,— говорили ему,— ведь какие разрушения, все надо начинать заново.

Да, ему это известно. Он побывал в Степановке и не узнал того места, где был когда-то стадион. Он приехал в село Худяки и долго в задумчивости стоял над пепелищем. Все сжег и уничтожил враг, даже парк чудесный вырубил начисто, и на его месте седой бурьян качался на ветру. Сколько сил предстоит затратить людям, чтобы создать все заново! И до того ли им теперь? Ведь прежде всего надо восстанавливать хозяйство, пахать, сеять, дома строить.

Но, и поглощенный большими заботами о возрождении разрушенного войной хозяйства, наш народ нашел время, средства, силы, чтобы уделить внимание и физическому воспитанию молодежи. Восстанавливались и строились стадионы, водные станции, спортивные залы.

Снова Юрий Николаевич в пути. Он ездит из колхоза в колхоз и всюду желанный гость, и везде ждут его с нетерпением, как старого друга. «Украшателем жизни» окрестили его старики, «нашим физкультурником» называют молодые.

Колхозники предъявляют строителю сельских стадионов все более высокие требования. Сооружения должны быть лучше и краше прежнего. Облик нового колхозного села стал уже немыслим без стадиона, так же, как без школы, клуба, радиоузла...

Не успел Цвенев построить стадион в селе Ломоватое, Черкасского района, как его направляют в село Русская Поляна руководить строительством парка физкультуры и отдыха. Оттуда он едет в Смелянский район, потом в село Ялтушки, на Винничину, сооружать водную станцию спортивного общества «Колхозная нива».

Большую, замечательную идею осуществляют сейчас большевики Украины: они реконструируют села и районы. Ликвидируется противоположность между городом и деревней. Какое здесь широкое поле деятельности и для строителя сельских стадионов!

Взять хотя бы Черкасский район. По плану реконструкции этого района все села здесь перестраиваются. Дома будут новые, каменные, чистые; прямые сельские улицы — замощены, вдоль тротуаров зазеленеют деревья...

В каждом селе обязательно будет свой стадион, своя спортивная площадка.

Юрий Николаевич планирует, где какое спортивное сооружение лучше сделать. Он советуется с председателями колхозов, бригадирами, с молодежью и учитывает все их пожелания.

Более двухсот спортивных сооружений построил на Украине Юрий Николаевич Цвенев. А сколько сделано по его чертежам и проектам, и сосчитать трудно. Беспокойный советский человек, человек большой мечты — таков этот седой инженер, обожженный солнцем, обветренный степными ветрами.

Киев.

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки Л. Самойлова

— Первого мая на каждый миллион москвичей приходится два миллиона приезжих родственников, — говорит Алексей Данилыч, входя в кухню с медным чайником, начищенным до солнечного сияния.

— Не два, а три,— деловито поправляет соседка, вытаскивая из духовки румяный, пахучий пирог.

— Ах, вот как! Это значит, к вам из Каширы внучки прикатили? А ко мне молодцы из Саратова. Вот, полюбуйтесь!

В дверях, деликатно улыбаясь, стоят молодцы, оба в новеньких, несмятых костюмах, очень похожие друг на друга. Одному шесть лет, другому — двадцать.

— Как выросли, возмужали, похорошели! — приятно удивляется соседка. — Когда я их видела в последний раз?.. В сорок седьмом году? Кажется, Юра и Андрейка, так ведь?

Возмужавший и похорошевший шестилетний Андрейка смущенно переминается с ноги на ногу.

— Но ведь у вас, Алексей Данилыч, еще четверо внуков? Где же они?

— Вот только еще тех четверых не хватает, — притворно ворчит Алексей Данилыч, очень довольный, что соседка восхищается его мальчиками.

— Остальные дома, в Саратове, они очень заняты, — объясняет Юра. — У них в школе выступление. Гошка играет Чичикова, а Валик — Плюшкина, а Мишка и Лешка участвуют в хоре.

— Артисты! — хохочет дедушка.— А про себя что ж молчишь?— и с гордостью говорит соседке:— Знаете, зачем в Москву приехал? Министерство вызвало. Малому двадцать лет, а он изобретатель. Каково?

— Так ведь я не один, — смущенно говорит Юра. — Нас трое фрезеровщиков.

— И всем по двадцать лет! — продолжает хвалиться дедушка.— Трижды двадцать — шестьдесят, как раз мой возраст. А я, брат ты мой, за свои шестьдесят лет ничего не изобрел. Дорос до старшего мастера и больше уже не расту. Обидно. И завидно.

— Да уж будет вам скромничать, — говорит соседка, — какой, право, завистливый человек! Два ордена имеет, билет на Красную площадь, на парад, всегда получает, и все ему мало! И куда это расти в вашем солидном возрасте, не представляю себе...

— Ордена просто за работу, — говорит Алексей Данилыч,— а что касается билета, это, действительно, приятно. И тебе, подберезовик, — обращается он к рыжеволосому Андрейке, — прямо повезло. Пойдешь завтра со мной на Красную площадь, увидишь Сталина!

Круглое андрейкино лицо до самых рыжих волос заливается ярким румянцем.

— А... а Юрка тоже с нами пойдет?

— Юрка? — дедушка разводит руками. — Нет, брат, юркино время прошло, когда его за ручку водили. Он уж пусть не прогневается, будет смотреть демонстрацию с балкона. Мимо нашего дома все пойдут.

— Значит, он Сталина не увидит?— андрейкин голос полон глубокого огорчения.

В прихожей раздается звонок.

— Это мой капитан, — говорит соседка и бежит открывать дверь.

Ее муж, чуть помоложе Алексея Данилыча,— капитан дальнего плаванья. Она никогда не зовет его по имени, а всегда — мой капитан.

Но это не он. Это пришли капитанские внучки: две маленькие девочки с косичками и старшая, восемнадцатилетняя, в зеленом пальто, похожая на тонкую березку. Они церемонно здороваются с мальчиками.

— Вы же знакомы, — говорит соседка.

— Не-ет, незнакомы! — басит дедушка. — Погляди-ка, Юрий, ведь ты девчонку помнишь, нескладную, длинноногую, а эту красавицу видишь в первый раз?

Дедушка, пожалуй, прав. Юрий конфузится, хмурится и не знает, что сказать...

— Ну, в общем, я пошел в министерство. А ты, Андрейка, посиди с дедушкой, чтоб он не скучал.

— Три года без них тосковал, скучал — это ничего,— говорит Алексей Данилыч, — а теперь, видите, какая забота.

Юрий уходит и пропадает так долго, что дедушка начинает беспокоиться и шагает взад-вперед по квартире. Андрейка вопросительно смотрит на него и изредка печально тянет носом. Наконец Юрий возвращается, и в первую минуту его даже не узнают. На нем новое пальто, фетровая коричневая шляпа и в руках много свертков. Из самого большого торчит вороная голова лошади. Выражение лица у Юрия удивленное и таинственное.

— Дедушка, — говорит он, — вы понимаете, меня вдруг взяли и премировали... У меня никогда не было столько денег, дедушка... Я купил вам часы, только не знаю, понравятся или нет? Между прочим, с гарантией. В случае чего — меняют, пожалуйста... А тебе, Андрейка, я купил лошадь. Только поосторожнее — это без гарантии...

Андрейка визжит от полноты чувств и кидается к сверткам.

Вечером дедушка с мальчиками и капитанские внучки идут смотреть иллюминацию. Ходят так долго, что Андрейка начинает спотыкаться. Алексей Данилыч говорит:

— Старым и малым пора домой. А вы, молодежь, еще погуляйте.

— Как хотите, — говорит Юра, делая вид, что ему все равно: идти ли гулять с красавицей капитанской внучкой или возвращаться с дедушкой.

Придя домой, дедушка устраивает постель на широком диване и раздевает разомлевшего Андрейку.

— Может быть, тебе что-нибудь рассказать на сон грядущий?

— Ра-а-ассказать, — во весь рот зевает Андрейка. — Про завтра...

— Нет, брат, завтра ты сам все увидишь.

Дедушка любуется рыжей головенкой на белой подушке. Что бы ему рассказать? Про свое детство? Нет, пожалуй, не годится. Отец у Алексея Данилыча был стекольщик, человек суровый и выпивающий. Гонял сына за водкой и драл за уши... Непедагогично... Про то, как Алексей Данилыч с одиннадцати лет работал на заводе? Еще того хуже и мрачнее...

— А вот расскажу я тебе, подберезовик, про свою молодость, как на Воробьевых горах маевку проводили... Слушай.

Дедушка начинает рассказывать, и перед ним встает его молодость, смелая, дерзкая, протестующая.

Дедушка увлекается, Андрейка моргает сонными глазами.

—...Да-а, брат ты мой. Но кончилась эта маевка для твоего деда тюрьмой. Посадили твоего деда в тюрьму и продержали в ней три месяца. Так-то вот. Да ты спишь?

— Нет, я не сплю. Я слыхал, тебя в тюрьму посадили,— повторяет Андрейка и мгновенно засыпает.

В час ночи Алексей Данилыч слышит, как в коридоре кто-то гудит и гудит вполголоса. Это Юра прощается с капитанской внучкой.

— Значит, до завтра?

— До завтра.

Юра берет тоненькую девичью руку, долго трясет ее, раскачивает и опять трясет.

— Значит, до свиданья?

— До свиданья.

Дедушке смешно. Он потихоньку ложится в постель. Юрий входит на цыпочках, у дверей снимает башмаки, чтоб не шуметь, но вдруг натыкается на стул.

— Ишь, медведь какой, озорник! Ребенка разбудишь, — шипит дедушка.

Но Андрейка уже проснулся. Он возится на диване и громко шепчет:

— Дедушка говорит, ты озорник, а он сам был первый озорник.

— Не болтай глупости, — шепчет Юра.

— Нет, не глупости. Он сам рассказывал. Он так плохо Май встречал на каких-то Воробьиных горах, что его милиционер забрал и он три месяца в тюрьме сидел, вот!

Юра приглушенно фыркает в одеяло.

— Дурак ты, брат Андрейка! Дедушка — старый большевик. А тогда были такие порядки... Как бы тебе объяснить? Ну, в общем дикие порядки, что никому нельзя было встречать Первое мая по-человечески, как полагается. И сейчас есть такие страны, где тоже за Май в тюрьму сажают.

— Дикие страны, — спокойно подсказывает Андрейка.

— Вот именно. А ты говоришь: дедушка озорник! Смотри, ему не ляпни...

Дедушка прикрывает усатый рот одеялом и тихонько смеется: «Ах, подберезовик! Нечего сказать, понял. Подытожил дедушкину деятельность». И, отсмеявшись, он говорит строго:

— Спать, спать! Завтра рано вставать: пойдем Май праздновать.

Утром Алексей Данилыч просыпается чуть свет. Что за чудеса? Почему его пригласительный билет лежит на столе? Он хватает билет и удивляется еще больше. Читает вслух: «Юрий Петрович Костин»?..

— Юра!

Мальчики просыпаются.

— Что такое, дедушка?

Юный изобретатель по-ребячьи зажмуривает глаза и опять валится в подушку лицом. Дедушка взволнован:

— Юра, ты что же молчишь? Значит, ты тоже?..

— Тоже, — говорит Юра. — Неужели, дедушка, я стану от вас отставать? Вы же сами сказали, что мое время прошло, когда меня за ручку водили.

И когда они все трое, торжественные и чинные, проходят по праздничным улицам, на них сто́ит поглядеть. В особенности на Андрейку. Сразу видно, что человек идет на Красную площадь, на парад.

Весеннее

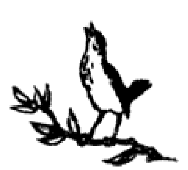

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ

1. ВЕСЕННИЕ ПРИМЕТЫ

Поэты все понаторели
Для всех журналов и газет
Давать весной набор примет:
«Апрели»... «Трели»... и «Капели».
Творят весною менестрели
Из матерьяла одного:
Мы здесь имеем: а) Капели,
б) Трели... в), г), д) Апрели
И все! И больше ничего...
А между тем они б должны
Расширить круг примет весны.
Весною день впервые долог,
Впервой щебечет все вокруг,
Впервой «тюрлюкает» фенолог
В статье о «цвиньканье» пичуг.
Впервые — тучи грозовые,
Впервые — град, впервые — грач,
Свистят впервые постовые
Мальчишкам, едущим впервые
На буферах на первый матч.
Впервые моют мостовые,
Впервые — кросс, впервые — квас,
Весною всё всегда впервые.
Такой сезон — всё в первый раз!
И первых вешних вод движенье,
И первый клич из края в край:
— На бой! На первое сраженье
За первый в мире урожай!
И в первый раз, хоть не впервые,
Грохочут тракторы в бою.
Идут бригады полевые
В моторизованном строю!
И в сводках из степных районов
Впервой — акация и вяз.
Полезащитные заслоны
Зазеленели в первый раз!
И совещанья кустовые,
И переклички сверху вниз
Идут по радио впервые:
— Как яровые?
— Мировые!
— Тогда насядь на кок-сагыз!
И первые прилеты уток,
И первый перелет гусей,
И первый выговор кому-то
За недосылку запчастей.
С путины первые приветы,
Из парков — шум, со стройки — весть...
Весна, весна, твои приметы
Не перебрать!.. Не перечесть!..

2. ВЕСЕННИЕ КРАСКИ

Весна — это буйство цветов и рассветов,
Пора соловьев, маляров и поэтов.

Поют соловьи, руководствуясь старым,
Но неумирающим репертуаром.

Поэты... Их песни новей и острее,
Но все же порой умирают скорее...

Бессмертный предвестник весенних сезонов —
Маляр! Он покрасит под колер газонов

Заборы и крыши, ворота и рамы...
Уже он покрасил трибуны «Динамо»!

При вести об этом под нервную встряску
Сейчас же кидает «болельщика» в краску.

И он признается, бледнея, краснея:
«Футболку вишневую видел во сне я!..

Как ждал ЦДКА я, мечтал о весне я!..
Команда «Армейцев»... Я с нею!.. Я с нею!..»

Красильный сезон уже в полном разгаре.
Опять зеленеет скамья на бульваре.

Сидят на скамейке жених и невеста.
Но красит порой человека и место.

К ним сторож подходит: «Сидеть здесь не велено!»
А сам улыбается: «Молодо-зелено»...

И красят и красят фасады, и входы,
Машины, и пристани, и пароходы...

Весна — это лучший художник на свете,
Раскрасит природу по собственной смете:

С самим изумрудом расцветкою споря,
Зеленое поле расстелется вскоре

От самого серого Белого моря
До самого синего Черного моря!

3. ВЕСЕННИЕ СВИДАНИЯ

Весенние свидания:
На скверах — ожидания,
Забытые студентами
Конспекты и задания.
В канун зачетной сессии
Любовь: потеря в весе, и
Бессонница, и полная
Утрата равновесия.

Весенние томления:
Прогулки, объяснения —
Почти необъяснимое
К поэзии стремление.
То строки исаковские,
То смело — смеляковские,
То пышно — антокольские,
То душе — щипачевские.

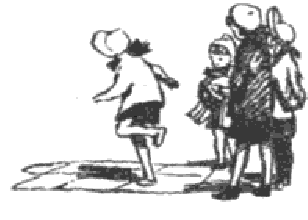
Весенние влюбленные,
Любовью окрыленные,
Способные на пешие
Прогулки отдаленные.
Мы не покажем виду им,
Но все же мы завидуем
Твоей неутомимости,
Влюбленный индивидуум!

Весенние рапсодии,
Любовные мелодии
Достойны подражания,
А вовсе не пародии.
При слабом освещении,
Для скрытия смущения,
И мы сейчас попробуем
Включиться в это пение:

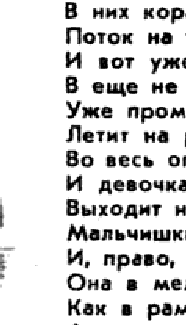
«— Играя листьями небрежно,
Вас теплый ветер в сад зовет,
Где репродуктор нежно-нежно
Шульженским голосом поет.
Свои сомненья позабудьте —
Ваш друг смущен, он сам не свой.
Мы за него вас просим: «Будьте,
Пожалуйста, его женой!»
Мечты о счастье — в вашей власти,
Они сбываются уже:
Он строит дом, где ваше счастье —
На тридцать первом этаже.
На вашем жизненном маршруте
Дорогой вам идти одной —
И мы вас очень просим: «Будьте,
Пожалуйста его женой».

4. ВЕСЕННИЕ ИГРЫ

Весенним играм детворы
Уже открыты все дворы,
Все парки, скверы и бульвары,
Исчерченные тротуары,
Где нужно только прыгнуть раз —
И перейдешь из «класса» в «класс».
Уже известно, чьи ручьи,
В них корабли известно чьи,
Поток на улице запружен,
И вот уже погружены
В еще не высохшие лужи
Уже промокшие штаны.
Летит на роллере мальчишка
Во весь опор, во весь карьер,
И девочка уже вприпрыжку
Выходит на весенний сквер.
Мальчишки ей смешны и жалки,
И, право, ей не до того:
Она в мелькающей скакалке,
Как в рамке или в букве «О».
А кто едва-едва елозит,

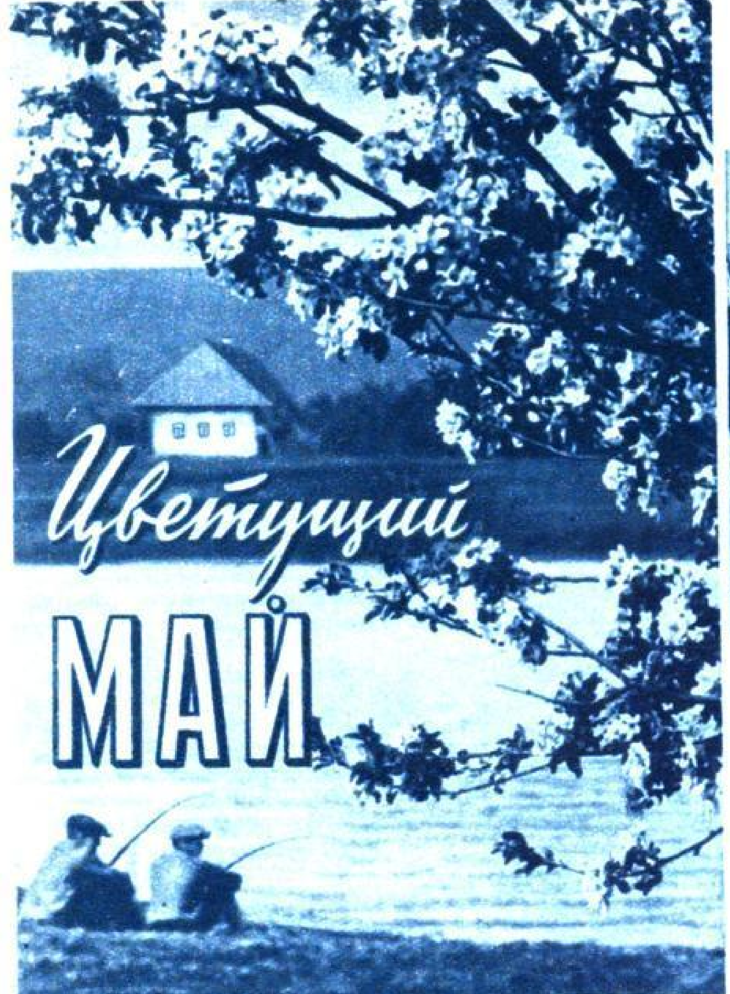
Кто слишком молод, чтоб играть, —
В колясках едут в сад гулять,
На шины перейдя с полозьев!
Бульвары все полны движеньем,
И все сады населены,
Как воплощением весны,
Весенним новым поколеньем.
Здесь каждый стать героем сможет,
Творцом, строителем, врачом,
И уж, поверьте, нипочем
Никто не вырастет рвачом,
Ни бюрократом, ни вельможей!
Они, живя в счастливый век,
К себе и к людям будут строже:
Ведь каждый маленький, но все же
Уже советский человек!
И вот весной в кругу детей
Мы, как у первого причала,
Стоим у самого начала
Красивых жизненных путей!

Рисунки О. Верейского

В мае весна достигает своего полного расцвета; это самый благоуханный месяц — месяц черемухи, ландышей и сирени.

В мае начинает петь свои песни соловей, прилетают ласточки и стрижи, белоснежным и белорозовым цветом покрываются в садах груши, вишни, сливы и яблони. Природа, как на праздник, нарядилась во все новое — новую листву, новую траву, новые цветы. Грохочут первые раскаты грома, сверкают теплые дожди. В лесу, в поле, в воздухе выводят затейливые трели птицы, в воде наперебой кричат лягушки.

На посветлевших после половодья реках и озерах начинается настоящее уженье: жадно клюет окунь, начинает брать язь и жерех, а с середины месяца — голавль, линь и лещ.

В конце апреля Земля вступает в обильный метеорный поток — Гамма-аквариды. На 4 мая приходится его максимум; в это время на юге можно наблюдать множество «падающих звезд».

При всем своем великолепии май, средняя температура которого превышает одиннадцать градусов тепла, бывает, особенно в первой половине, и пасмурным и холодным, что, впрочем, считается благоприятным для будущего урожая.

Дуб обыкновенно начинает зеленеть как раз в период майского похолодания, а средний срок распускания его почек — 11 мая — почти совпадает с последним заморозком в средней полосе России — 12 мая.

Солнце и дождь, а изредка даже снег, тепло и холод — такие колебания погоды в этом месяце хорошо выражены в народной поговорке: «Бывает май — под кустиком рай, а то май — коню сена дай, а сам на печь полезай».

В мае в южных районах Союза — сенокос, в Средней Азии и Закавказье — уборка озимых ячменя и пшеницы, а в средней полосе России — разгар весеннего сева: сеют зерновые, сажают картофель, высаживают капусту и сладкие луки, высевают огурцы, фасоль, начинают высадку томатов.

Перепел как будто уже предупреждает своим своеобразным криком: «Под полоть! Под полоть!»

Б. М.

АМЕРИКАНСКИЕ ТЕМПЫ

В США домовладельцы ежедневно выбрасывают на улицу сотни семей рабочих, которые не имеют возможности платить за квартиру.

— Еще недавно здесь был пустырь, а теперь погляди — целая улица выросла.

Рис. худ. З. Толкачева («Перець»)

РОЗА ИЗ СТАЛИ

Розу из нержавеющей стали, удивительную по сходству с живой, отлили в лаборатории Электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина) в Ленинграде. Диаметр цветка — 16 сантиметров, толщина лепестков и листьев — от 0,25 до 1 миллиметра.

Обо всём

В одном из горных ущелий вблизи Новороссийска почти круглый год свирепствуют сильные ветры, так называемые «боры». Среднегодовая скорость их превышает десять метров в секунду. Этот район называют иногда «полюсом ветров». Но настоящий «полюс ветров» находится в Антарктике, около географического южного полюса. Здесь ветер, дующий в течение всего года, с редкими перерывами на один — два часа, имеет среднегодовую скорость двадцать метров в секунду, то есть силу непрерывного шторма.

• • •

Известно, что Солнце, двигаясь по своей орбите, совершает путь вокруг центра Галактики за 250 миллионов лет. Возникает вопрос: не может ли Солнце, продвигаясь в непрерывно кружащемся звездном рое, когда-нибудь столкнуться с другой звездой?

Наука отвечает на этот вопрос отрицательно, так как расстояния между звездами огромны. Звезды перемещаются относительно Солнца со скоростью до 20 километров в секунду, а с такой скоростью до ближайшей звезды нужно лететь 200 тысяч лет.

Столкновение Солнца с какой-нибудь звездой, пишет профессор А. И. Лебединский, так же мало вероятно, как то, что мы когда-нибудь попадем в копейку на расстоянии ста километров, если будем производить по одному выстрелу раз в 200 тысяч лет, не зная, где расположена цель, и стреляя совершенно наугад.

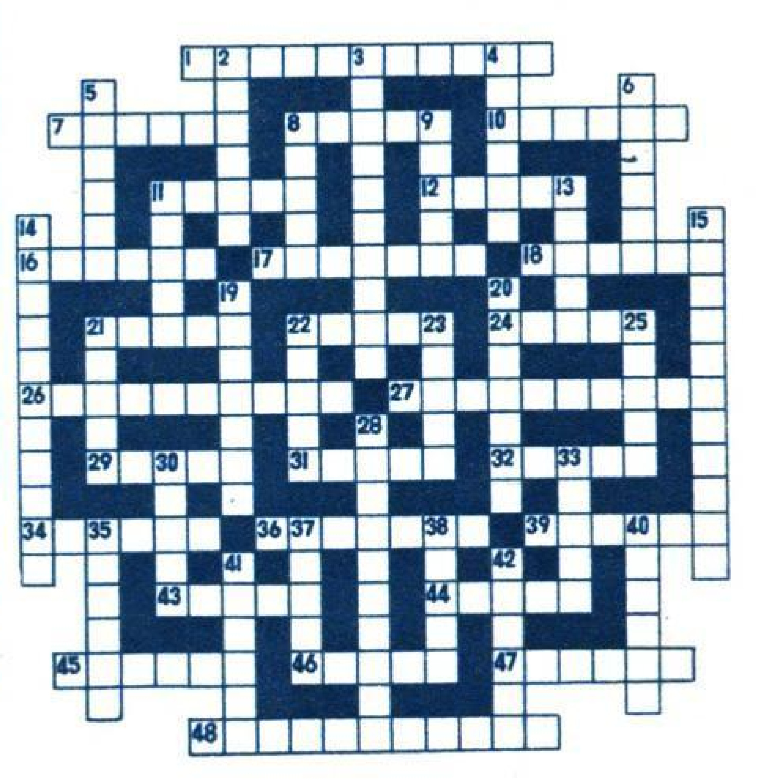
• • •

Самые большие из когда-либо живших на Земле хищников — тиранозавры (меловый период Мезозойской эры) — были ростом в 14,5 метра.

Травоядные (более раннего, юрского периода), например диплодоки, достигали 25—30 метров и веса — до 50 тонн. Они жили и в воде и на суше.

Однако величайшим животным всех времен, обитающим не на суше, а в воде, является современный кит — большой полосатик. Он бывает 33 метров длины и до 150 тонн веса. Питается этот гигант исключительно мелкими рачками. Известен случай, когда из желудка убитого полосатика вычерпали свыше тонны рачков.

По горизонтали:

1. Снижение цен. 7. Порт в Китае. 8. Перевал на Балканах. 10. Обсуждение. 11. Древний русский город. 12. Контур. 16. Вид поэзии. 17. Чувство нравственной ответственности. 18. Денежная единица на Руси. 21. Млекопитающее. 22. Характер встречи. 24. Род хлеба. 26. Аппарат для вычислений. 27. Роман Гончара. 29. Южное хлебное растение. 31. Чертеж, сделанный от руки. 32. Народность на Сахалине. 34. Советский поэт. 36. Чувство удовольствия. 39. Трусики. 43. Курорт в СССР. 44. Сочетание слов. 45. Профессия в колхозе. 46. Корабельная снасть. 47. Представитель народности СССР. 48. Русский художник-маринист.

По вертикали:

2. Китайский парусник. 3. Осуществление. 4. Ввоз товаров. 5. Член детской организации. 6. Советский писатель. 8. Сорт кожи. 9. Украшение в форме листьев. 11. Род автомобиля. 13. Советский драматург. 14. Советский композитор. 15. Русский поэт. 19. Музыкальный инструмент. 20. Прокатный стан. 21. Вредитель сельскохозяйственных растений. 22. Конвейерная система производства. 23. Народность в СССР. 25. Часть самолета. 28. Чемпион СССР по конькам. 30. Развалина. 33. Водяной вал. 35. Центр автономной области 37. Советский писатель. 38. Шелковая ткань. 40. Город в СССР. 41. Город в Китае. 42. Советский порт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

3. Моряк. 6. Граната. 8. Пикет. 11. Местность. 12. Проводник. 14. Ядро. 15. Тяжеловес. 16. Иней. 19. Вулкан. 22. Петров. 24. Минерал. 25. Сочи. 26. Арба. 27. Сектор. 28. Мартен. 29. Знак. 32. Овин. 33. Мономах. 34. «Кинжал». 35. Береза. 38. Приз. 39. Чебоксары. 40. Герб. 44. Эпиграмма. 46. Рефлектор. 47. Армяк. 48. Трактат. 49. Охота.

По вертикали:

1. Лань. 2. Карп. 3. Мумия. 4. Растрелли. 5. Кино. 6. Гусляр. 7. Апогей. 8. Пион. 9. Канонерка. 10. Тукай. 13. Клипер. 17. Пастернак. 18. Менделеев. 19. Вторник. 20. Никонов. 21. Сарафан. 23. Выбоина. 30. Консилиум. 31. Сорока. 32. Отечество. 36. Термит. 37. Графит. 38. Поэма. 41. Баржа. 42. Урюк. 43. Лето. 45 Араб. 46. Рота.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

НЕОБЫЧАЙНЫЕ СВОЙСТВА (№ 16)

Под большим давлением (в несколько тысяч килограммов на квадратный сантиметр) тела изменяют привычные свойства. Мрамор становится пластичным, а глина, сжимаемая между стальными досками гидравлического пресса, несколько вдавливается в сталь.

Давление препятствует и плавлению тел. Все они (кроме льда и чугуна) при плавке расширяются. Но большое давление препятствует расширению. Следовательно, при этом тело, нагретое выше своей температуры плавления, не может расплавиться.

В БЛАГОПРИЯТНОЙ СРЕДЕ (№ 17)

Сотрудник микробиологической лаборатории рассказывал о бактериях. Они по простоте своей организации являются элементарнейшими существами, стоящими на рубеже растительного и животного миров. Однако ученые относят их к растительному миру.

Одноклеточные организмы размножаются путем простого деления. В благоприятных условиях это деление происходит через каждые 30 минут. Таким образом, через шесть часов из одной бактерии может образоваться 4096 бактерий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

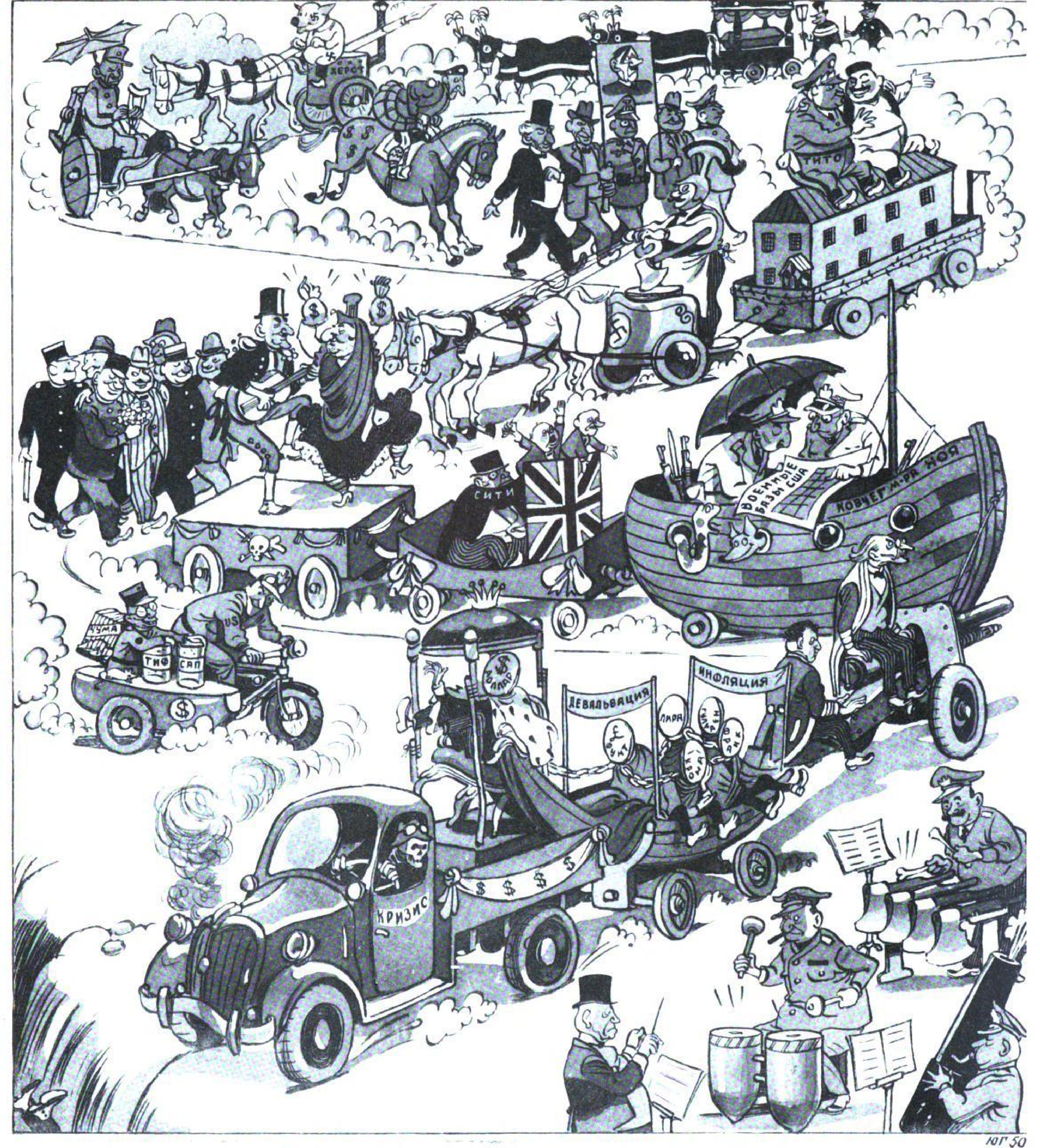
Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А — 00886. Подписано к печати 25/IV—50 г. Изд. № 311. 5 1/2 печ. л. Тираж 381 000. Заказ 1097. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Весенний парад поджигателей войны

Рисунок Ю. Ганфа

Скрип колес, бряцание оружия, воинственные крики!.. Приход весны 1950 года Уолл-стрит решил ознаменовать пышным парадом, надеясь поднять довольно кислое настроение своих маршаллизованных «подопечных» и подогреть остывшее дежурное блюдо своей пропаганды — «холодную войну»...

Впереди, на пошатнувшемся троне,— его величество доллар с сильно потрепанной западноевропейской валютной свитой. На прицепе — главный «товар», сбываемый в Европу,— устарелая американская пушка. Орудийная прислуга — из американизированных правых социалистов.

Корабль, следующий за пушкой,— модель небезызвестного ковчега, разыскиваемого «археологами» из американского генерального штаба на склонах Арарата в Турции. Потомки Ноя (по прямой линии от его сына Хама) вместо библейских «реликвий» находят обычно местечки для военных баз.

Английский капиталист из Сити показывает своих «петрушек» — лейбориста и консерватора. «Правая» рука отлично знает, что делает «левая».

На эстраде Ачесон и Франко исполняют лирический танец «Тореадор и андалузка». Заокеанский тореадор с удовольствием следит, как позвякивает кастаньетами-долларами столь близкая ему фашистская партнерша. Католическо-деголлевско-блюмовская Франция шествует в виде теплой компании спекулянтов, политиканов и полицейских агентов. Они прекрасно дополняют друг друга во французском парламенте. Подвыпили они для «бодрости духа» — слишком уж грозно дыхание рабочих окраин. На колеснице — современная богиня греческого правосудия, известная своей кровавой работой. Следуя на буксире своих афинских коллег, агент англо-американских империалистов иуда и палач Тито, превративший страну в тюрьму, окруженную колючей проволокой, обнимается с опорой своего янычарского режима — югославским кулаком.

Далее, под звуки американского фокстрота и нацистского гимна, шагает боннское «правительство» марионеток. Их маршрут — тот же, что у субъекта, изображенного на портрете, который они несут. Конец их будет такой же.

На горячем коне из вашингтонских конюшен, в поисках пушечного мяса, гарцует фельдмаршал Монтгомери, главнокомандующий без армии. За ним Чан Кай-ши едет в поисках подаяния и квартиры на случай «нового стратегического отхода».

На козлах, издающих специфический аромат газетной херстовской кухни, рыцарь «свободной» американской печати.

В хвосте шествия похороны по третьему разряду. Это хоронят остатки демократических свобод в странах «западной цивилизации».

В стороне генерал Макартур на мотоцикле с прицепом. Американский джентльмен и самурайский чумовод явно симпатизируют друг другу...

Куда движется это крикливое шествие под звуки атомно-фашистского оркестра? Об этом говорит фигура водителя. Он подлинный распорядитель карнавала. Кризис — вот кто неуклонно ведет всю разбойничью колонну к неизбежному концу — в пропасть.

Цена номера 3 руб.

В ковровой мастерской Самарканда. Патти Хайдарова и Коммунар Пулатов за работой над ковром.

Цветное фото Г. Зельма

Первая страница обложки — цветное фото О. Кнорринга.